

СибАК
www.sibac.info

ISSN 2310-2764

**XXIV СТУДЕНЧЕСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

№ 9 (24)

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО
СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ.
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

г. НОВОСИБИРСК, 2014

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

*Электронный сборник статей по материалам XXIV студенческой
международной заочной научно-практической конференции*

№ 9 (24)
Сентябрь 2014 г.

Издается с Октября 2012 года

Новосибирск
2014

УДК 009
ББК 6\8
Н 34

Председатель редколлегии:

Дмитриева Наталья Витальевна — д-р психол. наук, канд. мед. наук, проф., академик Международной академии наук педагогического образования, врач-психотерапевт, член профессиональной психотерапевтической лиги.

Редакционная коллегия:

Бердникова Анна Геннадьевна — канд. филол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии гуманитарного образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Н 34 «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки»: Электронный сборник статей по материалам XXIV студенческой международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд. «СибАК». — 2014. — № 9 (24)/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/9\(24\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/9(24).pdf).

Электронный сборник статей по материалам XXIV студенческой международной научно-практической конференции «Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ББК 6\8

Оглавление	
Секция 1. Искусствоведение	10
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ ЧЕЛОВЕКОМ	10
Германова Елизавета Николаевна Жахова Ирина Геннадьевна	
Секция 2. Краеведение	15
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	15
Метель Екатерина Вячеславовна Почеревин Евгений Владимирович	
Секция 3. Лингвистика	24
МНОГОМЕРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ХИАЗМОВ	24
Репнина Татьяна Владимировна Арсентьева Мария Валентиновна	
Секция 4. Педагогика	35
ПИРИНГОВАЯ СИСТЕМА СТУДЕНЧЕСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СТЕНАХ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ	35
Байтимбетов Галым Болатулы	
ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИКО-ФОНЕМАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ФОНЕТИКО-ФОНЕМАТИЧЕСКИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ И ДИЗАРТРИЕЙ	41
Мякишева Людмила Валерьевна Дубовская Вера Александровна	
ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ	50
Неверова Яна Эдуардовна Гилева Анжела Валентиновна	
ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИЗАРТРИЕЙ	56
Шапкина Зинаида Владимировна Дубовская Вера Александровна	

Секция 5. Психология	63
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ ИЗ БЛАГОПОЛУЧНЫХ И НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ	63
Галяутдинова Дания Рашидовна Бенькова Оксана Анатольевна	
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ	69
Каркунова Кристина Витальевна Бенькова Оксана Анатольевна	
ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЕЙ МУЗЫКИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА	76
Читанава Тамара Вангельевна Инджоян Анжела Оганесовна Киселева Анна Андреевна Онищенко Валерий Леонидович	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	82
Шаров Алексей Александрович Рудзинская Танзиля Фаатовна	
ИЗУЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ С ОВЗ (ДЦП И СЛАБОВИДЯЩИЕ)	90
Юсупова Лейсан Илфаковна Яншаева Оксана Сергеевна	
Секция 6. Юриспруденция	96
НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ	96
Андриянова Наталья Юрьевна Цечоев Валерий Кулиевич	
УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ОТНОШЕНИИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ	102
Базаленко Сергей Юрьевич Спектор Людмила Александровна	
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	110
Бойко Иван Геннадиевич Кириленко Виктория Сергеевна	
МЕДИАЦИЯ — КАК БЕСПЛАТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ	118
Быкадоров Алексей Викторович Працко Геннадий Святославович	

УГОЛОВНОЕ ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО	126
Вожжов Алексей Александрович	
Цечоев Валерий Кулиевич	
ПРОЖИВАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ	131
Высоцкий Игорь Юрьевич	
Кириленко Виктория Сергеевна	
НАДЗОР В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ	136
Горелов Максим Владиславович	
Працко Геннадий Святославович	
ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ	142
Горелова Анна Сергеевна	
Позднышов Алексей Николаевич	
ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	150
Гусева Анастасия Николаевна	
Ванин Виталий Владимирович	
ФОРМЫ ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	159
Гусева Олеся Георгиевна	
Иванов Владимир Дмитриевич	
ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ БЕЗ ПРАВА НА УСЛОВНО- ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ	165
Догузов Вадим Иосифович	
Працко Геннадий Святославович	
ОСМОТР ТРУПА НА МЕСТЕ ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ ВРАЧОМ УЧРЕЖДЕНИЯ УИС	171
Епифанов Евгений Владимирович	
Шишкин Алексей Александрович	
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРАВА ЛИЧНОСТИ	176
Животова Татьяна Юрьевна	
Цечоев Валерий Кулиевич	
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ	184
Зибров Валерий Анатольевич	
Цечоев Валерий Кулиевич	

ЗАЩИТА И РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Зиброва Наталья Михайловна Спектор Людмила Александровна	192
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА Иванов Андрей Анатольевич Ванин Виталий Владимирович	200
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РФ Иванов Андрей Иванович Цечоев Валерий Кулиевич	209
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП К РАССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ Ильин Андрей Васильевич Працко Геннадий Святославович	219
УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА Илюхина Елена Геннадьевна Працко Геннадий Святославович	227
О ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПЫТКАХ Карапетян Мисак Гарагенович Працко Геннадий Святославович	235
ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ Кришалович Елена Генриковна	245
МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРИЗНАКИ И ФОРМЫ Лосева Анна Валерьевна Ванин Виталий Владимирович	250
КООРДИНАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ Марченко Елена Викторовна Иванов Владимир Дмитриевич	259

БОРЬБА С НЕЗАКОННОЙ ТОРГОВЛЕЙ ОРУЖИЕМ	268
Миронова Дарья Дмитриевна Кириленко Виктория Сергеевна	
«САМООБОРОНА» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	276
Москвитин Евгений Юрьевич Спектор Людмила Александровна	
К ВОПРОСУ О ПРИМИРЕНИИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	282
Науменко Михаил Владимирович Цечоев Валерий Кулиевич	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ: АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, НОВОЕ ВРЕМЯ	291
Нигматулин Тимур Маликович Татаркина Ксения Павловна	
ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	296
Орзулова Кристина Вячеславовна Майстренко Григорий Александрович	
СТРУКТУРА АЛГОРИТМА ТАКТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИТУАЦИЙ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	304
Осипов Роман Викторович Иванов Владимир Дмитриевич	
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	312
Самоделов Антон Николаевич Шишкин Алексей Александрович	
О НЕДОСТАТКАХ ВОПЛОЩЕНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ	320
Смоляков Роман Сергеевич Кириленко Виктория Сергеевна	
ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОМУ ПОДЛОГУ	330
Страданченко Сергей Георгиевич Кириленко Виктория Сергеевна	
ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАТОРАМ И РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ, РЕАЛИЗУЕМОГО НА ЭТАПЕ ИХ СОЗДАНИЯ	338
Суверов Михаил Юрьевич Ванин Виталий Владимирович	

НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ	354
Фёдоров Сергей Викторович Ванин Виталий Владимирович	
РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	364
Чубенко Евгений Сергеевич Шишкин Алексей Александрович	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	373
Щеглова Екатерина Андреевна Працко Геннадий Святославович	
НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	381
Энговатова Яна Андреевна Кириленко Виктория Сергеевна	

СЕКЦИЯ 1.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ ЧЕЛОВЕКОМ

Германова Елизавета Николаевна

*студент Смоленского государственного университета,
5 курса, художественно-графического факультета,
кафедры дизайн архитектурной среды и технической графики,
РФ, г. Смоленск
E-mail: Liza.Germanova@mail.ru*

Жахова Ирина Геннадьевна

*канд. пед. наук, доцент кафедры дизайн архитектурной среды
и технической графики Смоленского государственного университета,
РФ, г. Смоленск*

*"Нет истинного творчества без мастерства, без высокой
требовательности, упорства и работоспособности, без таланта, который
на девять десятых состоит из труда. Однако все эти существенные
и необходимые качества ничего не стоят без художественной концепции
мира, без мировоззрения, вне целостной системы эстетического восприятия
действительности"*

Ю.Б. Борев

Эстетика считается наукой о чувственности человека. Её предметом является окружающая человека действительность, формы и нормы эстетического чувства. Эстетика изучает происхождение этого чувства, отношение к окружающей среде, предметам искусства, другому человеку. В некотором роде эстетику можно назвать философским учением о понятии и форме прекрасного в искусстве, природе и человеческой жизни. А.Ф. Лосев считал, что источником эстетических чувств может быть любая сторона общественной жизни. Она развивается и изменяется под воздействием

окружающей среды и социума. Эстетическими чувствами считается реакция человека на эстетическую сторону действительности. Субъективное суждение, оценивающее красоту любых предметов, которое одинаково реагирует и на произведения искусства, и на природу, и на самих людей. Эстетическое восприятие помогает нам чувствовать красоту, сопереживать предметам искусства, получая удовольствие или излучая негативные эмоции. Воспринимая эстетическую составляющую окружающей среды, человек вступает в контакт с социумом, принимая в нем активное участие. Каждое произведение искусства уникальным образом воздействует на личность человека и становится его достоянием. Это процесс эстетического воздействия объекта культуры на человека.

Восприятие человеком объектов окружающей реальности происходит по законам, давно выявленным человечеством и несущим объективный характер. Предметы искусства воспринимаются по принципам, являющихся незыблемыми для многих поколений. Они проходят многие стили и направления, оставаясь неизменными. Изменения настолько мало затрагивают основы восприятия индивида, потому что основа вкуса адаптируется к новому времени и прививается новому поколению практически в неизменном виде [1]. Архитектура является сложным и многоуровневым процессом, который порождает эстетическое восприятие окружающего нас пространства. Каждый зодчий стремится создать, что то великолепное, завораживающее своей уникальностью и неповторимостью, что то, что повлияет на жизнь окружающих путем улучшения внешнего облика города и создания оптимальной среды пребывания социума.

Городская среда имеет непосредственное влияние на эстетическое восприятие человека, именно поэтому современным городам необходимо совершенствовать эстетические составляющие форм и объектов. Глаз человека, наслаждающийся эстетическим зрелищем, воспринимает не простоту или сложность структуры, он оценивает выразительность и богатство форм, полноту и четко выраженную смысловую нагрузку элементов. Художественное

произведение, выполненное со знанием порядка и методами воздействия на зрителя, может оказать положительное или отрицательное влияние на направление деятельности человека [2]. Другими словами, одни художественные произведения искусства способны вдохновлять и побуждать к активной жизненной позиции и положительному восприятию окружающей среды, напротив, другие могут вызывать чувство угнетения и потерянности. Архитектурный облик любого города формируется на протяжении определённого временного периода, охватывающего различные исторические этапы. Каждому времени свойственен свой стиль со своими эстетическими принципами. Архитекторы уделяли значительное внимание эстетической составляющей облика города. Исторически сложившиеся стили создавали гармоничную городскую среду, которая благотворно влияет на эмоциональную природу человека. Синтез стилей, которые веками сочетались в одном городе, придает ему собственную выразительность и неповторимость.

В XX веке в связи с бурным развитием промышленности и производства обозначилась другая проблема. Здания, представляющие собой функциональные блоки, негативно сказываются на эстетическом восприятии жителей города. Их создатели недостаточно заботились об эстетической составляющей городской застройки: промышленная архитектура носит утилитарный характер и полностью зависит от функциональной составляющей здания. Это значит, что при проектировании промышленных объектов об эстетической стороне думали в последнюю очередь. Современный город требует не просто пересмотра отдельных элементов архитектурных ансамблей города, но и изменения структуры зданий и сооружений. Сейчас важно решать не только проблему функциональности объектов, но и учитывать степень влияния архитектурной среды на человека, которая в настоящее время вызывает лишь негативные ассоциации. Если обратить внимание на промышленные здания, созданные в XXI веке, можно заметить попытки создания эстетичного вида сооружений. Это можно объяснить тем,

что промышленные блоки стали требовать меньшего строительного объема, что положительно сказалось на внешнем виде.

Высокий эстетический уровень застройки положительно сказывается на внешнем облике города, что в свою очередь, развивает эстетическое восприятие социума и повышает работоспособность каждого человека.

Именно поэтому архитектор, при разработке проекта должен учитывать не только техническую сторону сооружения, которая повлияет на стоимость и строительные конструкции здания, но и не забывать об эстетической составляющей внешнего облика проектируемого объекта. В искусстве существуют проблемы, которые необходимо решать. Таковыми являются проблемы формы, пространства, композиции. Так как человек не воспринимает архитектурный ансамбль как единое целое, а путь восприятия идет постепенно, раскрывая новые уровни, один за другим, то архитектор должен решать вышеперечисленные проблемы в их взаимодействии, используя законы пропорций, динамики и ритма, придавая законченный вид архитектурной композиции, учитывая последовательность восприятия человеком окружающей среды [3].

Основной задачей современной эстетики является развитие в людях не бездумной способности созерцания и любования объектами искусства, а организация пространства, которое могло бы пробудить энергию, направленную на улучшение качества окружающей действительности. Современная эстетика может и должна делать практически нужные решения и давать ответ на потребность человека жить и передвигаться в пространстве, жить, что значит полно чувствовать, понимать и совершенствоваться. Архитектура своей активной силой, системой организации и оформления вещных форм и видимого пространства должна этому способствовать, чтобы быть не только «полезной» в узком утилитарном смысле, но глубоко социально полезной, как культурный, организующий и радующий жизненный фактор.

Список литературы:

1. Борев Ю.Б. М.: Высш.шк., 2002 — 511 с.
2. Говорит Москва. Первоисточники. К.Зелинский. Идиалогия и задачи советской архитектуры. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.ruthenia.ru(дата обращения 5.09.2014).
3. Гофман В.Л. Фабрично-заводская архитектура. Изд. 2 доп., Кубуч, тип. «Ленингр. Правда». 1935.
4. Дженкс, Чарльз «Язык архитектуры постмодернизма» / пер. с англ. д. архитектуры А.В. Рябушина, к. иск. В.Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985, — 137 с.
5. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминологический словарь./ Под общ. ред. А.М. Кантора. М.: Эллис Лак, 1997. — 736 с.
6. Ковалев А.Я., Ковалев В.А. Промышленная архитектура Советской России. М.: Стройиздат, 1980. — 159 с.
7. Современная русская архитектура и западные параллели. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: Theory.totylarch.com (дата обращения 9.09.2014).
8. Холодова Л.П. История архитектуры металлургических заводов Урала второй половины XIX — начала XX вв.: Учебное пособие. М.: 1986. — 96 с.

СЕКЦИЯ 2. КРАЕВЕДЕНИЕ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Метель Екатерина Вячеславовна
студент 5 курса ФИиП «АГАО им. В.М. Шукина»,
РФ, г. Бийск
E-mail: metel-ev@mail.ru

Почервин Евгений Владимирович
научный руководитель, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры
отечественной истории «АГАО им. В.М. Шукина»,
РФ, г. Бийск

По данным изданного в 1907 г. официального справочного издания «Благотворительность в России», к 1902 г. в Российской Империи насчитывалось свыше 19 000 филантропических учреждений [13; с. 5]. Бийские купцы М.С. Сычѳв, П.А. Копылов, Н.И. Ассанов вкладывали немалые средства на строительство церквей, школ, учреждений здравоохранения, а также на прочие нужды.

Успешное развитие промышленности, транспорта и торговли невозможно без увеличения контингента грамотных людей, особенно персонала со специальной профессиональной подготовкой. В Сибири весьма динамично развивалось общее и специальное образование. Становление и совершенствование системы народного просвещения происходило в регионе во многом благодаря инициативе прогрессивной общественности, нежели деятельности государственных структур (органам местного самоуправления, обществ попечения о народном образовании, пожертвованиям частных лиц, в основном — представителей купеческого сословия). В Бийске активно действовали подобные общества попечения.

Дуализм ситуации, а именно: соседство максимального государственного администрирования с минимальным государственным финансированием, были

замечены гласными Бийской городской Думы. Последние были недовольны неравномерным распределением денежных средств, отпускаемых министерством народного просвещения, между отдельными городами [4; с. 3].

Большинство купцов Западной Сибири внесли свою лепту в развитие не только экономики региона, но и других отраслей. Данный факт рассматривается нами как положительный для народного образования, потому как организация данной отрасли осуществлялась лицами, заинтересованными в её развитии. Негативным же он видится нам в силу того, что средства купечества были ограничены, к тому же организация народного просвещения является одной из обязанностей государства.

Благотворительность являлась одним из важных компонентов саморегуляции общественного организма в ситуации нарастающей социальной напряженности. Средства, полученные подобным образом, являлись весьма важным фактором, обеспечивающим существование учреждений народного образования. Представители купеческого сословия весьма деятельно принимали участие в становлении и развитии системы народного просвещения города. Большая часть учебных заведений города была открыта благодаря их пожертвованиям. В частности, 27 марта 1913 г. на заседании Бийской городской Думы был зачитан доклад об образовании комитета для изыскания средств для строительства мужской гимназии в г. Бийске. Сумма в 23 173 рублей 94 копеек, собранная комитетом, была перечислена в Бийское отделение Русско-Азиатского Банка для строительства мужской гимназии [5, с. 4].

Наибольшие суммы в качестве пожертвований были предназначены системе народного просвещения. Общественный деятель, революционер-народник С.Я. Елпатьевский отмечал, что купечество Сибири охотно перечисляло деньги на училища и библиотеки, различные курсы и музеи, на сибирский университет, являвшийся заветной мечтой сибиряков, на поддержку сибирского студенчества в Москве и Петербурге — на всё то, что отвечало интересам сибирских жителей, особенно в области народного образования [8].

Тем не менее, нами было замечено, что сами филантропы зачастую имели относительно невысокий уровень грамотности. Наиболее ярким примером являлась Е.Г. Морозова, которая внесла внушительные средства на развитие школьной сети города, при том, что сама Елена Григорьевна не имела и начального уровня образования.

Из воспоминаний современника нам стало известно, что среди купцов в г. Бийске насчитывалось «никак не более десятка людей, кончивших городское училище, получивших среднее образование вовсе нет. Большинство хозяев и приказчиков едва умеют писать свою фамилию» [12, с. 118]. Что касается чиновников, относительно этой категории имеется информация о том, что «слабообразованные члены управы оказывались бессильными, выполнить даже прямые требования Городового положения относительно отчетности о своей деятельности, об исполнении финансовых смет» [6].

Во многом, наверняка, благодаря этому купечество старалось не только вносить крупные пожертвования на нужды народного образования, но и принимать деятельное участие в делах просвещения. М.С. Сычев, бийский предприниматель, который не имел начального образования, на протяжении двадцати лет являлся «почетным блюстителем» Форштадтского училища, «почетным смотрителем» Пушкинского трехклассного училища, попечителем Заречных церковно-приходских школ, а в 1896 году был утвержден на должность председателя попечительского совета Бийской женской гимназии. Вышеупомянутый общественный пост следом за Михаилом Савельевичем занял купец — «чуец» Н.И. Ассанов, которому, как было указано в «Справочнике по городу Бийску и Бийскому уезду», бийская прогимназия «в значительной степени, обязана существованием» [8]. Эти общественные должности подразумевали не только участие в заседаниях или председательство на всевозможных торжественных мероприятиях, но и организацию финансовой поддержки учебных заведений. В 1914 г. Бийская городская Дума на пожертвования Н.Д. Бородина учредила 55 стипендий для детей Георгиевских Кавалеров в Пушкинском и Владимирском высших начальных

училищах, ремесленной школе имени А. и Е. Морозовых, мужской и женской гимназиях и школе Общества попечения о начальном образовании [29].

Попечительство над отдельными учебными заведениями представляло собой следующее. Лица, занимавшие эти общественные должности, были в курсе дел опекаемого учебного заведения, принимали непосредственное участие в заседаниях педагогического совета, вручали учащимся похвальные грамоты и осуществляли прочие поощрения, информировали городскую Думу о нуждах учебного заведения, зачастую финансировали ремонт, приобретение необходимых предметов мебели и книг для учреждения, оказывали материальную помощь учащимся, проводили праздники и торжества. Общество оказывало материальное содействие существующим городским школам, помогало учителям и беднейшим ученикам. Для этих целей, к примеру, в пользу общества попечения о начальном образовании по случаю Пасхи в 1913 г. были перечислены средства в форме пожертвований бийских предпринимателей [15; с. 4]; также для нужд школы общества в 1914 г. была назначена субсидия в размере 1 200 рублей [7; с. 4]. Кроме того, общество открывало новые школы (к примеру, в 1917 г. — Вечернюю школу [3; с. 4]), вело широкую просветительскую работу: организовывало народные чтения, спектакли, научные лекции (такие, как лекция «Роль интеллигенции в общественном движении» профессора Н.А. Гредескула [17; с. 4], лекция «Искусство и гипнотизм» г. Румянцева [18; с. 4]) [10; с. 157]. Администрация общества являлась выборной. Процедура избрания производилась на собрании общества, что впоследствии освещалось в прессе. Так, в 1913 г. были избраны председатель правления — П.В. Орнатский, товарищ (заместитель) председателя — А.П. Стрельман, члены правления — Н.И. Ассанов, Р.К. Годомский, А.А. Филиппов, И.Н. Шендриков и М.А. Калинин. Согласно уставу, список лиц был представлен на утверждение губернатору. Полицией были собраны сведения о них, в итоге — список был утверждён частично [16; с. 4].

Первая библиотека в городе была основана в коммерческих целях. В 1885 г. И.Д. Ребровым была учреждена платная частная библиотека, однако прибыли она не принесла, в связи с этим, спустя два года хозяин передал её в собственность городу. Благодаря этому решению, была основана городская публичная библиотека.

На заседании Бийской городской Думы 14 мая 1913 г. был поднят вопрос о создании народного дома. Ещё прошлый состав органа местного самоуправления поднимал вопрос о строительстве культурно-просветительского учреждения и даже направил ходатайство о правительственной ссуде, но городу было отказано, и вопрос остался открытым. В 1912 г. А.П. Копылов изъявил желание пожертвовать сто тысяч рублей на строительство народного дома (что в два раза больше, чем сумма, запрошенная у правительства). Дума не только приняла дар, но и решила внести свою лепту, а именно регулярные денежные отчисления в течение двадцати пяти лет. Гласные были обеспокоены различными бедствиями, которые могут постигнуть строение, а также вопросом его расположения. В здании народного дома предполагалось поместить городской общественный банк и биржу труда [9; с. 4].

Оказывалась существенная поддержка и медицине. Так Е.Г. Морозова пожертвовала на строительство городской больницы 1 000 рублей, а также 10 000 рублей Барнаульской лечебнице. Первая больница в городе была открыта купцом. Она была учреждена, а также впоследствии содержалась А.А. Соколовым. Лечебница вмещала 25 пациентов и была основана в 1876 г.

Как отмечает Е.П. Хорькова, «...необходимость благотворения ставилась одним из ценностных и поведенческих стереотипов, постепенно закреплявшихся в пореформенные десятилетия в сознании российской буржуазии» [14; с. 365]. В рассматриваемый хронологический период частные пожертвования были обычной статьёй расходов предпринимателей. Бийские купцы также участвовали в благотворительной деятельности.

Мотивы, которыми руководствовалось купечество при внесении пожертвований, были самыми разнообразными. В одних случаях —

это стремление получить социальные и налоговые льготы для улучшения своего материального или общественного положения, в других — религиозные, патриотические, культурно-эстетические причины купеческой филантропии.

Виды и размеры благотворительности бийских купцов были самыми разнообразными. Изучая архивные документы, исследователи убедились, что отчисления в пользу церквей и монастырей являлись обязательной статьёй расхода предпринимателей. Купцы, подавляющее большинство которых было людьми глубоко религиозными, не только жертвовали церквям колоссальные средства, но и принимали активное участие в организации церковных служб, пели в церковном хоре. П.А. Бурышкин утверждал, что на филантропию взирали как на «... своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою ... на выполнение какого-то свыше назначенного долга» [1; с. 100]. Воспитанные в духе религиозных устоев и норм христианской морали, предприниматели полагали, что помощь «сырым и убогим» является их нравственным долгом. Исходя из этого, мы считаем, что все же большинство капиталистов занималось благотворительностью в соответствии со своими внутренними убеждениями.

К примеру, бийский купец М.С. Сычев будучи «почётным смотрителем» Пушкинского трёхклассного училища, а в 1901 г. являясь главой города, был избран председателем попечительского совета Бийской женской гимназии. Занимая вышеупомянутые должности, он постоянно финансировал эти учебные заведения. В 1889 г. он перечислил 5 000 рублей на строительство церкви в Томске, в пользу томского Владимирского детского приюта — 100 рублей, в 1900 г. он принял наиболее деятельное участие в строительстве нового каменного здания церкви, выделив для этой кампании более 5 000 рублей. В 1903 г. он организовал строительство нового здания для Успенской церковно-приходской школы, перечислив для этой цели 5 000 рублей. Помимо филантропии относительно Успенской церкви, купцом были внесены внушительные суммы на строительство в г. Бийске архиерейского дома и церкви при нём. Также М.С. Сычевым было пожертвовано 600 рублей на сооружение в г. Бийске Соборной церкви во имя Св. Троицы, 500 рублей —

на содержание церкви во имя Александра Невского, 1 100 рублей — на восстановление сгоревших архиерейского дома и церкви при нём, 560 рублей — на сооружение Заречной Покровской церкви. На протяжении 18 лет предприниматель избирался церковным старостой Успенской церкви, к тому же считался одним из наиболее уважаемых членов прихода. Купцом ежегодно выделялись средства на содержание церковного хора, приобретались иконы и расшитые серебром парчовые ризы для священников, жертвовались необходимые суммы на ремонт и содержание храма. Во время русско-японской войны М.С. Сычев оборудовал вагон-склад Российского Красного Креста, выделил значительную сумму на пособие для солдатских жён. Всего с 1876 по 1904 гг. Михаил Савельевич пожертвовал на нужды церкви, образования и здравоохранение 56 500 рублей. Деятельность М.С. Сычева была неоднократно отмечена и благословлена представителями церкви, меценат награждён тремя медалями «За усердие», орденом Станислава второй степени, орденом Анны третьей и второй степени, орденом Владимира четвертой степени [11].

Также много времени и средств отдавал благотворительной деятельности Н.И. Ассанов. С 1896 г. по 1913 г. он являлся членом, а впоследствии и председателем попечительского комитета Бийской Николаевской женской гимназии. За указанный хронологический период отчисления мецената в пользу гимназии составили 25 000 рублей. В 1911 г. он занял пост почётного попечителя мужской гимназии. Николай Иванович регулярно ассигновал средства на всевозможные нужды гимназии, финансировал экскурсию гимназистов в Горный Алтай летом 1912 г. Н.И. Ассанов являлся членом правления местного «Общества попечения о начальном образовании», был председателем совета женской гимназии, организовал в Кобденском округе прививку оспы, что принесло ему большую популярность среди местных жителей, входил в состав бийского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения ее быта».

Значительный вклад в строительство Троицкого собора внёс купец 1-й гильдии А.Ф. Морозов. Также церковные капиталы пополнялись за счет ценных бумаг, поступивших как по духовным завещаниям самих купцов, так и от их вдов, к примеру, от Е.Г. Морозовой, которая построила домовую церковь при городском мужском училище, затратив на это 40 000 рублей [2; с. 93].

Таким образом, благотворительность купцов была не только традиционным жестом, но и достаточно весомым вложением предпринимателей: помимо всевозможных орденов и медалей меценаты приобретали социальные и налоговые льготы, посредством чего могли улучшить своё общественное и материальное положение. Мотивация могла быть самой разнообразной: от искреннего желания помочь страждущим до желания извлечения выгоды. Однако в любом случае это было полезно для обеих сторон: как для дарующей, так и для принимавшей, ведь, как уже было оговорено нами ранее, наблюдалось соседство максимального государственного администрирования с минимальным государственным финансированием. Благотворительность являлась одним из важных компонентов саморегуляции общественного организма в ситуации нарастающей социальной напряженности. Средства, полученные подобным образом, являлись весьма важным фактором, обеспечивающим существование многих учреждений. Так, помощь от предпринимателей получали просветительские, благотворительные, медицинские учреждения и прочие организации.

Список литературы:

1. Бурьшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. — 352 с.
2. Быкасова Л.В. Ценностно-мотивационная структура благотворительной деятельности в Западной Сибири XIX — начала XX в. // III Международный конкурс «Уроки благотворительности». Самара, 2009. — С. 93.
3. Вечерняя школа//Алтай, № 240, 02(14).11.1917 г.
4. Городская Дума//Алтай, № 37, 14(27).02.1913 г.
5. Городская Дума//Алтай, № 70, 29.03(11.04).1913 г.

6. Ерёмина Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков: БТИ-Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. — 184 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-173269.html>
7. Заседание Городской Думы//Алтай, № 188, 23.08(05.09).1914 г.
8. История благотворительности на Алтае. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/blagotvor.php>
9. К постройке Народного Дома в г. Бийске//Алтай, № 104,14(27).05.1913 г.
- 10.Литягина А.В. Актуальные проблемы исследования культурного ландшафта русского города второй половины XIX — начала XX вв. (на примере Сибирского региона)//Гуманитарные науки и образование в контексте формирования исторического мышления: Труды участников Всероссийской научно-практической конференции (12—13 мая). Бийск. 2005.
- 11.Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в.: Монография. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2001. — 241 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.altymb.ru/business/history>
- 12.Старцев А.В. Общественная и культурная деятельность предпринимателей Алтая // Предпринимательство на Алтае. XVIII в. 1920-е годы. Барнаул, 1999. — 192 с.
- 13.Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, конец XVIII — начало XX века: Автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 2006. — 268 с.
- 14.Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России: Учебное пособие для вузов. М., 1998. — 496 с.
- 15.Хроника//Алтай, № 82, 14(27).04.1913 г.
- 16.Хроника//Алтай, № 182, 20.08(02.09).1913 г.
- 17.Хроника//Алтай, № 250, 13(26).11.1913 г.
- 18.Хроника//Алтай, № 156, 15(28).07.1914 г.

СЕКЦИЯ 3. ЛИНГВИСТИКА

МНОГОМЕРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ХИАЗМОВ

Репнина Татьяна Владимировна

*студент магистратуры, кафедра романской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: lumenna@yandex.ru*

Арсентьева Мария Валентиновна

*научный руководитель, канд. филол. наук, доцент кафедры романской
филологии Санкт-Петербургского государственного университета,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Последнее время ученых все больше интересует хиазм как стилистическая фигура. Практически в каждой посвященной ему работе, выходящей за рамки определения, затрагивается проблема классификации хиазмов. Так, деление на синтаксический и семантически-осложненный (лексический) хиазмы не вызывает сомнения. Эти два типа хиазмов настолько различны, что определения одного из них ничуть не достаточно для получения представления о другом.

Другая тенденция в классификациях хиазма — попытки обнаружить его на различных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом, семантическом.

Следующая таблица отражает, какие типы хиазмов упоминаются теми или иными учеными.

Таблица 1.

Упоминания различных типов хиазмов в научной литературе

Тип хиазма >	ЧСХ	ЛХ	ФХ	ХК	СемХ	МХ	Р
Упомянувший ученый							
1. Э.М. Береговская [2; с. 22—57]	+	+	+	+			
2. В.С. Соловьева [5; с. 3—73]	+	+	+				

3. В.П. Москвин [4; с. 804—806, 622]	+	+	+	+			+
4. П. Бакри [6; с. 120—122]	+					+	
5. Ж. Марузо [3; с. 23, 332]	+		+				
6. Ж. Молинье [8; с. 55, 77, 289]	+	+					+
7. К. Фромилаг [7; с. 40—41]	+	+				+	

Сокращения: *ЧСХ* — Чисто синтаксический хиазм; *ЛХ* — Лексический хиазм (семантически осложненный хиазм); *ФХ* — Фонетический хиазм; *ХК* — Хиастический каламбур (изменение значения); *СемХ* — Семантический хиазм с двойной антитезой, без повторов; *МХ* — Морфологический хиазм; *Р* — Регрессия

Указанная в таблице 1 информация, безусловно, требует уточнения. Разнообразие хиазмов настолько велико, что под одним названием ученые могут понимать разные явления.

1. В.С. Соловьева, работая на материале русской поэзии приводит пример фонетического хиазма, отличного от акрофонической перестановки. Второе понимание фонетического, иначе говоря, буквенного хиазма более распространено (Москвин и др.), такой хиазм заключается в перестановке букв в словах по формуле АВВА, а в примере В.С. Соловьевой речь идет об изменении ударений, то есть, об акцентологическом типе хиазма.

2. Э.М. Береговская указывает на параллелизм, повтор, обмен синтаксических ролей как обязательные свойства хиастического каламбура [2; с. 26], в связи с чем совершенно неожиданным оказывается существование хиазма на семантическом уровне, для которого обязательно только чередование семантических полей по формуле АВВА [7; с. 41].

3. Один и тот же тип хиазма получает множество названий у разных авторов: лексический хиазм, семантически осложненный хиазм, антиметабола, морфологический хиазм и др. Отсутствие единой терминологии создает трудности в объединении хиазмов с двойным повтором и обменом синтаксических ролей в единый тип.

4. В словаре О.С. Ахмановой [1; с. 508] упоминается только один тип хиазма, но не основной — хиазм с обратным параллелизмом, инверсией в одной части, и повтором в центре — со стыком.

5. Регрессия в значении, наиболее близком к хиазму, представляет собой фигуру с частью свойств синтаксического (инверсия в одной части, обратный параллелизм) и частью — лексического хиазмов (лексический повтор, повтор слов в обратном порядке). Как известно, лексический хиазм не допускает инверсии, а для синтаксического хиазма невозможен повтор слов в обратном порядке. Регрессию следует отличать от хиазма, понимая ее сходства и различия с последним. Достаточно часто регрессию путают с хиазмом и хиазм с регрессией.

Сопоставительный анализ существующих классификаций хиазма и их сопоставление с корпусом собранных нами хиастических высказываний позволили выдвинуть гипотезу о том, что многообразие конструкций с хиазмом не выстраивается в единую линию, и представляют собой более сложную структуру — многомерную. Такой подход применительно к изучению этой фигуры используется впервые, что обуславливает новизну и актуальность нашего исследования. С другой стороны, отметим, что мы практически не отрицаем виды хиазмов, предложенные другими учеными. Целью нашей статьи является структурирование классификаций и видов хиазмов в рамках единой многомерной схемы.

Начнем наш анализ с рассмотрения двух самых распространенных подвидов — синтаксического и лексического хиазмов.

(1) *Il est de parfaits corps et de parfaits visages. Il n'y a pas de cœurs parfaits. Paul Géraudy. Есть совершенные тела и совершенные лица. Сердец совершенных нет. Поль Жеральди.*

(2) *La vérité est une illusion et l'illusion est une vérité. Remy de Gourmont. Правда — это иллюзия, а иллюзия — это правда. Реми де Гурмон.*

Пример 1 представляет собой синтаксический хиазм, для которого характерны:

1. параллелизм («обратный»)
2. инверсия в одной из частей
3. возможен повтор слов.

Пример 2 соответствует лексическому хиазму, свойствами которого являются:

1. Параллелизм («прямой»)
2. Отсутствие инверсии по сравнению с чисто синтаксическим хиазмом
3. Двойной обмен синтаксических ролей
4. Двойной повтор слов в обратном порядке.

Говоря о двух описанных выше типах хиазмов, следует отметить, что они характеризуются не только уровнем, на котором реализуется «перекрещивание». Им приписывают ряд конкретных свойств, несовместимых в одном хиазме (например, обратный и прямой параллелизмы, обмен синтаксическими ролями и инверсия в подавляющем большинстве случаев несовместимы).

В процессе исследования хиазмы отбирались из сборников французских цитат. Помимо этого нами были проанализированы хиазмы на французском языке, отобранные российскими (советскими) и зарубежными учеными, не являющиеся переводами с других языков. На заключительном этапе работы были просмотрены хиазмы из франкоязычного интернета. На наш взгляд, такой подход обеспечил максимальную объективность нашего исследования.

Многомерная классификация хиазмов может быть представлена в виде следующей таблицы (таблица 2), в которой столбцы соответствуют свойствам синтаксического или лексического хиазмов, а строки — уровням языка, на которых реализуется перекрещивание. Курсивом выделены примеры хиазмов, которые могут быть помещены в свою ячейку лишь отчасти по разным причинам.

Классификация хиазмов в плане многомерности

Горизонталь — свойства Вертикаль — уровень языка	Без обязательных свойств в основе	Свойства чисто синтаксиче- ского хиазма	Свойства лексического (семантически осложненного) хиазма
Фонетический			<p>(3) <i>Secouant dans mes yeux leurs feux diamantés.</i> Тряся перед моими глазами украшенными алмазами огоньками.</p> <p>(4) <i>Plus que poli pour être honnête</i> <i>Plus que poète pour être honni.</i> Desnos. Более вежливый, чтобы быть честным. Больше, чем поэт, чтоб быть опозоренным. Деснос.</p>
Морфологический			<p>(5) <i>Les choses visibles me sont comme invisibles, et les invisibles comme visibles...</i> Abbé de Saint-Cyran. Видимые вещи представляются мне как невидимые, и невидимые — как видимые. Аббат Сен-Сиран.</p> <p>(6)...<i>C'est proser de la rime et rimer de ma prose...</i> Mathurin Régnier. Это излагать прозой стихи и рифмовать прозу. Матурен Ренье.</p>
Синтаксический		<p>(7) <i>Tel qui rit vendredi, dimanche pleurera.</i> Jean Racine. Тот, кто смеется в пятницу, в воскресенье будет плакать. Жан Расин.</p> <p>(8) <i>Des cadavres dessous et dessus des fantômes.</i> Hugo. Трупы внизу, а наверху призраки. Гюго.</p>	<p>(9) <i>Ceux qui écrivent comme ils parlent, quoiqu'ils parlent très bien, écrivent mal.</i> <i>Те, кто пишут так же, как говорят, даже если они говорят хорошо, пишут плохо.</i> (Ж.Л.Л. Бюффре).</p> <p>(10) <i>S'il se vante, je l'abaisse; s'il s'abaisse, je le vante.</i> Blaise Pascal. <i>Если он хвалится, я его унижаю; если он унижается, я его хвалю.</i> Блез Паскаль.</p>

Лексический		<p>РЕГРЕССИЯ <i>(11) C'est bonnet blanc et blanc bonnet. Белый чепец и чепец белый.</i> <i>(12) A vaillant cœur, à cœur vaillant, rien d'impossible. Jacques Cœur. Для храброго сердца, для сердца храброго нет ничего невозможного. Жак Кер.</i></p>	<p>(13) L'absence de preuve n'est pas preuve de l'absence. Michel Jouvet. Отсутствие доказательств не доказательство отсутствия. Мишель Жуве. (14) L'écrivain original n'est pas celui qui n'imite personne, mais celui que personne ne peut imiter. Emile Zola. Оригинальный писатель не тот, который никому не подражает, а тот, которому никто не может подражать. Эмиль Золя.</p>
Семантический	<p>(16) Le roulis aérien des nuages de mer. Alfred de Vigny. Качка облаков на волнах. Альфред де Виньи. (17) Ô fangeuse grandeur ! Sublime ignominie ! О, отвратительное величие! Величественный позор!</p>	<p>(15) Ajoutez quelque fois, et souvent effacez. Nicolas Boileau. Добавляйте иногда и часто убирайте. Никола Буало.</p>	<p>(18) Elle est belle de loin ; elle est loin d'être belle. — L. Fabius. Она красива издалека, она далека от того, чтобы быть красивой. Л. Фабиус. (19) Vous savez qu'il n'est plus question que de guerre. Toute la cour est à I »armée, et toute l'armée est à la cour. Marie de Rabutin-Chantal, marquise de Sévigné. Вы знаете, что сейчас волнует только война. Весь двор в армии, и вся армия во дворе. Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье.</p>
Ритмический хиазм	<p>(20) [La rue] [assourdissante] [autour de moi] [hurlait]. Baudelaire. Оглушительная улица вокруг меня вопила. Бодлер. (21) [La froi] [de cruauté] [de ce soleil] [de glace]. Холод жестокости этого ледяного солнца.</p>		

Рассмотрим подробнее каждый тип хиазмов, указанный в таблице.

Фонетический хиазм (или акрофоническая перестановка) представляет собой

фигуру, в которой перекрещивание осуществляется на уровне букв или звуков. Так, в примере 3 чередуются буквосочетания «an» и «eu» внутри двух пар слов, а в примере 4 мы наблюдаем чередование четырех буквосочетаний: «ro», “honn”, “I” и “ête/ète”. Поскольку в таком хиазме присутствуют повтор и обмен элементами, мы склонны соотнести его со свойствами лексического хиазма.

Морфологический хиазм (примеры 5 и 6) практически не упоминается в научной литературе. Патрик Бакри называет морфологическим синтаксический хиазм с симметричным расположением частей речи [6, с. 122], но в нашем случае речь идет о хиазме со свойствами лексического хиазма, в котором имеет место чередование морфем в виде перекрещивания между четырьмя ключевыми элементами, как в примерах 5 и 6. В первом случае чередуется приставка “in” с нулевым эквивалентом, а во втором хиазме присутствует деривация: в высказывании перекрещиваются четыре слова с двумя лексемами и двумя частями речи: “proser”, “rime”, “rimer”, “prose”. Отметим, что в примере 6 лексемы чередуются по формуле хиазма АВВА, а морфемы — по формуле лексического параллелизма АВВВ, таким образом, в этом высказывании реализуются одновременно две фигуры, которые обычно противопоставляются и исключают одна другую.

В нашей таблице приведено два вида **хиазмов** с обменом **на синтаксическом уровне**. В примерах 7 и 8 хиазм создается при помощи обратного параллелизма, инверсии и симметричного расположения членов предложения: “rit (сказуемое) vendredi (обстоятельство), dimanche (обстоятельство) pleurera (сказуемое)» в примере 7 и «Des cadavres (подлежащее) dessous (обстоятельство) et dessus (обстоятельство) des fantômes (подлежащее)» в примере 8. Главное отличие этих двух хиастических высказываний в том, что во втором случае хиазм охватывает все предложение, а в первом — только часть.

Среди хиазмов с двойным повтором и обменом синтаксических ролей обособленно стоит группа хиастических высказываний, в которой **обмен синтаксических ролей** реализуется не между четырьмя членами предложения

(примеры 13 и 14), а **между четырьмя простыми предложениями** (примеры 9 и 10). Нам представляется необходимым разделить эти два типа хиазма. В примере 9 симметрия соблюдается лишь отчасти, союзы, соединяющие пары предложений, разные: «*comme*» и «*quoique*». В хиазме 10 условие и результат меняются местами, симметрия строго соблюдена, однако в обратной последовательности расположены не слова, а предложения.

Регрессия (примеры 11 и 12) занимает в нашей классификации промежуточное положение между синтаксическим хиазмом с инверсией и лексическим хиазмом с обменом синтаксических ролей. Регрессию не следует отождествлять с хиазмом, вследствие этого она может присутствовать в нашей таблице лишь условно. Ввиду того, что примеры регрессии часто выдают за хиазмы и наоборот, мы разместили эту фигуру в нашей таблице хиазмов, чтобы показать ее место в классификации, ее сходства и отличия от хиазма. Регрессия похожа на хиазм повтором слов в обратном порядке и симметрией, однако внимательное рассмотрение примеров показывает, что хиазм с двойным повтором является более сложной фигурой, для которой обязателен обмен синтаксических ролей.

Лексический хиазм с двойным повтором и обменом синтаксических ролей является вместе с чисто синтаксическим хиазмом одним из двух самых распространенных и широко известных типов хиазмов. Свойства такого хиазма были рассмотрены в начале статьи, мы не будем останавливаться на них подробно. Заметим, что при появлении изменения значения такой хиазм переходит в разряд **хиастического каламбура** (семантический хиазм со свойствами лексического хиазма в нашей таблице.) Лексический хиазм является самой эксплицитной разновидностью этой фигуры, а изменение значения имплицитно. Поэтому следует быть осторожным, проверяя лексический хиазм на наличие признаков семантического хиазма. Так, в примерах 13 и 14 ключевые элементы используются в одинаковых значениях, а в примерах 18 и 19 значения изменяются. Так, “*join*” употребляется в первый раз в прямом значении, а во второй раз —

в переносном (пример 18). В хиазме 19 слова “la cour” и “l’armée” обозначают поочередно место и людей в результате метонимического переноса.

Последний хиазм из нашей таблицы, пожалуй, самый имплицитный. Он упоминается в научной литературе реже других. Так, его обходят вниманием В.С. Соловьева, Э.М. Береговская и В.П. Москвин (последний — в подробной словарной статье). **Хиазм с перекрещиванием семантических полей** отличается от большинства других типов хиазмов и тем, что для него обязательно только перекрещивание сходных значений и возможна антитеза. Такой хиазм не требует ни синтаксической инверсии, ни обращенного параллелизма характерных для чисто синтаксического хиазма, ни повтора с обменом синтаксических ролей, обязательных для лексического хиазма. Поэтому хиазм с обменом семантических полей расположен в отдельной колонке таблицы, в которой у хиазма нет обязательных свойств. Пример 15 показывает, что семантический хиазм может накладываться на свойства синтаксического, однако примеры 16 и 17 подтверждают, что эти свойства не обязательны. В примере 15 перекрещиваются семантические поля, связанные с действием и частотностью, в примере 16 — с морем и воздухом, в примере 17 — положительные и отрицательные коннотации.

Ритмический хиазм можно отнести в одну типологическую группу с хиазмом, построенным на перекрещивании семантических полей, поскольку в нем также отсутствуют синтаксические признаки хиазма. В ритмическом хиазме перекрещивание строится на чередовании количества слогов в ритмических группах по формуле АВВА. В примере 20 чередование происходит по формуле 2 слога -4 -4 -2 и в примере 21 по той же формуле.

До этого момента мы рассмотрели виды хиазмов, каждый из которых можно отнести к определенному языковому уровню. Они являются наиболее частотными и известными, однако существуют и другие виды хиазмов (текстовый, хиазм со стыком и т. п.), требующие внимания, но их рассмотрение выходит за рамки данной статьи.

Выдвинутая в начале нашего исследования гипотеза о возможности создания многомерной классификации подтвердилась. Более того, мы полагали обнаружить различные типы хиазмов, основанные на чисто синтаксическом или лексическом хиазмах, однако обнаружили семантический и ритмический хиазмы, в основе которых нет ни синтаксических, ни лексических свойств.

Выводы нашей статьи могут быть сформулированы следующим образом:

1. Классификация хиазма не укладывается в рамки линейного подхода. Результатом нашего исследования является многомерная классификация хиазма, первая в своем роде.

2. Каждый хиазм, чаще всего, можно соотнести с моделью синтаксического или лексического хиазмов (см столбцы таблицы 2), причем, для первого характерны обратный параллелизм и инверсия в одной из частей, второму присущи прямой параллелизм и обмен ролей при отсутствии инверсии (Обмен синтаксических ролей может заменяться на обмен звуками, морфемами, лексемами и т. п. в зависимости от языкового уровня хиазма). Строкам таблицы соответствуют языковые уровни.

3. Изучение примеров хиазмов как из нашего корпуса, так и из работ других ученых, а также поиск примеров хиазмов в интернете подтвердили выдвинутую нами гипотезу о присутствии хиазма как стилистической фигуры на каждом языковом уровне во французском языке.

4. Наиболее частотным хиазмом во французском языке, привлекающим большее внимание ученых, является лексический хиазм с двойным повтором (примеры 13, 14), он же семантически-осложненный хиазм по классификации Э.М. Береговской.

5. Для фонетического хиазма характерна зачастую невозможность передать обмен звуками при переводе на другой язык, что объясняется сложностью найти в языке четыре слова, которые обменивались бы звуками (как в примерах 3 и 4) и при этом могли бы сочетаться в одном предложении.

6. Морфологический хиазм представлен наибольшим числом подтипов. Чередоваться по принципу хиазма могут различные морфемы, также возможно чередование приставки с нулевым эквивалентом.

7. Исходя из сопоставления примеров хиазмов с определением регрессии, было выявлено, что вторая фигура занимает промежуточное положение между хиазмом с инверсией, без повтора и хиазмом с повтором, без инверсии, поскольку в регрессии есть и повтор, и инверсия, но она не является хиазмом.

8. Открытием для нас стало обнаружение семантического хиазма как со свойствами синтаксического, так и лексического хиазмов. Природа этих двух типов разная. Так, семантический хиазм может быть построен на повторе слов внутри тематики или оттенка значения. При этом два слова из одной группы чередуются по формуле АВВА с двумя другими, что часто сопровождается двойной антитезой. Хиастический каламбур же основывается на изменении значения.

9. Примеры хиазма с перекрещиванием семантических полей и ритмического хиазма показывают, что хиазм может быть несинтаксической фигурой, тогда как в литературе он зачастую рассматривается среди фигур экспрессивного синтаксиса.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: 2004.
3. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
4. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д., 2007.
5. Соловьева В.С. Хиазмы в стихотворной речи. Ашхабад, 1982.
6. Bacry P. Les figures de style. Paris, 1992.
7. Fromilhague C. Les figures de style. Paris, 2013.
8. Molinié G. Dictionnaire de rhétorique. Paris, 1992.

СЕКЦИЯ 4. ПЕДАГОГИКА

ПИРИНГОВАЯ СИСТЕМА СТУДЕНЧЕСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СТЕНАХ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Байтимбетов Галым Болатулы

*студент 4 курса, школы Инженерии, Назарбаев Университет,
Республика Казахстан, г. Астана
E-mail: gbaitimbetov@nu.edu.kz*

Согласно стратегии «Казахстан-2050» одной из главных задач страны является развитие современной, высокообразованной и конкурентноспособной молодежи в Казахстане для компетентности Республики Казахстан на мировой арене в будущем [1]. Качественное высшее образование безусловно является залогом профессиональной конкурентноспособности молодых специалистов, в связи с чем Правительство Казахстана делает большой упор на ее развитие в стране. Основным примером развития несомненно являются именитые западные высшие учебные заведения (ВУЗ), те что зарекомендовали себя во всем мире уже не первый век. Такие успешные этапы развития системы высшего образования Республики Казахстан как принятие Болонского Процесса, сокращение числа частных ВУЗов в стране и создание первого ВУЗа нового формата, нацеленного стать флагманом среди ВУЗов Казахстана и в мире — Назарбаев Университета, были успешно проведены. Таким образом постоянный мониторинг и инициативы со стороны государства в сфере высшего образования идут полным ходом, в то время как сами студенты могут в этом поспособствовать. Одним из таких инициатив может стать студенческая организация основанная на системе пирингового обучения.

Пиринговое обучение (англ. Peer-to-Peer education) это инновационный подход к обучению, где основной упор делается на взаимосвязь и взаимопомощь самих же студентов. Таким образом, студенческая организация, направленная на улучшение академической успеваемости

студентов может использовать данную систему для достижения максимальной эффективности обучения студентов.

Целью данного доклада является анализ задач, структуры и работы студенческих организации, базирующихся на системе пирингового обучения на примере двух существующих организации: «Academic Support Club (ASC) — Клуб Академической Помощи» в Назарбаев Университете (НУ) и «Greater University Tutoring Service (GUTS) — Большая Университетская Служба Помощи» в Университете Висконсин-Мэдисон (англ. University of Wisconsin-Madison). После чего будет отмечена важность внедрения таких студенческих организации в ВУЗы Казахстана и будут представлены соответствующие заключения по данной теме.

Исходя из истории двух вышесказанных организации, инициаторами являются студенты «отличники» изъявившие желание помочь своим сокурсникам по академической части. Организаторы находили лучших студентов по разным предметам и собирали всех желающих обучаться в одном помещении, где проводили академические сессии. Таким образом, это переросло в более серьезную организацию с четко поставленными целями, с которыми можно ознакомиться ниже:

- Обеспечение добровольцев для пирингового обучения студентов на волонтерской основе
- Обеспечение бесплатного учебника в помощь студентам в различных областях, и поощрять их личностный и академически рост
- Развитие лидерских навыков в администрировании и координации программ для организационного комитета данного клуба.

Таким образом, данные организации не только способствуют улучшению академической успеваемости среди студентов, но и развивает личностные качества лидера в членах организационного комитета и дает им важный опыт работы в сфере менеджмента и взаимосвязи с людьми.

Данные организации структурированы согласно программам, которые предоставляются студентам. Другими словами, в организационный комитет

входят координаторы, которые курируют определенные программы академической помощи. Давайте рассмотрим вышеизложенную структуру на примере организации “GUTS” и “ASC”.

Согласно уставу “GUTS”, организация предоставляет студентам следующие программы [2]:

- **Академическое сопоставление:** соискание тьюторов (студент-преподаватель) с группой до 6 студентов имеющих идентичные курсы. Группы встречаются в определенном классе на территории университета в течение двух часов в неделю. Популярные темы включают в себя математику, химию, биологию, и физику.

- **Разговорный английский:** помощь иностранным студентам в улучшении знания английского языка путем сопоставления их с носителями языка. В программу включено: еженедельные часовые беседы и занятия по американской культуре.

- **Офисные часы:** для тьюторов организуются офисные часы в определенных местах по расписанию, где любой желающий помощи студент может задать вопросы и попросить определенную академическую помощь.

- **Иностранные языки:** организуются разговорные часы для изучающих иностранные языки. В отличие от академического сопоставления, эта программа предлагает общую разговорную практику в группах, которые встречаются раз в неделю.

- **Взаимовыгодные условия:** сопоставляет студента, который нуждается в практике английского языка (пример) и может сам обучать определенный предмет или иностранный язык. В итоге получается соотнесение студентов готовых обоюдно помочь друг другу по определенным предметам.

- **Навыки обучения:** помогает студентам научиться правильно и эффективно «учиться» и сосредотачиваться на научных вопросах, которые не относятся к какому либо курсу или предмету. Умение писать заметки, тайм-менеджмент, подготовка к экзаменам являются примерами тем, раскрываемых

в этой программе через индивидуально-консультативные сессии, семинары и чтение литературы.

- **Интернет занятия:** новая программа “GUTS” запущенная с началом осеннего семестра 2013 года. Предоставляет студентам онлайн-услуги для подключения с тьюторами для быстрой помощи.

Схожая структура наблюдается и в организации “ASC”, но программы этой организации сгруппированы по методу донесения до слушателей:

1) Вербальные методы

- **Проведение лекций:** Данный метод предусматривает максимальный охват аудитории, и предназначен для более поверхностного повторения тем, уже покрытых на лекциях. Оптимальным вариантом является случай, когда за одну сессию ASC покрывается ровно один раздел того или иного предмета.

- **Один на один:** Данный метод предназначен для основательного прохождения тем отстающими студентами, по средствам индивидуальных занятий. Для успешного проведения необходимо создать рабочую группу из успевающих студентов и закрепить за каждым из них по одному из отстающих студентов, которые попадают в группу риска.

- **Разбиение на группы:** Данный метод учитывает загруженность курса и использует время и знания студентов максимально эффективно. Идея заключается в формировании заинтересованной группы студентов какого-либо курса, в назначении старосты группы. После чего староста создает расписание занятий и назначает ответственных за ту или иную тему.

2) Невербальные методы

- **Пособие по подготовке к финальным экзаменам студентов подготовительного курса:** Программа подготовительного курса НУ знаменита своей неизменчивостью от года к году. В то время как неопытные студенты, только попав в университет, зачастую затрудняются при переходе от привычного для них школьного подхода на университетский лекционный подход. Пособие было написано лучшими студентами, и предоставляет собой полноценный учебный материал, изложенный простым и доступным языком.

- **Создание мобильного приложения, а также аналогичного сайта:**

Целью создания мобильного приложения является повышения вовлеченности студентов в академическую жизнь университета, путем формирования платформы, упрощающей взаимодействия студента с его сокурсниками а также получение информации касательно повседневной академической рутины.

3) Косвенные методы

- **Запись видео лекций, наиболее важных курсов в НУ:** записанные лекции будут выкладываться на онлайн платформу клуба, где они будут доступны для просмотра любым студентом. Такой сервис не только поможет студентам повторять пройденный материал, но и даст возможность студентам технической специальности смотреть лекции школы гуманитарии, и наоборот. Таким образом, студенты смогут расширять свой кругозор в целом, а также углубленно проходить интересные для них курсы.

Таким образом, за каждую программу ответственен назначенный координатор и его/ее функции разнятся от вида предоставляемой программы. В целом работа организации полностью поддерживается социально-активной частью студенческого сообщества, которая готова работать на безвозмездной основе. Помимо этих факторов, студенческим организациям данного рода требуется финансовая помощь для основных целей (распечатка раздаточного и учебного материала) и дополнительных целей (создание веб-сайта и мобильного приложения).

Как было отмечено ранее, подготовка конкурентоспособной и высокообразованной молодежи в Казахстане является одним из приоритетных целей правительства согласно стратегии «Казахстан-2050» [1]. Следовательно, велика вероятность того, что создание и пропаганда данного рода организации пробудит интерес к обучению среди студентов и приведет к естественному росту их академической успеваемости, что соответствует целям государства. Более того повсеместное создание этих организации по стране покажет активную гражданскую позицию молодежи (организаторы) и может развить в них такие личностные качества как лидерство, менеджмент,

коммуникабельность и умение самореализовываться, что отражает часть целей согласно концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее» [3]. Поэтому, можно с уверенностью резюмировать, что преимуществ и потенциала у данного рода организации много, что ее реализация важна и может сыграть весомую роль в плане академического развития молодежи.

Список литературы:

1. О Концепции государственной молодежной политики Республики Казахстан до 2020 года «Казахстан 2020: путь в будущее», 2013. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.adilet.gov.kz/ru/node/38994> (дата обращения 28.10.2013).
2. Стратегия «Казахстан-2050», 2013. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://strategy2050.kz/ru/> (дата обращения 28.10.2013).
3. Greater University Tutoring Service (GUTS), 2014. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://guts.studentorg.wisc.edu/> (дата обращения 28.10.2013).

ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИКО-ФОНЕМАТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ФОНЕТИКО-ФОНЕМАТИЧЕСКИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ И ДИЗАРТРИЕЙ

Мякишева Людмила Валерьевна

*студент 4 курса, кафедра дефектологии КГУ,
РФ, г. Курган
E-mail: mjaka2009@mail.ru*

Дубовская Вера Александровна

*научный руководитель, канд. пед. наук, доцент КГУ,
РФ, г. Курган*

Известно, что речевая функция является одной из важнейших функций человека. Нарушения речи отрицательно влияют на развитие ребенка в целом, затрудняют общение с окружающими, задерживают формирование познавательных процессов и, следовательно, препятствуют становлению полноценной личности.

Дошкольный возраст наиболее благоприятный для преодоления речевых нарушений. Правильная речь — один из показателей готовности ребенка к обучению в школе, залог успешного освоения грамоты и чтения.

Проблема по выявлению, предупреждению и коррекции нарушений фонематических процессов у старших дошкольников с дизартрией, продолжает оставаться актуальной в коррекционной педагогике и логопедии, и связана с тем, что в настоящее время отмечается неуклонный рост числа детей с фонетико-фонематическим недоразвитием речи, обусловленным дизартрией.

Дизартрия — это нарушение произносительной стороны речи, обусловленное нарушением иннервации речевого аппарата [2].

Фонетико-фонематическое недоразвитие — это нарушение процессов формирования произносительной системы (родного) языка у детей с различными речевыми расстройствами вследствие дефектов восприятия и произношения фонем (от греч. *pho-nema* — звук) [4].

На основании диагностических методик С.И. Погорелой и Е.С. Зайцевой, нами была разработана методика обследования фонематических процессов

у детей старшего дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием и дизартрией. На наш взгляд, данная методика является эффективной в процессе коррекционной работы для выявления уровня сформированности фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием и дизартрией.

Методика состоит из трех блоков изучения компонентов, составляющих фонематические процессы: фонетический слух, фонематический слух, фонематическое восприятие. При анализе результатов мы использовали следующую количественную оценку, каждое задание оценивается по пятибалльной шкале следующей характеристикой:

4 балла — задание выполнено ребенком самостоятельно, точно с первого предъявления.

3 балла — задание выполнено ребенком самостоятельно, но допущено 1—2 ошибки.

2 балла — задание выполнено ребенком самостоятельно, но количество ошибок возросло до 3, требовалась помощь логопеда

1 балл — ребенок пытался справиться с заданием, но допустил до 5 ошибок, помощь логопеда не помогала.

0 баллов — ребенок с заданием не справился или отказался выполнять.

ПЕРВЫЙ БЛОК — обследование фонетического слуха. Этот блок включает в себя задания на определение линейной последовательности звуков в слове, выделение ударного гласного в начале слова и подбор слова на заданный звук.

Качественная характеристика:

В данном блоке максимально можно набрать 28 баллов. Задания оцениваются по следующим критериям:

Высокий уровень (28 баллов): ребенок выполнил все задания правильно, без ошибок и помощи логопеда. Без труда определил линейную последовательность звуков во всех словах и выделил ударный гласный звук. А также не допустил ошибки при подборе слова на заданный звук.

Уровень выше среднего (25—27 баллов): задание выполнено ребенком самостоятельно, но были допущены такие ошибки как пропуск звука в одном или двух словах. Незначительные ошибки при подборе слова на заданный звук.

Средний уровень (20—24 балла): задание выполнено ребенком самостоятельно, но количество ошибок возросло до 3, требовалась помощь логопеда. Неправильное определение ударного звука в одном из слов и возможные ошибки в определении линейной последовательности звуков в слове и подборе слова на заданный звук.

Уровень ниже среднего (11—19 баллов): ребенок пытался справиться с заданием, но допустил до 5 ошибок, не мог определить линейную последовательность звуков, ударный гласный звук и подобрать слово на заданный звук. Помощь логопеда помогала не во всех случаях.

Низкий уровень (10 баллов и ниже): ребенок с заданиями не справился или отказался их выполнять.

Таблица 1.

**«Результаты обследования состояния фонетического слуха
у детей старшего дошкольного возраста»**

Задания Дети	Определить линейную последовательность звуков в словах			Определение ударного гласного звука	Подбор слова на заданный звук			Общий балл	Уровень сформированности фонетического слуха
	Мак	Дом	Каша	Осы, ива, утка	М	З	Ш		
Амин	4	3	3	4	3	3	3	23 балла	Средний
Максим	4	4	2	3	3	2	2	20 баллов	Средний
Даша	3	2	2	3	3	2	3	18 баллов	Ниже среднего
Анна	2	2	1	2	2	2	2	13 баллов	Ниже среднего
Никита	4	3	2	4	3	3	4	23 балла	Средний

Анализ результатов обследования фонетического слуха показал, что у двух детей фонетический слух находится на уровне выше среднего, ещё у двух — на среднем уровне и у одного ребенка на уровне ниже среднего. В данном

блоке заданий у детей в большей степени возникали трудности при подборе слова на заданный звук. Также допускались ошибки при определении линейной последовательности звуков. Многие неоднократно пропускали гласный звук в словах МАК и ДОМ. В слове КАША почти все дети сказали, что последний звук — [ша]. При определении ударного гласного звука в слове возникли трудности лишь в единичных случаях. Обработав результаты, полученные при изучении фонетического слуха, мы выявили уровень развития фонетического слуха в целом. Можно сказать, что группа по сформированности фонетического слуха находится на среднем уровне.

ВТОРОЙ БЛОК — изучение фонематического слуха. В данном блоке даются задания на определение наличия звука в слове, повтор слогов с оппозиционными звуками: па-ба, та-да-та, ба-бу-бэ и дифференциацию оппозиционных звуков.

Качественная характеристика:

В данном блоке максимально можно набрать 28 баллов. Задания оцениваются по следующим критериям:

Высокий уровень (28 баллов): ребенок выполнил все задания правильно. Без ошибок и помощи логопеда определил наличие звуков в слове, повторил слоги с оппозиционными звуками и правильно показал картинки, в названии которых есть оппозиционные звуки.

Уровень выше среднего (25—27 баллов): задание выполнено ребенком правильно, но были допущены 1—2 ошибки в повторении слоговой цепочки или в определении наличия звука в слове.

Средний уровень (20—24 балла): задание выполнено ребенком самостоятельно, но количество ошибок возросло до 3—4, повтор слоговой цепочки со второго раза. Требовалась помощь логопеда.

Уровень ниже среднего (11—19 баллов): ребенок пытался справиться с заданием, но допустил 5 и более ошибок, определил наличие звука только в нескольких словах, повтор слоговой цепочки только с третьей попытки. Помощь логопеда помогала не во всех случаях.

Низкий уровень (10 баллов и ниже): ребенок с заданиями не справился или отказался их выполнять.

Таблица 2.

**«Результаты обследования состояния фонематического слуха
у детей старшего дошкольного возраста»**

Задания Дети	Определение наличия звука в слове			Повтор слогов с оппозиционными звуками			Дифферен- циация оппозиционных звуков	Общий балл	Уровень
	М	Р	Ш	па- ба	та- да-та	ба- бу-бэ	Ежата-мышата; Миска- мишка; Косы-козы		
Амин	4	3	3	4	3	4	3	24 балла	Средний
Максим	4	4	4	4	2	2	3	23 балла	Средний
Даша	4	4	2	4	3	3	2	22 балла	Средний
Анна	3	4	2	3	2	3	2	19 баллов	Ниже среднего
Никита	3	4	3	4	2	3	2	21 балл	Средний

Проанализировав полученные результаты, можно сказать, что уровень сформированности фонематического слуха в целом находится на среднем уровне. У всех детей, кроме одного, показатели находятся на среднем уровне. В ряде случаев допускались ошибки при определении наличия звука в слове. Чаще всего, дети не реагировали на заданный звук в тех случаях, если они произносят его дефектно. Большие трудности возникали при повторении слогов с оппозиционными звуками. Детям было трудно воспроизвести слоговую цепочку. В большинстве случаев правильный результат получался на третьей — четвертой попытке. Дифференциация оппозиционных звуков с показом картинки не вызвала особых затруднений. Дети выполнили все задания правильно, кроме одного: показать, где «косы-козы». При исправлении данной ошибки двое детей исправились после первого замечания, а трем детям необходимо было ещё раз повторить и дать подсказку.

ТРЕТИЙ БЛОК — изучение фонематического восприятия включает в себя задания на определение первого звука в слове, определение последнего звука в слове, определение количества звуков в слове.

Качественная характеристика:

В данном блоке максимально можно набрать 36 баллов. Задания оцениваются по следующим критериям:

Высокий уровень (36 баллов): ребенок выполнил все задания правильно. Без ошибок и помощи логопеда определил место звука в слове и сосчитал количество звуков.

Уровень выше среднего (31—35 баллов): задание выполнено ребенком правильно, но были допущены 1—2 ошибки.

Средний уровень (21—30 баллов): задание выполнено ребенком самостоятельно, но количество ошибок возросло до 3—4, не мог определить место звука в слове и/или количество звуков в слове. Требовалась помощь логопеда.

Уровень ниже среднего (11—20 баллов): ребенок пытался справиться с заданием, но допустил 5 и более ошибок. не мог определить место звука в слове и/или количество звуков в слове. Требовалась помощь логопеда и дополнительная стимуляция.

Низкий уровень (10 баллов и ниже): ребенок с заданиями не справился или отказался их выполнять.

Таблица 3.

«Результаты обследования состояния фонематического восприятия у детей старшего дошкольного возраста»

Задание	Определение первого звука в слове			Определение последнего звука в слове			Определение количества звуков в слове			Общий балл	Уровень
	Мак	Дым	Трава	Дом	Танк	Муха	Дом	Муха	Лампа		
Дети											
Амин	4	4	4	4	4	4	2	2	2	30	Ср.
Максим	4	3	4	4	4	3	1	1	1	25	Ср.
Даша	4	3	4	4	4	3	1	1	1	25	Ср.
Анна	4	3	4	4	3	3	1	1	1	24	Ср.
Никита	4	3	3	4	4	3	4	1	1	27	Ср.

Анализ результатов обследования фонематического восприятия показал, что у всех детей уровень развития фонематического восприятия находится на среднем уровне. Все дети получили высокий балл за определение первого звука в слове. Некоторым детям понадобилось немного больше времени для ответа, так как они проговаривали вслух слово, в котором нужно было определить первый звук. Подобная ситуация с заданиями на определение последнего звука в слове. Однако здесь почти все дети допустили ошибку в одном слове: сказали, что в слове муха последний звук [ха]. Наблюдались ошибки, связанные с дифференциацией первого и последнего звука, т. е. вместо того, чтобы назвать первый звук в слове, дети называли последний и наоборот. Возникали трудности при подсчете количества звуков. Здесь все получили низкий балл. В большинстве случаев пришлось помогать наглядным материалом. Дети делали подсчет звуков, выкладывая соответствующие им по цвету квадратики. В целом можно сказать, что группа по уровню сформированности фонематического слуха находится на среднем уровне.

Таким образом, согласно нашей системе оценок, при обследовании максимально можно набрать 92 балла, из которых 28 баллов отводится на обследование фонетического слуха, 28 — на обследование фонематического слуха и 36 — на обследование фонематического восприятия. Отсюда получаем количественную характеристику обследования фонематических процессов:

Высокий уровень — 85—92 балла

Выше среднего — 78—84 балла

Средний уровень — 68—77 баллов

Ниже среднего — 56—67 баллов

Низкий уровень — 55 баллов и ниже

На основании полученных данных, у нас получились следующие группы детей:

1. Дети со средним уровнем сформированности фонематических процессов
2. Дети с уровнем сформированности фонематических процессов ниже среднего

Для детей со средним уровнем сформированности фонематических процессов характерны незначительные нарушения в определении линейной последовательности звуков в слове и в повторе слогов с оппозиционными звуками. Дети данной группы допускали ошибки при определении количества звуков в слове, требовалась помощь логопеда, пришлось помогать наглядным материалом. Дети делали подсчет звуков, выкладывая соответствующие им по цвету квадратики. Были незначительные ошибки при подборе слова на заданный звук.

Детям с уровнем сформированности фонематических процессов ниже среднего требовалось значительно больше подсказок. Наибольшие трудности вызывали задания на определения количества звуков в слове, подбор слова на заданный звук и повторение слоговой цепочки. В большинстве случаев правильный результат получался на третьей-четвертой попытке. Детям данной группы требовалось больше времени для ответа, так как они проговаривали несколько раз вслух слово, в котором нужно было определить первый либо последний звук, а также ими неоднократно проговаривались названия картинок, в которых имеется заданный звук. При подсчете количества звуков пришлось помогать наглядным материалом. Дети делали подсчет звуков, выкладывая соответствующие им по цвету квадратики. С наибольшей легкостью дались задания на определение первого и последнего звука в слове.

Таким образом, группа по сформированности фонематических процессов находится на среднем уровне.

На наш взгляд, данная методика является эффективной в процессе коррекционной работы для выявления уровня сформированности фонематических процессов у детей старшего дошкольного возраста с фонетико-фонематическим недоразвитием и дизартрией.

Список литературы:

1. Зайцева Е.С., Шептунова В.К. Тестовая методика обследования речи детей в возрасте 4—7 лет СПб.: КАРО, 2012.
2. Мастюкова Е.М., Ипполитова М.В. Нарушение речи у детей с церебральным параличом: Кн. для логопеда. М.: Просвещение, 1985.
3. Погорелая С.И. Логопедическое обследование детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста с недоразвитием речи (ОНР, ФФН; нарушениями чтения и письма, обусловленными ОНР и ФФН) и стёртой дизартрией. 2008 г.
4. Цвирко О.Ю. Формирование произносительной стороны речи и исправление нарушений звукопроизношения у детей. Барнаул: 2008.

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РОДИТЕЛЕЙ

Неверова Яна Эдуардовна

*студент 5 курса, кафедра педагогики СГПИ (филиала) ФГБОУ ПГНИУ,
РФ, г. Соликамск
E-mail: yana17.06@mail.ru*

Гилева Анжела Валентиновна

*научный руководитель, декан психологического факультета,
канд. пед. наук, доцент СГПИ (филиала) ФГБОУ ПГНИУ,
РФ, г. Соликамск*

В условиях модернизации общества и социокультурной среды в целом наблюдается нарастание противоречий как в подходах к воспитанию, так и методах и средствах, используемых в семьях. Следует признать тот факт, что семья моделирует основные принципы воспитания, основываясь на неких инновационных и современных тенденциях общества. Все это обуславливает необходимость в просветительской и направляющей работе с родителями, которая поможет найти баланс между требованиями общества и учетом личностных особенностей детей.

Под условиями понимают обстоятельства, от которых что-нибудь зависит и которые имеют по отношению к субъекту активности объективный характер [1, с. 57]. Таким образом, достижение высокого уровня психолого-педагогической компетентности родителей, их саморазвития, а также развития любых личностных качеств, обеспечивается рядом условий, от которых непосредственно зависит продуктивность.

Несмотря на разнообразие инновационных процессов, происходящих в сфере современного воспитания, в большинстве случаев эти процессы практически не касаются родителей, т. е. они не осведомлены о необходимости повышения своего психолого-педагогического потенциала, что и является одним из основных факторов, определяющих уровень конфликтности поколений. Родители часто не осознают значимости собственного психолого-педагогического потенциала, и особенно остро проблема подготовки

к родительской роли проявляется в условиях отсутствия преемственности родителей и детей: традиции и нормы меняются настолько быстро, что каждому следующему поколению приходится создавать во многом новую модель родительской роли.

Данный вопрос на сегодняшний день является одним из актуальных, и исследователи, как педагогики, так и психологии не обходят его стороной. К числу таких исследователей относятся Л.А. Алексеева, Ю.Б. Гиппенрейтер, И.В. Гребенников, Т.А. Куликова, Ю.Я. Левков, С.Н. Щербакова и многие другие.

Выделяются следующие **организационно-методические условия** для становления психолого-педагогической компетентности родителей:

- формирование готовности родителей к личностному развитию, развитию родительского самосознания и самосовершенствованию;
- диагностика, оценка и предъявление родителям их индивидуальной динамики личностного развития;
- включение родителей в систематические коллективные формы просвещения, позволяющие организовать общение, сотрудничество, сотворчество, взаимопомощь, а также способствующие развитию мотивационной готовности к самовоспитанию, познавательной активности;
- владение системой знаний о развитии психолого-педагогического потенциала, умений и навыков на основе обобщенного метода движения в материале, для которого характерно овладение системой способов действия при решении дифференцированных педагогических задач и осознания оснований их применения при переносе в реальные условия;
- предоставление родителям максимально возможной самостоятельности, активности, инициативы, организация реального участия родителей в целостном процессе обучения;
- сотрудничество специалистов и родителей.

Выделенные условия определяют необходимость высокого уровня подготовки специалистов (педагогов, психологов и т. д.), которые бы помогали

и направляли как будущих, так и настоящих родителей. Это в свою очередь определило бы создание благоприятной среды для воспитания в целом.

Развитие психолого-педагогической компетентности родителей подразумевает реализацию практико-ориентированного подхода, который бы объединял традиционные и современные подходы, базирующиеся на инновационном введении психолого-педагогических знаний, касающихся воспитания родителей, их личностного и социально-психологического развития и навыков в формировании индивидуального подхода к воспитательной деятельности. Естественно, что **центральным объектом** в организации воспитательного процесса является родитель, как носитель социокультурного опыта и как следствие от того как он его передает, какими методами он пользуется, зависит, будет ли личность ребенка гармоничной и разносторонней.

На наш взгляд одним из важнейших направлений работы педагогов и психологов является непосредственно помощь родителям в выборе направления воспитания, в создании благоприятных условий, в просвещении о необходимости учета индивидуальных особенностей детей, о том, что их ребенок это личность, которая нуждается в постоянной поддержке. Одним из важнейших компонентов становления психолого-педагогической компетентности является **формирование внутренней готовности к личностному развитию**, а также развитию **родительского самосознания** и непрерывного самосовершенствования, ведь развитие общества и среды не стоит на месте, и родители должны быть готовы к возможным изменениям и все возрастающим требованиям.

Основная роль в работе просвещения родителей отводится специалистам (педагогам, психологам, социальным педагогам), которые могут дать возможность раскрыться их потенциалу, показать его неограниченные возможности, с помощью которых можно интегрировать собственный опыт и опыт, приобретенный в процессе непрерывного саморазвития.

Психолого-педагогическая компетентность родителей включает в себя не столько доскональные теоретические знания, а желание и стремление создать гармоничную личность, способную комфортно существовать в динамическом мире, и возможность в полной мере реализовать себя как самодостаточного члена общества. **Взаимодействие в семье осуществляется посредством нескольких критериев, а именно:**

А. Взаимопонимание, эмоциональная искренность;

Б. Личный пример;

В. Безусловное позитивное принятие ребенка [1, с. 57].

Вышеперечисленные компоненты представляют собой фундамент, на котором происходит продуктивное взаимодействие, благодаря которому складывается успешное воспитание личности. Каждый из этих критериев необходим, и без них невозможно выстроить гармоничную и полноценную систему взаимодействия между родителями и детьми.

В исследованиях отечественных психологов и педагогов выделены три уровня психолого-педагогической компетентности родителей: низкий, средний, высокий.

Низкий уровень развития психолого-педагогического потенциала родителей проявляется в неадекватной самооценке своих родительских функций, характеризуется плохо сформированными инновационно-прогностическими способностями, нежеланием принимать критику, низкой степенью выраженности потребности в достижении, неразвитой эмпатией, неэффективной адаптацией в группе, нежеланием что-либо делать в целях самосовершенствования, саморазвития, несформированной готовностью к работе над собой.

Средний уровень развития психолого-педагогического потенциала родителей характеризуется не совсем адекватной самооценкой своих родительских функций, частично сформированными инновационно-прогностическими способностями, недостаточной сформированностью большинства вышеназванных показателей, несистематичностью их проявлений, неполным

использованием получаемой через обратную связь информации, средним уровнем развития творческих потенций родителей.

Высокий уровень развития психолого-педагогического потенциала проявляется в: адекватной самооценке своих родительских функций, стремлении к самопознанию и самосовершенствованию, индивидуальном подходе к воспитанию детей, наличии инновационного взгляда на воспитание, самокритичности, внутренней готовности к переменам, открытости к обучению, навыках самоанализа, уверенности в себе, знании своих возможностей и недостатков, заинтересованности в полноценном детско-родительском общении, стремлении и возможности помочь себе и своим детям, чуткости, внимании к ребенку, доброжелательности к себе, желании стать лучше.

Указанные выше уровни развития психолого-педагогической компетентности выделены на основе проводимых исследований и показывают основополагающие компоненты, которые в совокупности образуют целостную систему знаний, способную помочь родителям в вопросах воспитания.

Развитие психолого-педагогической компетентности родителей происходит в контексте двух факторов: **инновационность** и **прогностичность** [3, с. 98].

Инновационность как процесс становления психолого-педагогического потенциала родителей характеризуется следующими признаками:

А. формирование представлений об актуальных тенденциях в воспитании;

Б. формирование инновационного мышления, которое позволит применять новые и традиционные методы в воспитании;

В. структурирование огромного количества актуальной информации и создание благоприятной воспитательной среды.

В свою очередь прогностичность представляет собой синтез следующих признаков:

А. способность гибко реагировать на происходящие изменения с целью возможного и адекватного прогнозирования;

Б. максимальное уменьшение уровня неопределенности;

В. при возникновении ошибок, вызванных изменениями - распознать эти изменения и осуществлять дальнейшее прогнозирование с учетом этих изменений;

Г. уметь своевременно отмечать полезные изменения и поддерживать их.

Психолого-педагогический потенциал родителей — явление закономерное, которое должно стимулировать возможность внесения изменений в существующую социокультурную среду, и как следствие в воспитание, что позволит обеспечить высокий уровень решения возможных проблем в детско-родительских отношениях. Грамотное и планомерное создание необходимых организационно-методических условий будет способствовать повышению уровня психолого-педагогической компетентности родителей.

Список литературы:

1. Гильфанова Д.З. Инновационно-прогностическая модель воспитания родителей // Вестник Государственного университета управления. 2011, № 7 (издание, рекомендованное ВАК РФ) 1 п.л. — С. 56—69.
2. Минина А.В. Структура и содержание педагогической компетентности родителей в воспитании самостоятельности у детей дошкольного возраста / Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Ростов-н/Д.: ИПО ЮФУ. — 2013. — № 2 (28). — С. 93—98.
3. Минина А.В. Повышение педагогической компетентности родителей в вопросах воспитания самостоятельности у детей // Наука и образование XXI века: сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. 31 мая 2013 г. В 5 ч. Ч. 3. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. — С. 97—100.

ОСОБЕННОСТИ СОСТОЯНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ДИЗАРТРИЕЙ

Шапкина Зинаида Владимировна

студент 4 курса, кафедра дефектологии КГУ,

РФ, г. Курган

E-mail: zinochka2006@mail.ru

Дубовская Вера Александровна

научный руководитель, канд. пед. наук, доцент КГУ,

РФ, г. Курган

Е.Ф. Архипова определяет дизартрию как речевую патологию, проявляющаяся в расстройствах фонетического и просодического компонентов речевой функциональной системы и возникающая вследствие невыраженного микроорганического поражения головного мозга. Кроме того, у детей с дизартрией отмечаются нарушения словообразовательных компетенций.

Словообразовательная компетенция, по мнению Т.В. Тумановой — это иерархически выстроенная совокупность словообразовательных представлений, знаний, умений и навыков их практического применения в процессе овладения устной и письменной речью.

Словообразовательная компетенция у детей с дизартрией существенно отличается от словообразовательной компетенции детей без речевой патологии. У дошкольников с дизартрией в процессе онтогенеза навыки словообразования формируется с опозданием, страдают способы словообразования различных частей речи. У таких детей затруднено понятие лексического значения слова и словообразовательных аффиксов, что отражается на словообразовательной компетенции дошкольников с дизартрией. Об этом свидетельствуют работы Л.В. Лопатиной, Т.Б. Филичевой, Г.В. Чиркиной, Т.В. Тумановой, О.В. Вершининой, В.А. Киселевой и др.

Вопросами изучения словообразовательных процессов у старших дошкольников с дизартрией занимались Е.Ф. Архипова, В.А. Киселева, Н.С. Жукова, Г.А. Волкова, Р.Е. Левина, И.Д. Коненкова и др. На основании

методик данных ученых мы исследовали состояние уровней сформированности словообразовательных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с дизартрией.

Исследование состояние словообразовательных компетенций осуществлялось по семи параметрам. Представляем наглядные данные согласно каждому параметру в таблице 1.

Таблица 1.

Параметры исследования словообразования дошкольников

Параметр	Бальная оценка				
	1	2	3	4	5
I. Образование уменьшительно-ласкательных существительных	1	3	1	1	3
II. Образование прилагательных:					
1. Относительных	2	3	1	3	2
2. Качественных	1	3	1	2	1
3. Притяжательных	0	2	0	0	1
4. Уменьшительно-ласкательных	0	2	1	2	1
III. Образование названий детенышей животных	1	2	0	1	3
IV. Дифференциация глаголов совершенного и несовершенного видов	2	3	3	4	3
V. Словообразование по дифиниционному типу	2	3	2	1	1
VI. Дифференциация глаголов, образованных префиксальным способом.	3	4	4	4	2
VII. Образование приставочных глаголов	2	1	3	4	2
Итоговая оценка	14	26	16	22	19

Рассмотрим показатели каждого параметра в отдельности.

При исследовании навыка образования уменьшительно-ласкательных существительных, мы пришли к выводу, что дошкольники с дизартрией хорошо справляются с заданиями данного вида. Наиболее легкими для образования уменьшительно-ласкательной формы оказались слова «рука», «птица», «ведро», «яблоко». При образовании слов «ушко» и «перышко» возникали такие трудности, как употребление неправильного суффикса, например, «ухочко», «ушки», «перочки», повторение заданного слова без изменения, либо невыполнение какой-либо части задания. Неологизмы свидетельствуют о том, что дети с дизартрией заимствуют из речи окружающих

производные слова в целом и не создают их по правилам словообразования, а воспроизводят на основе общего звукового образа, часто в искаженном виде, что обусловлено недостаточностью фонематического восприятия и анализа.

Проанализируем навыки образования прилагательных суффиксальным способом.

При анализе результатов исследования навыка образования относительных прилагательных, мы сделали вывод, что наиболее характерной ошибкой было использование неправильного словообразовательного суффикса. Так, вместо «фарфоровая ваза», дети называли «фарфрая», «фарфораная», «фарфорная». Отмечаются единичные случаи неверного образования относительных прилагательных «стекланный», «кожиной», «золотное», «шелковая платье». Мы считаем, что ошибки старших дошкольников с дизартрией в употреблении словообразовательных суффиксов связаны с недостаточным овладением знаковыми операциями на уровне морфемы.

Задания на образования качественных прилагательных оказались наиболее сложными для исследуемых. Дошкольники отказывались от ответа, либо вместо образования прилагательного называли близкие по смыслу слова. Например, «Если днем было солнце, значит какой был день?», вместо «солнечный день» дети отвечали «хороший», или вместо «морозный день» — «холодный». Требовалось частое повторение инструкции, приведение аналогичных примеров. Так же как и в предыдущих заданиях, отмечаются ошибки в использовании словообразовательных аффиксов: «дождливый день» — «дождличный», «дождевой», «дождлиный», «дождный»; «солнечный день» — «солненьный»; «снежный день» — «снежок». Некоторые слова исследуемые образовывали по аналогии, при этом не зная значения производного слова, например, «пастмурный».

Анализируя результаты исследования навыка образования притяжательных прилагательных, было выявлено наибольшее количество ошибок. Инструкция детям была проста и понятна, задания доступны и интересны, однако трое детей из пяти получили оценку «0», один ребенок

получил оценку «2», один — «1». Во всех случаях отмечается неверное употребление суффиксов и флексий. Эту ошибку мы объясняем тем, что в притяжательных прилагательных, образованных от одушевленных существительных, отмечается дифференциация принадлежности к индивиду («мамина, папин») и к классу («собачий, черепаший»). В прилагательных с принадлежностью к классу используется суффикс «й» и флексия, напоминающая полную форму относительных или качественных прилагательных («горячий, холодный»). А в случае принадлежности к индивиду они имеют суффикс «ин» и краткую форму окончаний («мамин, папин»). Непонимание противопоставлений этих принадлежностей по значению и формальному выражению приводит к тому, что дети с дизартрией смешивают не только суффиксы, но и звуковую оболочку флексии.

Задания на образование уменьшительно-ласкательных прилагательных также вызвали значительные затруднения у исследуемых. Отмечаются такие ошибки, как повторение заданного слова: «волк серый, а волчонок какой?» — «немного серый», «серый» «лиса рыжая, а лисенок какой?» — «рыжий». Исследуемые образовывали ласкательную форму от существительного: «шуба пушистая, а шубка какая?» — Эти ошибки можно объяснить непониманием инструкции. Так же дошкольники образовывали неверную форму прилагательного: «несоленый» вместо «солененький», «беличная» вместо «беленькая», «серебристый» вместо «серенький». Кроме того, на некоторые вопросы дети ответов не давали.

Анализ результатов исследования навыка образования названий детенышей животных показал, что при образовании названий детенышей животных с неизменяющейся основой слова у испытуемых возникли лишь незначительные ошибки в употреблении суффиксов: «львята»-«львенки», «медвежата»-«медвежонки». Однако, при образовании названий детенышей с изменением основы слова, большинство испытуемых с заданием не справились. Так, вместо «щенята» дети называли «щеночки», «собачки», «щенки»; «телята»-«коровки», «теленки»; «поросята»-«свинята», «поро-

сеночки». Следует отметить, что данное задание усложнялось тем, что необходимо было образовать не просто название детенышей, а во множественном числе. Возможно, это и повлияло на низкое качество ответов дошкольников.

При исследовании способности дифференциации глаголов совершенного и несовершенного вида детям показывались картинки и изображением действий людей. Исследуемые с заданием справились хорошо: одна оценка «2», три оценки «3» и одна оценка «4». Дошкольники правильно и без затруднений называли и показывали по картинкам глаголы совершенного и несовершенного вида, например, «эта девочка надевает туфли, а эта уже надела». Возникали лишь единичные случаи, когда ребенок не мог образовать глагол совершенного вида, либо требовалась повторная словесная инструкция.

При выполнении заданий на словообразование по дифиниционному типу у исследуемых возникли значительные затруднения, которые, по нашему мнению, связаны с бедностью словаря. Так, образовывая слова «водитель», «рыбак», «парикмахер», «футболист», дети легко справились с заданием, так как они знакомы с их лексическим значением, часто их слышат и активно употребляют в речи. Слова «теннисист», «поэт», «часовщик» дети образовать не смогли, так как не знакомы с семантикой слов. Словообразование по дифиниционному типу, как известно, предполагает суждение о предмете, поэтому другой причиной ошибок при выполнении данного задания может быть нерезко выраженное вторичное нарушение мышления.

Анализ способностей детей дифференцировать глаголы, образованные префиксальным способом, позволяет сделать вывод, что дети понимают семантическую окраску глагольных приставок.

Это подтверждается и анализом задания на образование приставочных глаголов. Исследуемым предлагалась по картинкам показать и назвать действия человека. Старшие дошкольники с дизартрией верно образовывали глаголы «подходит», «выходит»; «входит» заменяли на «заходит», что не меняет семантического значения глагола. Однако, при выполнении задания

на образование глагола «переходит» дети заменяли его на фразу «идет по мосту». Мы считаем, что это связано с недостаточным пониманием значения префикса «пере».

Таким образом, проанализировав показатели каждого параметра изучения, мы выявили типичные и индивидуальные ошибки в процессе словообразования. Сформированность словообразовательных компетенций у исследуемых дошкольников можно выразить в виде гистограммы:

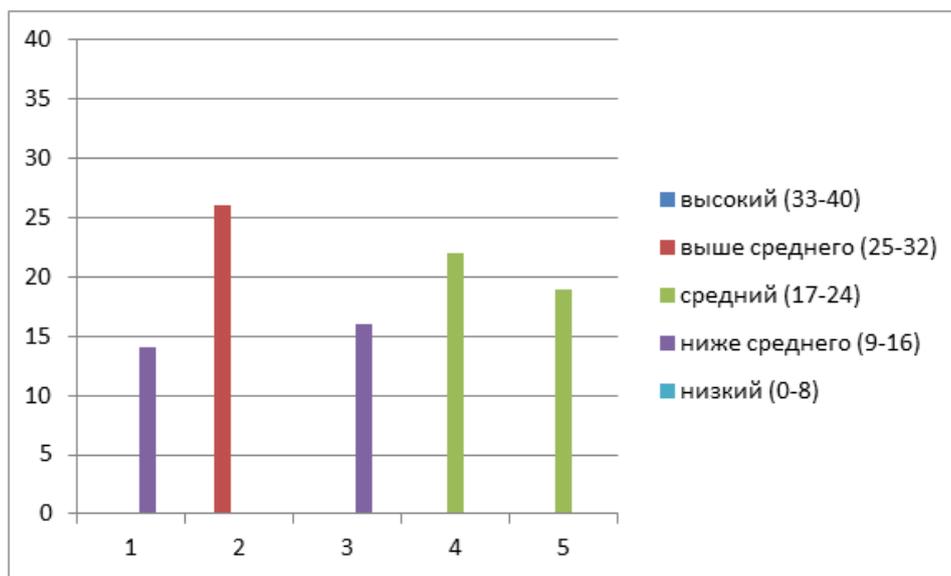

Рисунок 1. Уровень сформированности словообразовательных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с дизартрией

На гистограмме наглядно показано, что лишь один ребенок имеет уровень сформированности словообразовательных компетенций выше среднего. Двое детей имеют средний уровень, двое — уровень ниже среднего. Это говорит о том, что у детей старшего дошкольного возраста с дизартрией недостаточно сформированы словообразовательные компетенции.

Список литературы:

1. Архипова Е.Ф. Стертая дизартрия у детей. М.: АСТ: Астрель, 2007.
2. Белякова Л.И., Волоскова Н.Н. Логопедия. Дизартрия. М.: Гуманитар, изд. Центр Владос, 2009. — 287 с.
3. Вершинина О.М. Особенности словообразования у детей с общим недоразвитием речи III уровня// Логопед, — 2004 — № 1. — с. 34—402.
4. Волкова Г.А. Методика обследования нарушений речи у детей. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1993. — 45 с.
5. Коненкова И.Д. Обследование речи дошкольников с задержкой психического развития. М.: Издательство ГНОМ и Д, 2005. — 80 с.
6. Киселева В.А. Диагностика и коррекция стертой формы дизартрии. Пособие для логопедов М.: Школьная пресса, 2007. — 48 с.
7. Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников (формирование лексики и грамматического строя). СПб.: СОЮЗ, 1999. — 160 с.
8. Лопатина Л.В., Серебрякова Н.В. Преодоление речевых нарушений у дошкольников (коррекция стертой дизартрии): учебное пособие. / Л.В. Лопатина, Серебрякова Н.В. СПб.: Изд-во «СОЮЗ», 2000. — 192 с.
9. Методы обследования речи детей: Пособие по диагностике речевых нарушений/ Под общ. ред. проф. Г.В. Чиркиной. 3-е изд., доп. М.: АРКТИ, 2003. — 240 с.
10. Основы теории и практики логопедии под ред. Р.Е. Левиной. М.: Просвещение, 1967
11. Туманова Т.В. Формирование словообразовательной компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста с общим недоразвитием речи / диссертация. Москва, 2005.

СЕКЦИЯ 5. ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ ИЗ БЛАГОПОЛУЧНЫХ И НЕБЛАГОПОЛУЧНЫХ СЕМЕЙ

Галяутдинова Дания Рашидовна

*студент 4 курса, факультет педагогики и психологии ЛПИ — филиал СФУ,
РФ, г. Лесосибирск
E-mail: daniyadevotchka1993@mail.ru*

Бенькова Оксана Анатольевна

*научный руководитель, канд. психол. наук, доцент ЛПИ — филиала СФУ,
РФ, г. Лесосибирск*

Проблема изучения и формирования социального интеллекта актуальна и современна, сегодня так же, как и много лет назад. Несмотря на большое количество работ, посвященных ей, большинство важных вопросов остаются неразрешенными и на сегодняшний день.

Выдающиеся зарубежные и отечественные ученые-психологи и другие специалисты изучали особенности возникновения и проявления социального интеллекта. Изучением социального интеллекта занимались такие психологи, как М.И. Бобнева, Д.В. Люсин, Г. Адлер, Дж. Гилфорд, Э. Торндайк и др. Авторами было выявлено, что социальная принадлежность сказывается на интеллекте, и формирование социального интеллекта начинается с детского возраста. Период школьного обучения — это самый важный этап в формировании социального интеллекта, потому что именно в этот период расширяется круг общения, развиваются такие способности, как умение переживать за другого человека без прямого восприятия его ощущений, защищать свои мысли и суждения другого человека.

В связи с этим изучение особенностей социального интеллекта у детей из благополучных и неблагополучных семей и сравнительный анализ результатов, может дать определенное понимание различий или сходств

некоторых компонентов и, возможно, выявление проблем данных категорий исследуемых.

Целью нашего исследования являлось изучение в теоретическом и экспериментальном аспектах социального интеллекта у детей из благополучных и неблагополучных семей. Мы предположили, что дети из благополучных семей имеют более высокий уровень социального интеллекта по сравнению с детьми из неблагополучных семей.

Социальный интеллект — это своего рода социальный дар, который обеспечивает нормализованные отношения с людьми, результатом которых является социальная адаптация в обществе.

Собственно термин «социальный интеллект» был введен в психологию Э. Торндайком в 1920 году. С его точки зрения, социальный интеллект — это глубина понимания и дальновидность в межличностных отношениях [3].

Согласно концепции Д. Гилфорда, социальный интеллект представляет систему интеллектуальных способностей, независимую от факторов общего интеллекта. Эти способности, также как и общеинтеллектуальные, могут быть описаны в пространстве трех переменных: содержание, операции, результаты. Дж. Гилфорд выделил одну операцию — познание (С) — и сосредоточил свои исследования на познании поведения (СВ). Эта способность включает 6 факторов:

- Познание элементов поведения (СВU) — способность выделять из контекста вербальную и невербальную экспрессию поведения (способность близкая к способности выделять «фигуру из фона» в гештальт-психологии).

- Познание классов поведения (СВС) — способность распознавать общие свойства в некотором потоке экспрессивной или ситуативной информации о поведении.

- Познание отношений поведения (СВR) — способность понимать отношения, существующие между единицами информации о поведении.

- Познание систем поведения (CBS) — способность понимать логику развития целостных ситуаций взаимодействия людей, смысл их поведения в этих ситуациях.

- Познание преобразований поведения (CBT) — способность понимать изменения значения сходного поведения (вербального или невербального) в разных ситуационных контекстах.

- Познание результатов поведения (CBI) — способность предвидеть последствия поведения, исходя из имеющейся информации.

В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было рассмотрено рядом исследователей. Одной из первых, в 1979 году, этот термин описала М.И. Бобнева. Она считает, что социальный интеллект следует расценивать как особую способность человека, формирующуюся в процессе его деятельности в социальной сфере, в сфере общения и социальных взаимодействий. И принципиально важно, подчеркивает автор, что уровень «общего» интеллектуального развития не связан однозначно с уровнем социального интеллекта.

Нами было проведено экспериментальное исследование социального интеллекта подростков, обучающихся в МКОУ «Икшурминская СОШ» Пировского района Красноярского края. В исследовании приняли участие 20 детей (10 мальчиков и 10 девочек) в возрасте от 13 до 16 лет. Из них 10 подростков воспитываются в благополучных семьях, 10 человек из неблагополучных семей.

Для диагностики социального интеллекта у подростков мы использовали тест Гилфорда «Социальный интеллект». Анализируя результаты, полученные по первому субтесту методики Гилфорда, мы можем отметить, что 5 % респондентов имеют низкую способность к познанию поведения, то есть вероятна возможность совершения ошибок вследствие непонимания связи между поведением и его последствиями. Для 30 % испытуемых характерны среднеслабые и 65 % респондентов средние способности к познанию поведения. Поэтому, подростки из этих двух групп способны к правильной

расшифровке невербальных сообщений, но в разной степени. К тому же, испытуемые со средним уровнем, если сосредоточатся, могут предвидеть последствия поведения, выстраивать стратегию своего поведения для достижения какой-либо цели.

Исходя из диагностических результатов по второму субтесту методики Гилфорда, нами было выявлено, что для 10 % испытуемых характерен низкий уровень способности к логическому обобщению, выделению общих существенных признаков в различных невербальных реакциях человека; у 30 % респондентов — среднеслабая способность, у 60 % — средняя способность. Следовательно, подростки с низкими показателями плохо владеют языком телодвижений, взглядов и жестов. А среднеслабая и средняя способность характеризуют человека немного с иной стороны. То есть это лучшее понимание невербальной речи. Но, в то же время, они, также, могут ошибаться в понимании смысла слов вербальных сообщений собеседника, если неправильно учли невербальные реакции.

Анализируя данные по субтесту «Вербальная экспрессия», можем отметить, что для 15 % испытуемых характерен среднеслабый уровень вербальной экспрессии. Эти подростки могут ошибаться в интерпретации слов собеседника. У 75 % подростков выявлен средний уровень вербальной экспрессии. У них существуют незначительные трудности в понимании одних и тех же слов, сказанных в разных ситуациях. Для 5 % испытуемых свойственен среднесильный уровень и 5 % респондентов высокий уровень познания преобразований поведения, выраженной в основном в вербальной форме. Данный факт свидетельствует об обладании высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что помогает этим подросткам быстро и правильно понимать то, что люди говорят друг другу. Поэтому, такие подростки способны находить соответствующий тон общения с разными собеседниками в разных ситуациях и имеют большой репертуар ролевого поведения (то есть они проявляют ролевую пластичность).

Проанализировав результаты по четвертому субтесту методики Гилфорда, мы можем заключить, что для 50 % испытуемых характерен среднеслабый уровень логического выстраивания последовательности событий и поведения людей в разных ситуациях. Это говорит о некоторых трудностях в анализе подростками ситуаций межличностного взаимодействия. У 40 % респондентов выявлен средний показатель по данному субтесту, что означает понимание логики развития взаимодействия людей в сложных ситуациях. И лишь 10 % подростков имеют низкий уровень познания систем поведения. Как следствие, такие подростки плохо адаптируются к разному роду взаимоотношений между людьми (семейным, деловым, дружеским и др.).

Проведенный эксперимент позволил сделать следующие выводы. У 30 % подростков выявлен средний уровень социального интеллекта. Им свойственно понимание и некое прогнозирование поведения людей в определенной ситуации. Такие люди, в основном, открыты, легко уживаются в коллективе и имеют организаторские способности. 70 % испытуемых обладают уровнем социального интеллекта ниже среднего, у этих подростков возможны трудности в социальной адаптации и понимании вербальных и невербальных сообщений, в некоторых случаях может проявляться замкнутость.

Сравнив диагностические результаты подростков из благополучных и неблагополучных семей, можем отметить следующее. Нами было выявлено, что для 90 % подростков из неблагополучных семей и 60 % респондентов из благополучных семей характерен уровень развития социального интеллекта ниже среднего. Только для 10 % подростков из неблагополучных семей и 40 % респондентов из благополучных семей свойственен средний уровень социального интеллекта.

Таким образом, можем отметить, что подростки из неблагополучных семей «отстают» в развитии социального интеллекта, им трудно понимать взаимоотношения между людьми, особенно, если данное общение протекает в кругу семьи.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза полностью подтвердилась. У детей из неблагополучных семей уровень социального интеллекта ниже, чем у детей, воспитывающихся в благополучных семьях.

Список литературы:

1. Дивицына Н.Ф. Социальная работа с неблагополучными детьми и подростками. Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. — 288 с.
2. Калиновская М.А. Особенности социального интеллекта и выбора стратегий поведения подростков // Молодой ученый. — 2011. — № 3. — Т. 2. — С. 88—91.
3. Матвеева Л.Г. Анализ понятия «Социальный интеллект» // Психология человека. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URLURL: <http://psibook.com/articles/analiz-ponyatiya-sotsialnyy-intellekt.html> (дата обращения 12.02.2014).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЯВЛЕНИЙ НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ

Каркунова Кристина Витальевна

*студент 4 курса факультета педагогики и психологии, ЛПИ — филиал СФУ,
РФ, г. Лесосибирск
E-mail: karkunova1993@mail.ru*

Бенькова Оксана Анатольевна

*научный руководитель, канд. психол. наук, доцент, ЛПИ — филиал СФУ,
РФ, г. Лесосибирск*

Настоящий этап социального и гуманитарного развития в России характеризуется повышенным интересом к проблемам семьи и детства. В связи с этим актуализировался ряд проблем, которые ранее стояли на периферии научных гуманитарных и социальных исследований. К одной из таких проблем относится проблема изучения насилия над детьми в семье. Это самое тяжелое социальное и нравственное последствие того духовного вакуума, который царит в обществе на протяжении многих лет. В любом обществе с утратой духовности или снижением ее уровня возрастает число неблагополучных, неполных семей и детей, оставшихся без попечения родителей прямо или косвенно [4, с. 343].

Проблематика насилия — это обширная область, представленная во многих отраслях отечественной и зарубежной науки: в психиатрии (Кон И.С., Крафт-Эббинг Р., Ломброзо Ч. и др.); психологии (Зиновьева Н.О., Фрейд З., Фромм Э. и др.); педагогике (Монтессори М., Руссо Ж.Ж., и др.); социологии (Гилинский Я.И., Тауэр С.С. и др.); социальной работе (Алексеева И.А., Платонова Н.М., Платонов Ю.П. и др.).

Одной из самых распространенных форм насилия над детьми является физическое насилие. Физическое насилие — это нанесение ребенку родителями или лицами, их заменяющими, воспитателями или другими какими-либо лицами физических травм, различных телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его развитие и лишают жизни [1, с. 124].

Эти действия могут осуществляться в форме избиения, истязания, сотрясения, в виде ударов, пощечин, прижигания горячими предметами, жидкостями, зажженными сигаретами, в виде укусов и с использованием самых различных предметов в качестве орудий изуверства.

В средствах массовой информации насилие в семье было представлено в достаточно усеченной, трансформированной форме, часто как прерогатива малоимущих, асоциальных, неполных семей [3, с. 135]. Вместе с тем, как показывают современные отечественные и зарубежные исследования, данное явление происходит в любых социальных стратах, независимо от классовых, культурных, расовых, религиозных, социально-экономических факторов.

Агрессия — это присущее (врожденное) индивиду качество (или компетенция), на основании которых и с учетом способностей самого индивида к обучению развиваются способы действия, выражаемые в различных (выученных и социально обусловленных) индивидуальных и коллективных формах, от самоутверждения до жестокости. Таким образом, специалистами не отрицается, что некие формы активного поведения, воспринимаемые как агрессия, могут быть конструктивными или даже одобряемыми со стороны общества. Например, агрессивное поведение в конкурентной среде, в целях самозащиты, экспрессивное поведение во время спортивных состязаний [2, с. 394].

В научном сообществе существует еще больше попыток понять различия между поведением агрессии и насилия. О насилии можно говорить в абсолютно разных и малосвязанных между собой областях. Например, значительная разница существует в восприятии «насилия над природой» и насилия в школе. В узком смысле к насилию относят «...прямое нацеленное физическое воздействие со стороны людей или вещей. В данном виде рассматривается, прежде всего, использование физической силы».

Даже в отдельно взятой стране — России — насилие можно рассматривать в двух сосуществующих контекстах: историко-культурном и правовом.

С исторической и культурной точек зрения физическое воздействие на детей или взаимодействие между ними до определенных границ (синяки, шишки, царапины) до сих пор может в зависимости от конкретной ситуации вызывать совершенно противоположное толкование — от неприятия до одобрения.

Все другие выявленные формы насилия представляют собой вербальное, психическое и структурное воздействие. В процессе наблюдений и изучения этого феномена в школе именно указанным формам стало придаваться наибольшее значение, поскольку «...оскорбления, унижения, передразнивания, презрение могут нанести более существенный ущерб, чем физическое воздействие».

Психическое насилие часто совмещается с физическим, которое протекает даже в более интенсивной степени.

Структурное насилие вызывает особый интерес в социальных науках. Первоначально термин был дан норвежским социологом Й. Гальтунгом. Под насилием в этом случае понимается любое влияние, которое ведет к ограничению возможностей осуществлять требуемые физические или психические действия.

В начале XX-го века И.А. Бердяев писал о жестокости как неизбежном атрибуте нашей жизни. Эта проблема не теряла актуальности во все времена. В своей жизни каждый, так или иначе, сталкивается с жестокостью. Она будоражит, возмущает, пугает.

Необходимо отметить, что понятие «жестокость» тесно связано с понятием «агрессия». И более того, жестокости без агрессии просто не может быть. Несмотря на это они имеют ряд принципиальных отличий.

С точки зрения социологического подхода причинами агрессии являются неестественные условия жизнедеятельности человека: отдаление от природы, урбанизация, индустриализация, перенаселение городов, плохие экологические условия, возникновение элитарных групп и т. д.

Агрессия — это нравственно нейтральное понятие. Она социально приемлема в любой культуре и даже может быть поощряема. Жестокость же можно оправдать только в исключительных ситуациях.

Нами было проведено экспериментальное исследование, направленное на выявление насилия и жестокого обращения в семьях. В экспериментальном исследовании принимали участие 30 подростков (16 девочек и 14 мальчиков), учащиеся средней общеобразовательной школы города Красноярска. Средний возраст испытуемых составил $14,7 \pm 1,7$ лет.

В экспериментальной работе нами использовались следующий диагностический инструментарий: проективная методика «Незаконченные предложения»; методика «Карта наблюдений»; интервью для диагностики насилия; опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним».

На основании проведения методики «Незаконченные предложения», нами были выявлены два сочетания эмоциональных (отчетливые ситуативные страхи физического насилия и признаки компульсивного поведения), когнитивных (релевантные представления о поведении и образе действия субъекта насилия) и поведенческих (допустимость психологического и физического наказания, признание опасливого отношения к взрослым членам семьи обоснованным их поступками) проявлений, позволяющих предположить наличие проявлений физического или сексуального насилия в семье.

В результате заполнения «Карты наблюдений» педагогом были отмечены следующие проявления, присущие подросткам: игнорируют сверстников, ведут себя подобно «настороженному животному», невнимательны, не проявляют дружелюбия. Кроме того, не нуждаются в помощи со стороны учителя, заинтересованы в одобрении со стороны взрослых, не пристаю́т к более слабым детям. Полученные результаты свидетельствуют о том, что дети не испытывают физического и сексуального насилия со стороны членов семьи. Также была выявлена тенденция в проявлении психологического насилия со стороны семьи в адрес ребенка. Это обусловлено тем, что дети легко становятся нервными, плаксивыми, а также ими легко управлять. Можно предположить,

что в большинстве случаев за них все решают их родители, не давая высказать им свое собственное мнение. В большинстве семей наблюдается норма семейных отношений. Дети проявляют себя, как старательные и заинтересованные в обучении ученики. Помимо этого они внимательны, с легкостью идут на контакт со сверстниками, а также проявляют самостоятельность при выполнении заданий.

По результатам опроса о ситуациях, в которых допустимо физическое насилие, большинство подростков отдали предпочтение следующим ответам: «когда он лжет», «когда поздно возвращается домой», «когда получает плохие отметки в школе», «когда расстраивает родителей» и «неуважительно относится к старшим».

Можно сделать вывод, что в семьях детей преобладает жесткая дисциплина, направленность родителей на успешное обучение своего отпрыска, а также привитие ребенку хороших манер.

Также нами было проведено диагностическое обследование подростков по опроснику «Поведение родителей и отношение подростков к ним».

Таким образом, в ходе психологического обследования было выявлено, что к детям предъявляются завышенные требования со стороны родителей. У детей не выражены страхи, связанные со сферами отношений со сверстниками и учебной деятельностью, зато преобладают страхи отчуждения и неприятия. Дети не испытывают физического и сексуального насилия со стороны членов семьи, но они значительно информированы о проявлениях данного рода насилия посредством СМИ.

Исходя из результатов обследования, была выявлена тенденция в проявлении психологического насилия со стороны семьи в адрес ребенка, но в большинстве семей наблюдается норма семейных отношений.

Кроме того, было выявлено, что для девочек-подростков отец представляется человеком, отгороженным от проблем семьи как бы невидимой стеной. Отцу абсолютно все равно, что происходит вокруг, его действия

зачастую не согласуются с потребностями и запросами близких, интересы которых полностью игнорируются.

В свою очередь, подростки-мальчики часто испытывают необходимость в помощи и поддержке матери, в большинстве случаев принимают ее мнение, склонны соглашаться с ней. А их взаимодействие с отцом основывается на позициях силы и деспотичности.

Можно отметить, что в современном российском обществе доля семейного насилия остается чрезвычайно высокой.

Характерным поведенческими особенностями, развивающимися у детей-жертв семейного насилия и способствующими совершению над ними преступлений в дальнейшем, являются: повышенная уступчивость к императивным действиям окружающих и чрезмерная доверчивость и экспрессивность поведения при реализации лидерских установок. Прогностическая реакция личности выражается в неспособности вовремя распознать преступные намерения и оказать адекватное сопротивление посягателю. Виктимизация и инфантилизация личности ребенка проявляется также в манере его поведения (заикание, нечеткая речь, избегание прямых взглядов и физических контактов, неприятие своего тела и страх перед обнажением даже в социально приемлемых рамках — на пляже, в раздевалке спортзала, на приеме у врача). Данные поведенческие особенности закономерно вытекают из особенностей характера, являются прямым следствием семейного насилия.

Для подростков, подвергшихся насилию в семье, характерны: превалирование агрессивных и враждебных реакций в виде физической и вербальной агрессии, раздражительности, обиды, подозрительности и чувства вины; высокий уровень психического утомления, тревоги и суммарного отклонения, при снижении вегетативного коэффициента и работоспособности. У подростков, подвергшихся насилию в семье, выявлены достоверно более низкая самооценка, неудовлетворенность собой, неуверенность в своих силах и способностях. Превалируют просоциальные, прямые, пассивные,

асоциальные и агрессивные типы копинг-стратегий. Выявлено напряжение практически всех психологических защитных механизмов; переживание эмоционального дискомфорта во взаимоотношениях со сверстниками; негативное отношение к школе и низкий уровень успеваемости по школьным предметам.

В ходе экспериментального исследования нами были выявлено сочетание эмоциональных (отчетливые ситуативные страхи физического насилия и признаки компульсивного поведения), когнитивных (релевантные представления о поведении и образе действия субъекта насилия) и поведенческих (допустимость психологического и физического наказания, признание опасливого отношения к взрослым членам семьи обоснованным их поступками) проявлений, позволяющих предполагать вовлеченность двух подростков из опрошенных тридцати в ситуации прямого физического или сексуального насилия в семье. Данные о семьях позволяют предположить, что сексуальное насилие имеет скорее форму недопустимого информирования и нежелательных прикосновений. Физическое насилие носит более характер «наказания», чем прямой агрессии, что подтверждается особенностью высказываемых и проявляемых подростком страхов.

Список литературы:

1. Бородатая М.Н., Осипова И.И., Злоказова М.В. и др.; Социально-психологическая помощь детям — жертвам семейного насилия / под общ.ред. Н.Н. Ершовой. М.: Полиграф сервис, 2009. — 124 с.
2. Мелешко Н.П., Фатеев А.Н. Семейная криминология. Рн/Д.: Феникс, 2012. — 394 с.
3. Насилие в семье: Особенности психологической реабилитации / под ред. Н.М. Платоновой, Ю.П. Платонова. СПб.: Речь, 2009. — 135 с.
4. Петин И.А. Механизм преступного насилия. СПб.: Изд-во Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2010. — 343 с.

**ПРОБЛЕМА ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТИЛЕЙ МУЗЫКИ
НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ
И УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА**

Читанова Тамара Вангельевна

*студент 3 курса, кафедра философии, психологии и педагогики,
ГБОУ ВПО КубГМУ Минздрава России,
РФ, г. Краснодар
E-mail: chitanava.tamara@yandex.ru*

Инджоян Анжела Оганесовна

*студент 3 курса, кафедра философии, психологии и педагогики,
ГБОУ ВПО КубГМУ Минздрава России,
РФ, г. Краснодар
E-mail: armenia.angel.94@mail.ru*

Киселева Анна Андреевна

*студент 3 курса, кафедра философии, психологии и педагогики,
ГБОУ ВПО КубГМУ Минздрава России,
РФ, г. Краснодар
E-mail: vilesik@mail.ru*

Онищенко Валерий Леонидович

*научный руководитель, доцент кафедры философии, психологии и педагогики,
ГБОУ ВПО КубГМУ Минздрава России,
РФ, г. Краснодар*

«Музыка не только фактор облагораживающий, воспитательный.

Музыка — целитель здоровья»

В.М. Бехтерев

Влияние музыки на умственные способности и психологическое здоровье человека, безусловно, является актуальной проблемой современной науки. Актуальность данной темы также очевидна, если говорить о влиянии музыки на эмоциональное и интеллектуальное состояние студентов, которые вынуждены выдерживать значительные психологические и физические нагрузки в учебном процессе.

Цель: выяснить, как различные стили музыки влияют на эмоциональное состояние и умственные способности человека, определить место музыкальной терапии в современной медицине.

Основные задачи предполагают проведение выборки информации из научных статей о влиянии различных стилей музыки на человека, проведение анкетирования среди студентов КубГМУ, изучение литературных источников по вопросу о месте музыкальной терапии в современной медицине. Практическая ценность полученных результатов состоит в том, что они могут использоваться в ходе научных исследований по родственным темам, а также представляют практический интерес для студентов при подготовке к занятиям и экзаменам. По данным Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН Рок-музыка стимулирует умственную деятельность и память при тихом звучании — не более 30 децибел. Если же включить ее громко, то она усиливает эмоциональное напряжение и тревожность, а также подавляет интеллект [9]. Джаз — уникальный стиль музыки, благотворно влияющий на умственные процессы, на психику в целом. Когда джазмен импровизирует, его мозг отключает некоторые свои области, а некоторые наоборот активизирует, попутно музыкант погружается в некий транс, в котором он с легкостью создает новый музыкальный материал (импровизация). В популярной музыке (малые песенные формы) слушателя привлекают несложные тексты и запоминающиеся мелодии. Считают, что популярная музыка негативно сказывается на интеллекте человека. Некоторые ученые утверждают, что возможна даже постепенная деградация личности. Самое всестороннее плодотворное влияние на человека оказывает классическая музыка. Считается, что музыка Моцарта способствуют быстрому усвоению информации и влияет на умственную работоспособность. Можно предположить, что избавиться от головной боли многим людям помогут: «Венгерская рапсодия» Листа, «Полонез» Огинского, «Фиделио» Бетховена и другие произведения классики. Память поможет улучшить периодическое прослушивание произведений, входящих в цикл «Времена года» Вивальди [9].

В статье Л.Ч. Самерханова «Клиническая музыкотерапия при остром нарушении мозгового кровообращения» рассматривалось влияние классической музыкотерапии на психологическое состояние, стрессоустойчивость, адаптацию и эндотоксикоз у больных с острыми нарушениями мозгового кровообращения (ОНМК). Под динамическим наблюдением находились 50 больных с ОНМК по ишемическому типу в возрасте от 44 до 80 лет. Исследования проводились на базе отделения сосудистой неврологии госпиталя ветеранов войны г. Казани. После проведения курса клинической музыкотерапии были выявлены преимущественно положительные изменения. Самочувствие, активность и настроение при музыкотерапии значительно улучшились. Таким образом, музыкотерапия оказывает комплексное благоприятное влияние на патофизиологические процессы, возникающие при ОНМК, что подтверждается результатами и наших исследований [6].

Впервые научное объяснение влияния музыки на здоровье человека прозвучало из уст древнегреческого ученого и философа Пифагора — «Всякая мелодия синхронизирует работу внутренних органов человека» [7]. Классическая музыка укрепляет нейроны головного мозга ребёнка, формирует крепкую связь между правым и левым полушариями мозга, тем самым способствуя развитию умственных способностей и овладению иностранными языками. К такому выводу пришли исследователи из университета итальянского города Кьети. Они открыли так называемый «эффект Вивальди», доказав, что регулярное прослушивание его знаменитого симфонического сочинения «Времена года» улучшает свойства памяти. 24 добровольца должны были запомнить ряд чисел, расположенных в определенном порядке. Группа пациентов, которые много часов слушали музыку Антонио Вивальди, справилась с этим заданием намного лучше своих конкурентов. Этот феномен в определенной степени объясняется повышенным вниманием и напряжением участников эксперимента, но классическая музыка, бесспорно, стимулирует краткосрочное расширение физиологических возможностей человеческого мозга, считают ученые. Науке уже известен «эффект Моцарта», когда

маленькие дети, слушающие музыку великого австрийского композитора, быстрее развиваются в интеллектуальном отношении [2].

Музыкальная терапия уже давно стала признанной наукой. А в целом ряде западных вузов сегодня готовят профессиональных докторов, лечащих классической музыкой. В России музыкотерапию Министерство здравоохранения признало официальным методом лечения в 2003 году. Был открыт Научно-исследовательский Центр музыкальной терапии и восстановительных технологий. Основной целью НИЦ МТ и ВТ является комплексное развитие музыкальной терапии, как науки и практического направления [3].

В проведенном анкетировании приняли участия 112 студентов 2 курса лечебного факультета КубГМУ. Им было предложено 3 музыкальных видеоклипа с джазовой, популярной и классической музыкой. Студенты должны были, используя 3-х балльную шкалу оценки, ответить на несколько вопросов.

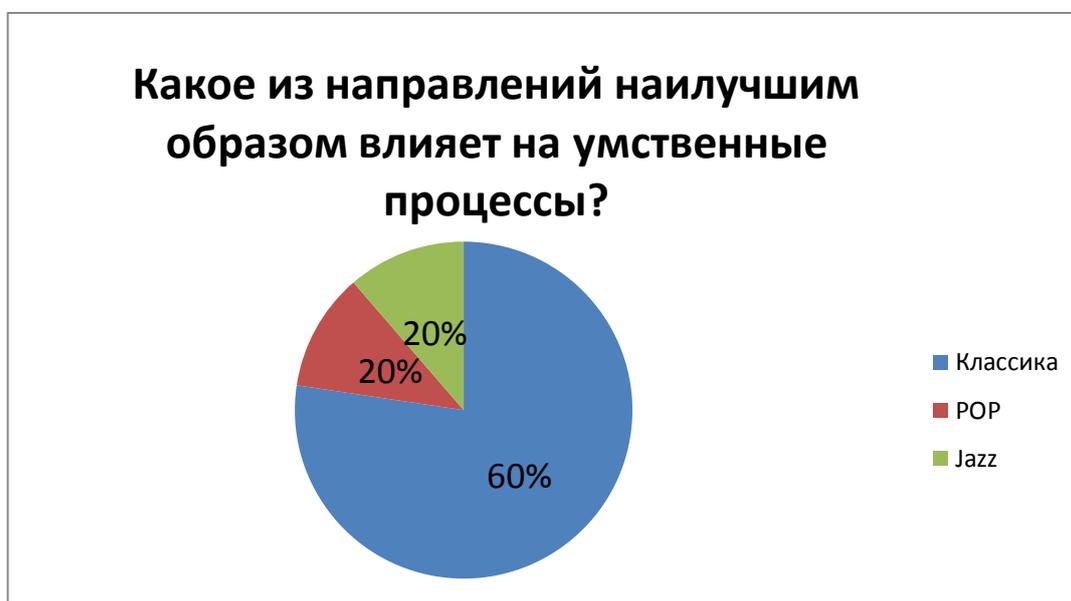

Диаграмма 1. (Какое из направлений наилучшим образом влияет на умственные процессы?)

Какое из направлений наилучшим образом влияет на умственные процессы? Какое из направлений способно повлиять на психологическое здоровье человека? В анкете также были вопросы о личных музыкальных

предпочтениях, в частности, вопрос о том, какую музыку они слушают до и после учебы. В ответе на первый вопрос (как показано на диаграмме № 1) по 3-х балльной шкале оценили классическую музыку 60 % респондентов, по 20 % получили Pop и Jazz. На второй вопрос, представленный на диаграмме №2, голоса разделились следующим образом: 37 % респондентов оценили наивысшим образом классическую музыку, 40 % Pop, 23 % Jazz.

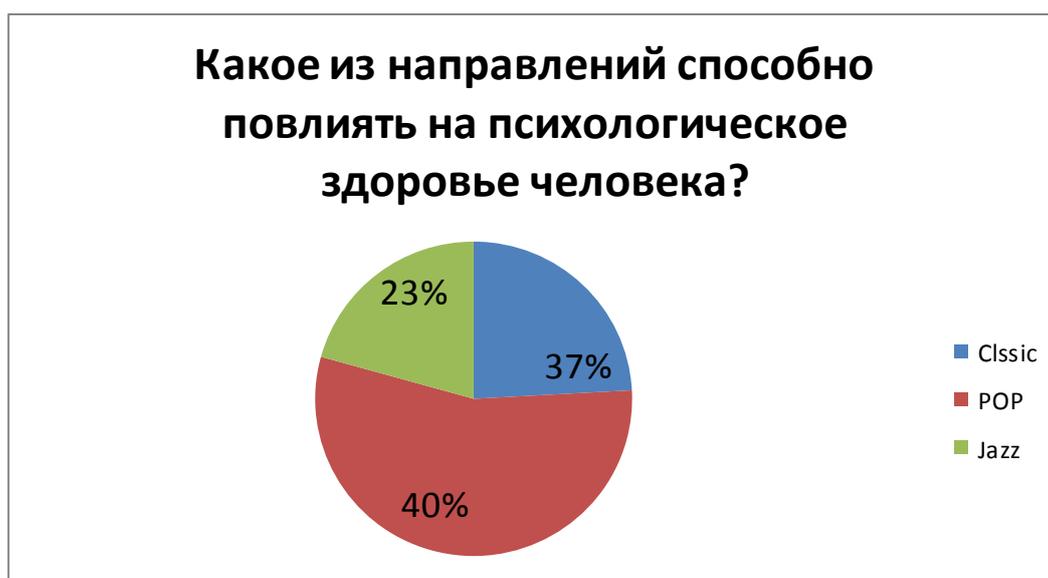

Диаграмма 2. (Какое из направлений способно повлиять на психологическое здоровье человека?)

В медицинской практике с использованием методов музыкотерапии наибольший лечебный эффект достигается прослушиванием классической музыки. По данным конкретного исследования можно сделать вывод, что классическая музыка имеет некоторое преимущество при выборе студентами музыкального материала для прослушивания. Это также дает основание считать, что именно классическая музыка наиболее благотворно влияет на эмоциональное и интеллектуальное состояние студентов. Но высокий процент интереса к Pop и Jazz музыке (40 %; 23 %), можно трактовать двояко, с одной стороны, это говорит об ограниченности возможности выбора, в результате низкого уровня развития музыкальной культуры, вследствие снижения частоты контактов с произведениями классики, с другой стороны,

это говорит о состоянии музыкального вкуса, в результате сознательного выбора музыкальных приоритетов. К сожалению, не все студенты осведомлены о чудодейственном влиянии классики на организм человека и отдают предпочтение популярной музыке, ограничивая реабилитационные возможности музыки в своей учебной работе.

Список литературы:

1. Влияние музыки на человека — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://i-facts.ru/fenomen-vliyaniya-muzyiki-na-cheloveka/> (дата обращения 19.03.2014).
2. Мансурова М. Новый уникальный проект филармонии «Слушаем музыку вместе» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bashgf.ru/news/2705/> (дата обращения 19.03.2014).
3. Научно-исследовательский центр музыкальной терапии и восстановительных технологий — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://doctor-art.ru/> (дата обращения 13.03.2014).
4. Попок Алеся Григорьевна музыкотерапия для детей с ограниченными возможностями // известия ргпу им. а.и. герцена. — 2012. — № 150. — с. 244—249.
5. Ритм сердца и музыка души //«Новый путь». — 2013. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.novput.com/2013/09/ritm-serdtsa-i-muzyka-dushi-2/> (дата обращения 13.03.2014).
6. Самерханова Л.Ч., Филатова Н.В., Герасимова С.В., Билялова Д.А., Яркаев А.А. Клиническая музыкотерапия при остром нарушении мозгового кровообращения // Казанский мед. ж. 2006. № 6.
7. Спокойная музыка для сна — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://vachzdrav.ru/muzykoterapiya/spokojnaya-muzyka-dlya-sna.html> (дата обращения 19.03.2014).
8. Толчинская Е.А. Музыкальная коррекция состояния беременных женщин и психологическая подготовка к родам. Известия Российского Государственного Педагогического Университета Им. А.И. Герцена. — 2009. — № 10. — С. 300—308.
9. SmallSound. Как влияет музыка на нас // SmallSound. — 2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://smallsound.ru/162-kak-vliyaet-muzyka-na-nas.html> (дата обращения 19.03.2014).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА У ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Шаров Алексей Александрович

*магистрант 2 курса, факультета психолого-педагогического
и специального образования, СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
РФ, г. Саратов
E-mail: sha555da@mail.ru*

Рудзинская Танзиля Фаатовна

*научный руководитель, канд. психол. наук, доцент СГУ
им. Н.Г. Чернышевского,
РФ, г. Саратов*

На сегодняшний день феномен суицидального поведения изучается рядом наук, таких как психиатрия, психология, философия, социология, и др.

Проблема суицида представляется актуальной для всей современной цивилизации. Множество жизней по всему миру обрываются вследствие совершения самоубийств. Эта проблема затрагивает все возраста, слои общества, профессии. Особенно печален тот факт, что большой процент суицидальных попыток совершается в молодом возрасте.

Задачами данной научной работы является:

- Проведение пилотажного исследования, направленного на выявление степени суицидального риска у подростков с нарушениями речи и анализ результатов;
- Выделение основных направлений работы по профилактике суицидального риска у подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Рассмотрение суицидального поведения только в контексте медицинской проблемы, в частности психиатрии не позволяет всесторонне раскрыть данный феномен. Данный вид внутридеструктивного поведения представляет свою актуальность прежде всего с позиции психологии.

Предпримем попытку создать собственную дефиницию суицидального поведения. Итак, под суицидальным поведением следует понимать поведение, которое является сознательным и целенаправленным, представляет

непосредственную угрозу для здоровья и жизни личности, характеризуется различным диапазоном проявлений, этапностью развития, являясь результатом симбиоза предрасполагающих факторов [5].

Суицидальное поведение в подростковом возрасте имеет много сходств с таковым поведением у взрослых, тем не менее, имеются и свои различия. Данные различия рационально объяснить психологическими и физиологическими механизмами, которые характерны для формирующегося организма на этапах становления в социально-психологическом плане [1].

Важно подчеркнуть, что большинство исследований, посвященных изучению суицидальных проявлений, касается нормативно развивающихся подростков. Нельзя опровергнуть тот факт, что физическое и психическое развитие ребенка не всегда соответствует норме. Недоразвитие или нарушение психических функций, наличие физических недостатков вследствие врожденного или приобретенного дефекта является на наш взгляд важным фактором риска возникновения суицидального поведения. Проблема суицидального поведения у подростков с отклонениями в развитии остается малоизученной. Одним из приоритетных направлений работы является разработка психодиагностических мероприятий по выявлению степени суицидального риска у данной категории учащихся [6].

В связи с актуальностью и малоизученностью данной проблемы наше пилотажное эмпирическое исследование будет посвящено выявлению суицидального риска у подростков с ограниченными возможностями здоровья (нарушениями речи) по сравнению с нормально развивающимися сверстниками.

- В исследовании приняло участие 20 подростков с речевыми нарушениями. Учащиеся имеют следующие заключения психолого-медико-педагогической комиссии (по данным из личных дел): дисграфия, ринолалия, дизартрия, заикание, тугоухость, паринатальная патология. У всех подростков общее недоразвитие речи III степени. У 7 человек — смешанные специфические расстройства развития.

- 20 подростков без нарушений речи не обнаруживших суицидальных тенденций. Всего в эксперименте приняло участие 40 подростков. Возрастной диапазон испытуемых составил 13—14 лет.

Проанализировав существующее количество методик направленных на выявления суицидального риска у подростков, нами были выбраны и использованы следующие:

Методика «Карта риска суицида» (модификация для подростков Л.Б. Шнейдер). Цель — определить степень выраженности факторов риска суицида у подростков. Представляет собой анкету — опросник. Форма проведения — индивидуальная. Заполнение карты риска проводилось посредством свободной беседы под руководством педагога-психолога.

Методика «Выявление суицидального риска у детей» (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич). Цель — исследование аутоагрессивных тенденций и факторов, формирующих суицидальные намерения. Форма проведения — индивидуальная. Респондентам зачитывались выражения, которые соотносились с соответствующими колонками таблицы в бланке ответа.

Рисуночный тест «Ваши суицидальные наклонности» (З. Королева). Цель — определение суицидальных наклонностей субъекта. Обследуемым была представлена некая фигура, которую они должны были раскрасить так, чтобы она им понравилась. Форма проведения — индивидуальная [3].

Перед предъявлением диагностического материала каждому испытуемому были даны устные инструкции по работе с текстами методик. Необходимо отметить трудности возникшие при проведении диагностики. Некоторые испытуемые (в основном подростки с нарушениями речи) во время диагностических мероприятий были напряжены, формальны, затем постепенно становились более активными.

При использовании методики «Карта риска суицида» (модификация для подростков Л.Б. Шнейдер), мы получили следующие показатели. В Г1 (испытуемые без речевых нарушений) у 70 % подростков риск суицида незначителен, риск суицида присутствует у 25 % подростков. Во второй группе

(испытуемые с речевыми нарушениями) выявлены следующие результаты: у 30% риск суицида присутствует, у 10 % риск суицида значителен. У 60 % испытуемых риск суицида незначителен. В Г2 отмечается значительный риск суицида у 10 % испытуемых, тогда как в Г1 у 5 % испытуемых.

При использовании рисуночного теста «Ваши суицидальные наклонности (З. Королева), мы получили следующие результаты: в Г1 у 70 % подростков нет склонности к суициду, у 10 % подростков есть склонность к суициду, у 20 % подростков есть суицидальные наклонности. Г2 30 % испытуемых имеют суицидальные наклонности, 20 % склонность к суициду, 50 % не склонны к суициду. По результатам данной методики можно сказать, что у подростков с отклонениями в развитии более выражены суицидальные наклонности и склонность к суициду.

При использовании методики «Выявление суицидального риска у детей (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич), мы получили следующие результаты:

В Г1 у 55 % испытуемых отсутствует риск суицида, у 20 % испытуемых имеется риск суицида (*показатели по колонке 5 «Добровольный уход из жизни»*). Основными стрессогенными факторами суицидального риска у 25 % подростков данной группы по результатам исследования выступили такие категории, как «Несчастливая любовь», «Семейные неурядицы» и «Школьные проблемы, проблемы выбора жизненного пути».

В Г2 у 25 % обследуемых отмечается наличие суицидального риска (*показатели по колонке 5 «Добровольный уход из жизни»*). У 30 % испытуемых фактором суицидального риска, как стрессогенной проблемы является чувство неполноценности (*колонка 8 «Чувство неполноценности, ущербности, уродливости»*). У 5 % фактором суицидального риска являются школьные проблемы, проблемы жизненного пути (*колонка 9 «Школьные проблемы, проблемы выбора жизненного пути»*).

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что суицидальный риск присутствует как у подростков с нормальным развитием, так и у подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Анализ полученных данных всех трех методик в совокупности показал, что показатели суицидального риска, наличия стрессогенных факторов, влияющих на состояние психологического комфорта, более выражены у подростков с нарушениями речи.

Обозначим общие выводы:

- Для подростков с ограниченными возможностями здоровья (с нарушениями речи), как и для подростков без нарушений речи характерно наличие суицидальных тенденций и суицидального риска.

- Анализируя выявленные количественные показатели в двух группах, можно говорить, что у подростков с нарушениями речи более выражены суицидальные тенденции.

Выделим полученные результаты испытуемых с нарушениями речи.

- По данным методики «Карта риска суицида» (модификация для подростков Л.Б. Шнейдер) у подростков с нарушениями речи более в количественном отношении присутствует риск суицида.

- По данным рисуночной методики «Ваши суицидальные наклонности» (З. Королева) выявлено, что подростки с нарушениями речи более склонны к суициду и в большем количестве имеют суицидальные наклонности.

- По данным методики «Выявление суицидального риска у детей» (А.А. Кучер, В.П. Костюкевич), наблюдается та же тенденция, что и в двух предыдущих. Количественный показатель наличия суицидального риска выше у подростков с нарушениями речи, чем у подростков без нарушений речи.

- У значительной части подростков с нарушениями речи фактором риска, формирующим суицидальные намерения, является чувство неполноценности, ущербности.

- Для части подростков с речевыми нарушениями характерно наличие трудностей в семейных отношениях, школьном коллективе. Это является стрессогенной проблемой влияющей на состояние психологического комфорта подростков и может являться фактором формирования суицидальных намерений.

Анализируя все вышеизложенное необходимо отметить, что подростки с нарушениями речи имеют более выраженный суицидальный риск по сравнению со сверстниками без речевых нарушений.

Рассмотрим аналогичные исследования данной проблемы.

Результаты, полученные в ходе пилотажного исследования не противоречат данным, полученным ранее И.Е. Куприяновой, И.С. Карауш, Б.А. Дашиевой (2013). Данной группой исследователей выявлено, что для подростков с ограниченными возможностями здоровья характерна трудность выражения эмоций, чувств ввиду сенсорной, интеллектуальной, речевой неполноценности. Характерно наличие негативных эмоций в связи с ограничением возможностей здоровья и осознанием дефекта [2]. В исследовании отмечается, что важными составляющими конструктами работы с подростками с ограниченными возможностями здоровья является повышение уровня мотивации к познанию мира, обучению, межличностному общению. Психологическая поддержка и повышение уровня уверенности в себе и своих силах является фундаментом в профилактической, коррекционной работе. Необходимо формировать навыки преодоления трудностей в повседневной жизни ставить адекватные жизненные цели, возможности их решения [2].

На основании вышерассмотренных исследований предпримем попытку определить направляющий вектор в мероприятиях по профилактике суицидального поведения у подростков с ограниченными возможностями здоровья. Психологическая программа профилактики суицидального риска, должна включать в себя следующие направления:

- развитие навыков общения со взрослыми и сверстниками;
- психокоррекция эмоционально-волевой сферы;
- формирование способностей к саморазвитию, самопознанию.

Что касается работы с подростками с ограниченными возможностями, то важным в планировании, подготовке, а главное в проведении психологической программы профилактики является учет ограничений

в состоянии здоровья. Данные ограничения можно обозначить как отдельным принципом, характерным для работы с лицами с ограниченными возможностями здоровья, так и составной частью личностного принципа. Здесь подразумевается возможность понимания и адекватной оценки психодиагностического инструментария, участия в занятиях, степень понимания заданий и упражнений, их выполнение, уровень рефлексии. Так построение программы профилактики, подбор техник, упражнений будет отличаться в связи с учетом структуры нарушения, наличия и выраженности вторичных отклонений [4].

Таким образом, выявление и профилактика суицидального риска у подростков с ограниченными возможностями здоровья является актуальной проблемой. Осуществляя подбор инструментария для диагностики психологу прежде всего необходимо найти контакт с подростком, расположить к себе, учитывать личностные, эмоциональные, мотивационные особенности. При составлении профилактической программы для конкретной группы подростков, необходимо ориентироваться на следующие характеристики подростка: состояние здоровья, познавательные личностные и эмоциональные особенности, данные психодиагностических мероприятий, их комплексный анализ и оценку. Общими направлениями работы могут являться: коррекция эмоционально-волевой сферы, активизация способностей к саморазвитию, самопознанию, развитие навыков общения. Важным в профилактике суицидального риска является соблюдение принципов диагностической, профилактической и психокоррекционной работы.

Список литературы:

1. Змановская Е.В. Девиантология: (психология отклоняющегося поведения) учебное пособие. М.: Академия, 2003. — 288 с.
2. Куприянова И.Е., Карауш И.С., Дашиева Б.А. Особенности суицидального поведения детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013. — № 2 (19). — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 23.08.2014).

3. Шаров А.А. Особенности суицидального поведения подростков с нарушениями речи // Молодежь и наука: Вопросы педагогики и психологии. Сборник научных статей / под. ред. Т.Г. Фирсовой, Т.Ф. Рудзинской. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. — С. 167—171.
4. Шаров А.А. Психологическая профилактика суицидального риска у подростков с ОВЗ (теоретический аспект) // XII международная конференция посвященная общественным и гуманитарным наукам: международная научно-практическая конференция, г. Москва, 28 сентября 2013 г. М.: Центр гуманитарных исследований «Социум». — С. 74—77.
5. Шаров А.А. Суицидальное поведение: слагаемые и сущность // Актуальные проблемы образования: сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов факультета психолого-педагогического и специального образования / под. ред. Е.С. Грипиной, Т.Ф. Рудзинской. Саратов: ИЦ «Наука», 2013. — С. 155—159.
6. Шаров А.А. Суицидальное поведение у подростков с ОВЗ (обзор) // Психология — наука будущего. Материалы V международной конференции молодых ученых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. — С. 689—691.

ИЗУЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПОДРОСТКОВ С ОВЗ (ДЦП И СЛАБОВИДЯЩИЕ)

Юсупова Лейсан Илфаковна

*студент 5 курса, БГПУ им. М. Акмуллы,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: blacks2412@mail.ru*

Яншаева Оксана Сергеевна

*студент 5 курса, БГПУ им. М. Акмуллы,
РФ, Республика Башкортостан, г. Уфа
E-mail: oksanayanshaeva@bk.ru*

Подростки и их ценностные ориентиры являлись большой, сложной и актуальной проблемой во все времена. Изучению данной проблемы посвящены много работ в области социологии, психологии и в других отраслях. В современном обществе все чаще наблюдается тенденция преобладания материальных ценностей над духовными. Такой вывод можно сделать вследствие того, что более старшее поколение жалуется на молодежь и обвиняет их в безнравственности, в подверженности гонке за материальным благополучием.

Так что же включает в себя понятие «ценность»? Ценность, по мнению А.М. Голуб, можно обозначить как представление о том, что свято для человека, коллектива, общества в целом, их убеждения и представления, которые выражены в поведении. Так же под ценностью, в узком значении, понимаются нормы и требования, которые выступают в качестве регулятора и цели человеческих отношений и деятельности. А.М. Голуб считает, что от ценностей зависит уровень культурного развития общества, степень его цивилизованности.

Понятие «ценность» тесно связано с понятием «ценностная ориентация». Данное понятие впервые стало употребляться в американской социологии Т. Парсонсом. Он определял ценностную ориентацию как индивидуальное и групповое распределение ценностей, в котором одним отводится большая значимость, чем другим, что может повлиять на выбор целей деятельности

и средств, используемых для их достижения. Ценностные ориентации играют важную роль в сознании личности, в них преломляются нравственные, правовые, эстетические, экономические, политические, экологические, мировоззренческие знания, представления и убеждения.

Ценностные ориентации являются важнейшим компонентом сознания личности, существенно влияют на восприятие окружающей среды, отношение к обществу, социальной группе, на представления человека о самом себе.

По мнению С.Я. Ермолича, ценностные ориентации являются особым образом структурированной и иерархизированной системой ценностных представлений, которые выражают субъективное отношение личности к объективным условиям жизни, реально обуславливают действия и поступки человека, выражают и показывают себя в практическом поведении. Ценностные ориентации представляют собой стержневую, базисную характеристику личности, социальное свойство личности.

В подростковом возрасте начинает формироваться определенный круг интересов, приобретающий со временем заметную устойчивость. Данный круг интересов для подростка становится психологической базой ценностных ориентаций. В этом возрасте наблюдается переход интересов с частного и конкретного на отвлеченное и общее, наблюдается рост интереса к вопросам мировоззрения, эстетики, религии, морали. Развивается интерес к психологическим переживаниям других людей и к своим собственным. Подростки стремятся более углубленно понять себя, начинают разбираться в своих чувствах, настроениях, мнениях, отношениях.

Существенные изменения в жизни общества влияют на формирование ценностных ориентаций современных подростков, что проявляется в преобладании одних ценностей (связанных с личной жизнью каждого) над другими. От того, какие ценности будут сформированы у современных подростков сейчас, зависит будущее нашего общества.

Нами было выдвинуто предположение о том, что у подростков с ограниченными возможностями здоровья наблюдается доминирование

материальных ценностей над духовными, и для проверки данного предположения было проведено исследование.

Экспериментальное исследование, направленное на изучение содержания ценностных ориентаций подростков с ограниченными возможностями здоровья проводилось в Уфимской специальной (коррекционной) общеобразовательной школы-интернат № 13 VI вида и Уфимской специальной (коррекционной) общеобразовательной школы-интернат № 28 III—IV видов (интернат для слепых и слабовидящих) Республики Башкортостан.

В исследовании приняли участие 18 человек. Из них:

- 10 человек — подростки со слабовидением.
- 8 человек — подростки с ДЦП, форма — спастическая диплегия, с сохранным интеллектом.

Для получения эмпирических данных мы использовали следующие методы исследования:

- Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.
- Анкетирование подростков с целью выявления их ценностных ориентаций.

Результаты исследования иерархии ценностей по методике М. Рокича «Ценностные ориентации» представлены в табл. 1,2.

Таблица 1.

Выявление жизненных ценностей подростков с детским церебральным параличом и подростков со слабовидением

Терминальные ценности	Подростки с ДЦП	Подростки со слабовидением
	Среднее значение	
- активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни);	13	10
- мудрость (достижимые жизненным опытом, зрелость суждений и здравый смысл);	9	9,5
- физическое и психическое здоровье;	3,8	2
- работа, вызывающая интерес;	8,3	7,7
- величие природы и искусства (переживания прекрасного в искусстве и природе);	14	13
- любовь (как духовная и физическая близость с любимым человеком);	11	5,7

- материальная обеспеченность жизни (отсутствие материальных трудностей);	9,4	7,1
- присутствие верных и хороших друзей;	7	4,4
- признание общества (уважение товарищей по работе/учебе, окружающих, коллектива);	9,6	9,4
- познание (возможность развития общей культуры, образования, расширения своего кругозора, интеллектуальное развитие);	8,6	9,7
- продуктивная жизнь (максимально полное использование своих сил, способностей и возможностей);	13	13
- развитие (постоянное духовное и физическое совершенствование, работа над собой);	6,5	10
- развлечения (необременительное, приятное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей);	12	13
- свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках);	8,5	11
- построение счастливой семейной жизни;	9,6	7,3
- счастье других людей (благополучие, совершенствование и развитие других людей, всего народа, человечества в целом);	11	13
- творчество (возможность творческого развития);	11	16
- уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, внутренняя гармония).	7,1	9,2

Таблица 2.

Исследование инструментальных ценностей подростков с ОВЗ

Инструментальные ценности	Подростки с ДЦП	Подростки со слабовидением
	Среднее значение	
- аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах;	2,9	6,2
- воспитанность (хорошие манеры);	3,5	1,8
- высокие запросы (высокие притязания и высокие требования к жизни);	11	15,2
- жизнерадостность (наличие чувства юмора);	6,4	6,3
- исполнительность (дисциплинированность);	11	8,6
- независимость (умение действовать самостоятельно, решительно);	10	6,8
- нетерпимость к недостаткам в себе и других;	12	10,7
- образованность (высокая общая культура и широта знаний);	9,9	5,9
- ответственность (умение держать свое слово, чувство долга);	9,5	10,3
- рационализм (умение принимать обдуманные, рациональные решения, здраво и логично мыслить);	9,6	11,9
- самоконтроль (самодисциплина, сдержанность);	11	9,5
- смелость в отстаивании своего мнения, взглядов;	13	10,8

- твердая сила воли (способность настоять на своем, не отступать перед трудностями);	12	12
- терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения);	9,6	10,6
- широта взглядов (умение понять и принять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, привычки, обычаи);	9,9	11,5
- честность (правдивость, искренность);	9,8	8,3
- эффективность в делах (продуктивность в работе, трудолюбие,);	12	12,4
- чуткость (заботливость).	11	12

Из табл. 1 видно, что самой значимой является такая ценность, как здоровье. Можно предположить, что подростки с ограниченными возможностями здоровья осознают свою внешнюю непохожесть, свои ограничения, в связи с чем, данная ценность выделяется среди всех особенно отчетливо. Не менее значимыми являются развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) и наличие хороших и верных друзей.

Из списка Б (инструментальные ценности) табл. 2 наиболее значимыми являются аккуратность, воспитанность, жизнерадостность. Такие ценности как материально обеспеченная жизнь, общественное признание и развлечения относят к наименее значимым. В то же время следует отметить, что ценности счастливая семейная жизнь и любовь на данный момент времени находятся на втором плане. Возможно, это связано с пребыванием в учреждении интернатного типа.

Также мы выявляли интересы и предпочтения подростков, выяснив, чем предпочитают заниматься подростки в свободное время. Результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3.**Результаты анкетирования подростков с целью выявления их ценностных ориентаций и предпочтений**

Занятия Категория детей	Подростки с ДЦП	Подростки со слабовидением
Встречи с друзьями	7	9
Чтение книг	5	4
Просмотр телепередач	8	6
Посещение кружков	7	9
Занятия спортом	3	4
Интернет	8	10

Из таблицы 3 мы видим, что подростки предпочитают проводить свободное время активно. Как отмечают сами подростки, для них важным является процесс общения. Это обусловлено возрастом, а так же обучением и проживанием в условиях интерната.

Таким образом, предполагаемая гипотеза о том, что у подростков с ограниченными возможностями здоровья наблюдается доминирование материальных ценностей над духовными не подтверждается. Материальные ценности уходят на второй план и значительно уступают таким ценностям, как здоровье, воспитанность, жизнерадостность.

Список литературы:

1. Голуб А.М. Формирование ценностных ориентаций молодёжи в процессе досуговой деятельности // Социально-психологическая работа. — 2009. — № 4. — С. 53—57.
2. Ермолич С.Я. Методологические предпосылки формирования ценностных ориентаций у подростков // Внешкольное воспитание. — 2007. — № 9. — С. 23—27.
3. Настольная книга практического психолога в 2 ч. Часть 1. Система работы психолога с детьми разного возраста: практич. пособие / Е.И. Рогов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012. — 412 с. — Серия: Настольная книга специалиста.

СЕКЦИЯ 6. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Андрянова Наталья Юрьевна
магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru

Цечоев Валерий Кулиевич
научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты

Взаимосвязь уголовного права и криминологии наиболее ярко проявляется при исследовании проблем социальных последствий отдельных видов преступности. В процессе формулирования и криминологического анализа основных концептуальных положений о социальных последствиях насильственной преступности неизбежно приходится обращаться к смежным понятиям и категориям уголовно-правовой науки.

В связи с тем, что уголовное право как базовая наука для криминологии определяет юридические рамки предмета криминологии, следовательно, оно может определять и содержание ее базовых категорий. В связи с этим при разработке положений, касающихся понятия и содержания социальных последствий насильственной преступности, в качестве базовой будет использована уголовно-правовая категория «общественно опасное последствие преступления», которая, в отличие от исследуемого определения, в науке уголовного права достаточно изучена и разработана.

Вместе с тем, неверно ставить знак равенства между анализируемыми терминами уголовного права и криминологии. В целях комплексного исследования проблем социальных последствий насильственной преступности существует необходимость в выявлении сходства и существенных различий

понятий последствий насильственных преступлений и социальных последствий насильственной преступности.

В качестве признака, определяющего сходство, можно отметить единое основание возникновения последствий насильственных преступлений и социальных последствий насильственной преступности. В качестве данного основания называется совершение против личности общественно опасного противоправного уголовно наказуемого деяния с применением физического или психического насилия, имеющего основной целью лишение человека жизни либо причинение вреда его здоровью, физической свободе, телесной неприкосновенности. В данном случае умышленно указываем на необходимость наличия только общественно опасного противоправного и наказуемого деяния, поскольку отсутствие признаков вины влечет отсутствие в уголовно-правовом смысле последствий преступления, но не исключает наличия социальных последствий данного вида преступности.

Проведя дальнейшее сравнительное исследование, можно выделить следующие различия рассматриваемых категорий.

Последствия насильственных преступлений и социальные последствия насильственной преступности — это различные категории в силу того, что последствия преступления — это правовая категория, анализируемая в связи с совершением насильственного преступления. Последствия насильственной преступности — это социально-правовое явление, порождаемое анализируемой преступностью.

Согласно теории уголовного права последствия насильственных преступлений — это негативные изменения, произошедшие в охраняемых уголовным законодательством общественных отношениях в результате совершения противоправных деяний, т. е. это вред, причиняемый исключительно совокупности общественных отношений, охраняемой уголовным законом, что объясняется производностью и взаимосвязью последствий насильственного преступления с объектами уголовно-правовой охраны [1, с. 78].

Только в материальных составах преступлений обязательно определение последствий насильственных преступлений, при этом обязательно установление между общественно опасным деянием и наступившим последствием причинно-следственной связи.

Если говорить об убийствах, то ст. ст. 105—108 УК РФ в качестве обязательного преступного результата, установление которого необходимо при квалификации преступления, признается только смерть потерпевшего [3, с. 105—108].

В составах преступлений, предусматривающих ответственность по ст. ст. 111, 112 УК РФ, последствием является только умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью [3, с. 111—112].

Совокупность объектов уголовно-правовой охраны не безгранична, более того, их количество ограничено не только перечнем наиболее существенных и важных ценностей общества, но и возможностью их определения, закрепления в уголовно-правовой норме и исчисления. Одни из них учитываются в качестве конструктивных признаков преступления, другие — квалифицирующих обстоятельств, третьи — при назначении наказания. Общественные отношения, рассматриваемые в качестве квалифицирующих признаков или обстоятельств, отягчающих наказание, выходя за рамки объекта посягательства, предусмотренного основным составом преступления, также ограничены кругом охраняемых уголовным правом отношений. С субъективной стороны объем этого вреда определяется возможностью и обязанностью субъекта преступления осознавать объект посягательства и предвидеть последствия своих деяний.

Но, как правильно отмечает В.К. Глистин, фактические изменения от преступного воздействия чаще всего несоизмеримы по объему с теми, которые обозначены в норме закона. Они более значительны и могут относиться к области административных, гражданских, дисциплинарных, моральных и иных отношений [1, с. 84]. Это весь объем вреда, причиняемого

преступностью личности, обществу, государству насильственной преступностью.

Исходя из действующего в уголовном праве принципа вины, при квалификации совершенного насильственного деяния, привлечении лица к уголовной ответственности и назначении наказания в качестве последствий насильственных преступлений рассматривается и учитывается исключительно только тот вред, который охватывался умыслом или неосторожностью виновного, т. е. лицо осознавало неизбежность или возможность их наступления либо должно было и могло предвидеть их наступление.

К социальным последствиям насильственной преступности помимо указанных относятся такие конкретные разновидности вреда, которые не охватывались предвидением субъектов преступных деяний, не могли и не должны были быть осознаваемы ими в момент совершения преступлений. В их состав включается вся совокупность вредных изменений, в том числе как косвенные, опосредованные результаты непосредственно преступной деятельности, так и негативные явления, порождаемые первоначальным преступным последствием, т. е. последствия последствий преступления.

Социальные последствия насильственной преступности — это не механическая сумма негативных изменений определенного числа насильственных преступлений, совершенных за определенный период на определенной территории. В самом общем виде можно сказать, что последствия преступлений и последствия преступности соотносятся между собой как понятия преступления и преступности, т. е. как единичное (конкретное) и общее [2, с. 174]. В данном случае имеется в виду качественное своеобразие социальных последствий, так как они представляют собой массовое явление, слагающееся из всей совокупности негативных изменений, наступивших в результате совершения насильственных общественно опасных противоправных и наказуемых деяний.

Таким образом, последствия насильственной преступности как объективная реальность и как сложная научная категория обладают еще и теми

специфическими свойствами и признаками, которые не присущи последствиям конкретного насильственного преступления.

Последствия насильственного преступления являются единственно возможным непосредственным негативным результатом насильственных противоправных деяний, между общественно опасным деянием и наступившим последствием должна быть установлена причинно-следственная связь. К социальным последствиям насильственной преступности может быть отнесен причинно связанный с преступностью вред, который находился за пределами непосредственных результатов преступного поведения. При совершении изнасилования в отношении несовершеннолетних в совокупность уголовно наказуемых последствий, безусловно, не войдет, например, большинство разновидностей морального и материального вреда, который, в конечном счете, понесут родственники потерпевшего.

Но, несмотря на то, что описанные разновидности вреда не могут быть признаны нормативно значимыми последствиями преступления, их существенная социальная значимость и конечная причинная обусловленность событием совершения преступления очевидны. Вот почему наличие нескольких промежуточных звеньев в цепи причинной связи не может и не должно лишать нас права включить упомянутые формы вреда в структуру социальных последствий насильственной преступности.

Законодатель предпринимает попытки по закреплению в уголовно-правовых нормах последствий насильственных преступлений преимущественно конкретными и исчисляемыми величинами и размерами. Социальные последствия насильственной преступности как социально-правовое явление помимо конкретных величин могут быть охарактеризованы посредством показателей, таких как состояние, структура, динамика, степень распространенности и др.

Таким образом, социальные последствия насильственной преступности по своему объему, качественному многообразию и степени тяжести намного превышают то, что уголовное право оценивает как уголовно наказуемые

последствия насильственных преступлений. Следовательно, различно предметное содержание последствий насильственных преступлений и социальных последствий насильственной преступности, включающих совокупность событий, явлений, процессов, прямые и косвенные негативные результаты воздействия как на общество в целом, так и его отдельные элементы. Важно избегать смешения отдельных видов вреда, причиненных одним деянием, но имеющих различное правовое значение.

Список литературы:

1. Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступлений). М., 2009.
2. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 2009.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ОТНОШЕНИИ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

Базаленко Сергей Юрьевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Спектор Людмила Александровна

*научный руководитель, канд. экон. наук, доцент кафедры «ТГиП»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Наказание является эффективным, если оно способно достичь целей, сформулированных в уголовном законе. Согласно ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [3, ст. 43].

Какова же эффективность применяемых наказаний в отношении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов?

Имеющиеся статистические данные показывают, что в последние годы количество регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также сильнодействующих веществ, остается достаточно стабильным. Так, в Российской Федерации было зарегистрировано таких преступлений: в 1999 г. — 216364, в 2000 г. — 243572, в 2001 г. — 241548, в 2002 г. — 189547, в 2003 г. — 181688, в 2004 г. — 150096, в 2005 г. — 175241, в 2006 г. — 212019, в 2007 г. - 231218, в 2008 г. — 232613, в 2009 г. — 238523, в 2010 г. — 222564, в 2011 г. — 215214, в 2012 г. — 218927 [4, с. 12].

При этом регистрируемая в последние годы наркопреступность характеризуется следующими качественными показателями.

По количеству тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ

и их аналогов, сильнодействующих веществ: в 2006 г. зарегистрировано 152,8 тыс., в 2007 г. — 158,2 тыс., в 2008 г. — 84,8 тыс., в 2009 г. — 154,5 тыс., в 2010 г. — 154,2 тыс., в 2011 г. — 150,7 тыс., в 2012 г. — 152,1 тыс. преступлений.

По количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ, совершенных в крупном размере: в 2006 г. зарегистрировано 78,3 тыс., в 2007 г. — 92 тыс., в 2008 г. — 65,7 тыс., в 2009 г. — 104,1 тыс., в 2010 г. — 96,4 тыс., в 2011 г. — 93,6 тыс., в 2012 г. — 94,7 тыс. преступлений.

По количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ, совершенных в особо крупном размере: в 2006 г. зарегистрировано 41,2 тыс., в 2007 г. — 48,9 тыс., в 2008 г. — 28,5 тыс., в 2009 г. — 59,6 тыс., в 2010 г. — 63,8 тыс., в 2011 г. — 71,3 тыс., в 2012 г. — 79,8 тыс. преступлений [1].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [2], количество осужденных за преступления, предусмотренные ст. ст. 228—233 УК РФ, в 2009 г. составило 105415 осужденных, в 2010 г. — 105095 осужденных, в 2011 г. — 103580 осужденных. В 2012 г. за преступления, предусмотренные ст. ст. 228—234 УК РФ, было осуждено 106393 человека [3, ст. 228—234].

Имея данные о количестве лиц, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, а также данные о количестве лиц, приговоренных к конкретным видам уголовных наказаний за преступления указанной группы, есть возможность рассчитать долю осужденных по видам наказаний.

Из числа осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в 2009 г. к лишению свободы было приговорено 49,95 % лиц, в 2010 г. — 48,2 % лиц, в 2011 г. — 44,82 %, в 2012 г. — 41,42 % лиц из числа осужденных.

Лишение свободы является наиболее применяемым уголовным наказанием за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Тем не менее, анализируя долю осужденных к лишению свободы за последние годы, можно увидеть, что применяемость лишения свободы с каждым годом уменьшается. К сожалению, указанная тенденция является свидетельством смягчения уголовно-правовой политики в отношении наркопреступности.

Негативную статистику, а именно рост преступности, мы можем наблюдать в отношении тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Так, доля тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, от всего объема данной группы преступности в 2009 г. составила 64,7 %, в 2010 г. — 69,3 %, в 2011 г. — 70 %, в 2012 г. — 69,4 % преступлений.

При сравнении доли тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с долей приговоренных к лишению свободы за совершение указанных преступлений, приходим к следующим результатам. В 2009 г. примерно 15,2 % осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не было приговорено к лишению свободы, в 2010 г. количество указанных осужденных составило 21,2 %, в 2011 г. — 25 %, в 2012 г. — 27,98 % осужденных. Анализируя соответствующую практику назначения лишения свободы, сложно признать ее адекватной относительно роста тяжких и особо тяжких преступлений в сфере наркобизнеса.

Доля условно осужденных к лишению свободы за преступные деяния, связанные с наркотиками, за последние четыре года примерно остается стабильной. Так, в 2009 г. доля условно осужденных к лишению свободы за анализируемые преступления составила 40,1 %, в 2010 г. — 38,89 % лиц, в 2011 г. — 40,21 %, в 2012 г. — 39,03 %.

Ежегодно увеличивается доля осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Доля осужденных к штрафу в 2009 г. составила 8 %, в 2010 г. — 9,03 %, в 2011 г. — 9,51 %, в 2012 г. — 11,33 % осужденных.

Доля осужденных к исправительным работам в 2009 г. составила 1,56 %, в 2010 г. — 1,5 %, в 2011 г. — 1,19, в 2012 г. — 2,28 % осужденных.

Доля осужденных к обязательным работам в 2009 г. составила 0,09 %, в 2010 г. — 1 %, в 2011 г. — 2,44 %, в 2012 г. — 3,53 % осужденных [1].

Конечно, пока применяемость наказаний, не связанных с лишением свободы, по сравнению с применяемостью лишения свободы остается незначительной. Тем не менее увеличение применяемости большинства видов наказаний, не связанных с лишением свободы, за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, также подтверждает тенденцию уменьшения уголовно-правовой репрессии в отношении такого наиболее опасного вида преступности, как наркопреступность.

Рассмотрим практику назначения лишения свободы за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Наиболее применяемые сроки лишения свободы, назначаемые за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в 2012 г. выглядят следующим образом.

1. Лишение свободы свыше трех лет до пяти лет включительно. Доля осужденных к лишению свободы свыше трех лет до пяти лет включительно за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в 2009 г. составила 15,84 %, в 2010 г. — 15,72 %, в 2011 г. — 14,75 %, в 2012 г. — 14,69 % осужденных. Данный срок наказания является самым применяемым за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. По суровости указанное наказание более подходит для преступлений средней тяжести. Ежегодно применяемость данного срока уменьшается, что является

свидетельством смягчения уголовно-правовой политики в отношении наркопреступности.

2. Лишение свободы свыше пяти лет до восьми лет включительно. Доля осужденных к лишению свободы свыше пяти лет до восьми лет включительно за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в 2009 г. составила 10 %, в 2010 г. — 9,21 %, в 2011 г. — 8,32 %, в 2012 г. — 6,86 % осужденных. Указанный срок является третьим по суровости и наиболее назначаемым сроком за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов и прекурсоров, наркосодержащих растений и их частей. Данное наказание более всего подходит для тяжких и особо тяжких преступлений. Тем не менее применяемость этого наказания уменьшается, что означает смягчение уголовно-правовой репрессии в отношении наркопреступности.

3. Лишение свободы свыше двух лет до трех лет включительно. Доля осужденных к лишению свободы свыше двух лет до трех лет включительно за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в 2009 г. составила 6,83 %, в 2010 г. — 6,67 %, в 2011 г. — 6,15 %, в 2012 г. — 6,38 % осужденных. Указанный срок лишения свободы более подходит для преступлений небольшой и средней тяжести. Применяемость данного срока лишения свободы незначительно уменьшается, следовательно, уголовно-правовая политика за преступления указанной категории остается более-менее стабильной.

4. Лишение свободы до одного года. Доля осужденных к лишению свободы до одного года включительно за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в 2009 г. составила 5,73 %, в 2010 г. — 5,28 %, в 2011 г. — 5,14 %, в 2012 г. — 4,85 % осужденных. Данный срок лишения свободы является самым мягким из всех сроков, применяемых за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Применяемость указанного срока постепенно уменьшается, одновременно увеличивается применяемость наказаний,

не связанных с лишением свободы, следовательно, для уголовно-правовой политики вновь характерно смягчение уголовно-правовой репрессии.

5. Лишение свободы свыше одного года до двух лет включительно. Доля осужденных к лишению свободы свыше одного года до двух лет включительно в 2009 г. за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составила 6,44 %, в 2010 г. — 6,22 %, в 2011 г. — 5,66 %, в 2012 г. — 4,76 % осужденных. Лишение свободы свыше одного года до двух лет является вторым по мягкости сроком, применяемым за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Для данного срока также характерно уменьшение его применяемости без увеличения применяемости более жестких сроков лишения свободы. Соответственно, для уголовно-правовой политики вновь характерно смягчение уголовно-правовой репрессии в отношении наркопреступности.

6. Лишение свободы свыше восьми лет до десяти лет включительно. Доля осужденных к лишению свободы свыше восьми лет до десяти лет включительно в 2009 г. за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составила 3,98 %, в 2010 г. — 4%, в 2011 г. — 3,64 %, в 2012 г. — 2,96 % осужденных.

7. Лишение свободы свыше десяти лет до пятнадцати лет включительно. Доля осужденных к лишению свободы свыше десяти лет до пятнадцати лет включительно в 2009 г. за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составила 1,04 %, в 2010 г. — 0,99 %, в 2011 г. — 1,04 %, в 2012 г. — 0,79 % осужденных.

Сроки лишения свободы свыше восьми лет до десяти лет включительно, а также сроки лишения свободы свыше десяти лет до пятнадцати лет включительно являются самыми суровыми сроками. Применяемость данных сроков является незначительной по сравнению с совокупной применяемостью более мягких сроков. Применяемость жестких сроков постепенно уменьшается, что подтверждает гуманизацию уголовно-правовой политики в отношении анализируемой категории преступлений.

Доля осужденных к лишению свободы свыше пяти лет за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в 2009 г. примерно составила 15 %, в 2010 г. — 14,2 %, в 2011 г. — 13 %, в 2012 г. — 10 % осужденных. Как видим, применяемость самых суровых сроков лишения свободы в целом уменьшается. Тем не менее именно эти сроки лишения свободы наиболее адекватны тяжким и особо тяжким преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств. Складывается ситуация, что доля тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличивается, а применяемость наиболее адекватных сроков лишения свободы за совершение преступлений указанной категории уменьшается. Налицо смягчение уголовно-правовой политики в отношении наркопреступности.

Проанализировав практику назначения уголовного наказания за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, можно отметить следующие тенденции:

1. в отношении преступлений указанной категории увеличивается применяемость наказаний, не связанных с лишением свободы;

2. в отношении преступлений указанной категории уменьшается применяемость наказания в виде лишения свободы, хотя оно и остается пока наиболее применяемым;

3. при назначении наказания в виде лишения свободы наблюдается снижение назначаемых сроков;

4. при назначении наказания в виде лишения свободы наблюдается уменьшение применяемости сроков, соответствующих тяжким и особо тяжким преступлениям, при одновременном увеличении доли тяжких и особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков;

5. существующая правоприменительная деятельность при назначении уголовных наказаний не сказывается существенно на количественных и качественных показателях преступности, связанной с наркобизнесом.

Указанные тенденции характеризуют гуманизацию уголовно-правовой политики, смягчение уголовно-правовой репрессии в отношении наркопреступности, что вряд ли соответствует сложившейся криминологической ситуации в отношении наркопреступности в России.

Представляется, что практика назначения наказания за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не способствует достижению целей уголовного наказания по следующим основаниям:

1. подобные наказания не восстанавливают социальную справедливость;
2. соответствующие наказания не исправляют преступника;
3. смягчение уголовно-правовой репрессии не способствует предупреждению наркопреступности.

При недостижении целей уголовного наказания, назначаемые и применяемые виды уголовных наказаний, становятся неэффективными.

Список литературы:

1. Состояние преступности. Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/=reports> (дата обращения: 15.08.2014).
2. Судебная статистика. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 15.08.2014 г.).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.
4. Федоров А.В. Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота // Наркоконтроль. — 2013. — № 3. — С. 5—13.

**ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО:
ПОНЯТИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ОХРАНЫ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Бойко Иван Геннадиевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Кириленко Виктория Сергеевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры «УПД» ИСОиП
(филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В правовом аспекте становления понятия «достопримечательное место» в европейской системе охраны культурного наследия наиболее важными документами являются Резолюция Комитета Министров Совета Европы от 14 апреля 1976 г. № 76 «Об адаптации законодательства и нормативных правовых актов к требованиям комплексного сохранения архитектурного наследия», а также Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (г. Гранада, 3 октября 1985 г., ETS № 121) [3], [5].

Согласно Резолюции Комитета Министров Совета Европы от 14 апреля 1976 г. № 76, достопримечательные места это «четко ограниченные зоны, творения природы или совместные творения человека и природы, представляющие собой ценность в связи с красотой или интересом с точки зрения истории, археологии, этнологии или антропологии» [5].

А Гранадская конвенция Совета Европы 1985 г. под «достопримечательным местом» понимает совместные творения человека и природы, являющиеся частично застроенными характерными однородными и четко локализуемыми зонами, представляющими явный интерес с точки зрения истории, археологии, искусства, науки и техники, социальной культуры [3].

Как видим, в Конвенции определение понятия достопримечательного места более обобщено по сравнению с Резолюцией, но и здесь сохранен его основной отличительный от иных видов наследия признак «зональности».

На наш взгляд, официальный перевод Конвенции, выполненный Министерством иностранных дел СССР, не в полной мере соответствует терминологии в сфере охраны культурного наследия и содержит ряд неточностей.

Так, Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» не содержал положений, собственно определяющих понятие достопримечательного места, а оперировал лишь определением «памятное место, связанное с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, революционным движением, Великой Октябрьской социалистической революцией, гражданской и Великой Отечественной войнами, социалистическим и коммунистическим строительством», т. е. не учитывал аспекты социальной культуры, градостроительного искусства [2].

Правда, ст. 37 Закона делала попытку ввести «территориальный признак» в сферу охраны культурного наследия, путем определения заповедных мест — отдельных участков городов и других населенных пунктов, имеющих особую историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, а также памятных мест, связанных с важнейшими историческими событиями.

Правда, заповедных мест (территорий) в РСФСР практически не возникло. Фактически в законодательстве советского периода понятие «заповедное место (территория)» было тождественно понятию «зоны охраны памятников истории и культуры», которые устанавливались в целях обеспечения охраны недвижимых памятников истории и культуры.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» попытался гармонизировать понятийный аппарат сферы охраны недвижимых памятников истории и культуры с действующими международными договорами Российской Федерации и также пересмотрел видовую принадлежность объектов культурного наследия [7].

Согласно ст. 3 Федерального закона к объектам культурного наследия народов Российской Федерации могут быть отнесены объекты недвижимого имущества, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры.

Закон установил три вида объектов культурного наследия: памятник, ансамбль и достопримечательное место.

Вместе с тем, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

Следует отметить, что в пояснительной записке к тексту Гранадской конвенции указывалось, что страны-участницы Конвенции должны при присоединении адаптировать понятийный аппарат своей правовой системы.

Как мы видим, российские разработчики понятийного аппарата базового Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» имели весьма отдаленные представления о действующих международных договорах, участницей которых Россия является с начала 90-х годов XX в.

Известно, что в ландшафтоведении выделяют три основных элемента ландшафта: фация, урочище и местность [4]. Местность — это закономерное сочетание урочищ, обусловленное особенностями топографического положения, морфологическим единством, однородностью хозяйственного использования. Именно местность является той целостной территориальной единицей, которая характеризуется закономерным и типическим повторением одних и тех же взаимосвязанных и взаимообусловленных сочетаний расчлененности (скульптурности) рельефа и зеленых насаждений, имеющих особое эстетическое выражение. На наш взгляд, именно местность как элемент

культурного ландшафта в наибольшей мере тождественна понятию «достопримечательное место».

Собственно понятие «site» вошло в употребление в Италии в XVI в. И означало «живописное место, воспринимаемый ландшафт, панораму». Позднее, в начале XIX в., термин укоренился во Франции и Англии. К примеру, первым достопримечательным местом, поставленным во Франции на государственную охрану по настоянию группы художников-пейзажистов Барбизонской школы, стал в 1861 г. «Лес Фонтенбло» (общей площадью около 20 тыс. га). Уже тогда большинство исследователей указывали на принципиальное отличие терминов «site» (достопримечательное место) и «situation» (место, местоположение), заключающееся в том, что территория первого полностью абстрагируется от ближайшего окружения, а второго — всегда взаимосвязана с окружающей средой [4].

Важность четкого определения понятия «достопримечательное место» в системе охраны культурного наследия объясняется тем, что почти вся специфика российского законодательства об объектах культурного наследия основана на историко-культурной ценности некоего объекта недвижимого имущества. Собственно концепция особого вида недвижимости является основной для правовой охраны памятников истории и культуры и законодательства об объектах культурного наследия.

Очевидно, что упомянутый Федеральный закон нуждается в серьезной доработке, и, прежде всего, в понятийной части, во многом определяющей современную стратегию охраны и сохранения памятников истории и культуры.

Прежде всего, отсутствие в Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» научных признаков достопримечательного места является серьезным недостатком и порождает крупную правовую проблему в части выявления, учета и обеспечения сохранности данного вида объектов культурного наследия.

Необходимо четко определить, какие объекты, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроитель-

ства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры, могут быть отнесены к достопримечательным местам.

Если следовать нормам Гранадской конвенции, то к достопримечательным местам следует относить четко локализуемую, достаточно однородную и характерную (отличительную) территорию, ценную с точки зрения истории, археологии, искусства, науки и техники, социальной культуры [3].

Важным признаком достопримечательного места, отличающим его от единичного памятника или ансамбля, является частичная застроенность его территории, несущая явные черты освоения природного ландшафта человеком.

Собственно юридически термин «Cultural landscape areas» (культурный ландшафт) в Европе окончательно сформировался лишь в начале 90-х годов XX в., когда Комитетом министров Совета Европы были приняты Рекомендации о комплексном сохранении культурных ландшафтов как части программ территориального планирования (R (95) N 9) [6].

Статья 1 Рекомендаций определяет культурный ландшафт как «четко локализуемые особые участки ландшафта, сформированные из различных сочетаний деятельности человека и природы, фиксирующей эволюцию во времени и пространстве человеческого общества, его характерных черт, социально-культурная ценность которых признана ввиду наличия в них материальных остатков культуры, отражающих традиционные способы землепользования, технические навыки и традиции, а также служит основой для легендарных, исторических, художественных произведений».

Как видим, данное определение достаточно полно отражает все аспекты выделения культурного ландшафта как особого природно-территориального комплекса.

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в 2002 г. отнес к достопримечательным местам творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе:

- места бытования народных художественных промыслов;

- места совершения религиозных обрядов;
- центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки;
- памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей [7].

Недостатком данного определения является включение в него «мест бытования народных художественных промыслов и мест совершения религиозных обрядов», поскольку это затрудняет идентификацию недвижимой составляющей объекта и не позволяет обеспечивать сохранение в рамках правового поля данного Федерального закона.

При внимательном рассмотрении ст. 3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» несет в себе элементы понятийного аппарата Закона РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры», объединяющего элементы недвижимых объектов, движимых культурных ценностей и нематериального наследия и в котором к «памятникам истории и культуры относились и сооружения, и памятные места, и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, то есть объединялись произведения материального и духовного творчества» [2], [7].

На наш взгляд, юридически значимым отличительным признакам достопримечательного места соответствуют:

- в городских населенных пунктах — фрагменты градостроительной планировки и застройки;
- в сельских населенных пунктах и на межселенных территориях — памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории

Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей.

Кроме того, критериям достопримечательного места также соответствуют отнесенные Федеральным законом к ансамблям произведения ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства (сады, парки, скверы, бульвары).

Разъяснение в Федеральном законе терминов и понятий имеет серьезные правовые последствия, т. к. их последующее использование в тексте порождает правоотношения, обязанности и права участников охраны и сохранения объектов культурного наследия.

При конструировании юридического понятия достопримечательного места для разграничения (дифференциации) различных отраслей законодательства в сфере культурного наследия, безусловно, необходимо исключить из этого термина движимую и нематериальную составляющие.

Таким образом, прежде всего, следует изменить редакцию ст. 3 Федерального закона и закрепить определение достопримечательного места, аналогичное Гранадской конвенции.

Кроме того, необходимо внести изменения в ряд статей Федерального закона, определяющих особенности государственного учета объектов культурного наследия и их государственную охрану, принимая во внимание территориальный (зональный) признак достопримечательного места. Документы, необходимые для ведения единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, упомянутые в ст. 17 Федерального закона, в общих чертах соответствуют требованиям по государственному учету и регистрации единичного объекта культурного наследия — памятника. Что касается учета и регистрации достопримечательных мест, то Руководство рекомендует национальным органам охраны памятников истории и культуры для их учета использовать аппарат и возможности геоинформационных систем.

Подводя итог сказанному, необходимо еще раз подчеркнуть, что в системе охраны культурного наследия правовое понятие «достопримечательное место»

должно иметь точный и определенный смысл, базироваться на структурных элементах, составляющих его содержание. В противном случае правоприменение погружается во мрак неких фикций, лишенных как правового, так и здравого смысла.

Совершенствование понятийного аппарата Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» путем применения общих европейских правовых стандартов будет являться наилучшим способом обеспечения интеграции России в европейское правовое пространство в сфере культурного наследия.

Список литературы:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014, с изм. от 23.06.2014), (с изм. и доп., вступ. В силу с 01.07.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 05.12.1994, — № 32, — ст. 3301.
2. Закон РСФСР от 15.12.1978 (ред. от 25.06.2002) «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // «Свод законов РСФСР», т. 3, — с. 498.
3. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (г. Гранада, 3 октября 1985 г., ETS № 121). // Сборник постановлений Правительства СССР. Отдел второй. — 1991. — № 4. — Ст. 7.
4. Мамай И.И. Динамика ландшафтов: Методика изучения. М.: Моск. ун-та, 1992. — 168 с.
5. Резолюция Комитета Министров Совета Европы «Об адаптации законодательства и нормативных правовых актов к требованиям комплексного сохранения архитектурного наследия». // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. — С. 430—437.
6. Рекомендации о комплексном сохранении культурных ландшафтов как части программ территориального планирования. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. — С. 430—437.
7. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2014) // «Российская газета», № 116—117, 29.06.2002.

МЕДИАЦИЯ — КАК БЕСПЛАТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

Быкадоров Алексей Викторович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Сегодня бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации оказывается в виде: 1) правового консультирования в устной и письменной форме; 2) составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; 3) представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законодательством и законами субъектов Российской Федерации. Именно так регламентирует виды бесплатной юридической помощи вступивший в силу в январе 2012 г. Федеральный закон № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [8]. Данный Закон установил общие рамки для развития государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи на территории Российской Федерации, предоставив достаточно широкие полномочия в рассматриваемой сфере региональным властям. Это проявляется и в том, что, несмотря на определение видов юридической помощи, федеральный законодатель установил не закрытый перечень, а предоставил право оказывать бесплатную юридическую помощь в иных не запрещенных законодательством Российской Федерации видах.

Рассмотрение региональных нормативных актов, регламентирующих оказание бесплатной юридической помощи, показывает, что, расширяя круг субъектов, имеющих право на получение такой помощи, распространяя юридическую помощь на иные категории дел по сравнению с федеральным

законодательством, субъекты Российской Федерации, как правило, оставляют виды оказываемой помощи неизменными.

Чуть ранее вступления в действие Закона «О бесплатной юридической помощи» был принят другой нормативный правовой акт — Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [7], который дал легальное оформление новому для России явлению — медиации.

Медиация — это особым образом организованные переговоры с участием специального субъекта — медиатора, содействующего устранению разногласий и достижению соглашения, отвечающего интересам сторон [2].

Как отмечает С.К. Загайнова, Законом о медиации «созданы условия для интеграции медиации в российскую правовую культуру. Законодатель институализировал процедуру медиации как легитимный способ урегулирования правовых споров, что является основанием для ее дальнейшего применения в различных сферах юридической деятельности» [2].

Анализируя опыт других стран, можно увидеть, что достаточно распространенным является включение медиации в число видов юридической помощи, оказываемой гражданам бесплатно.

Великобритания: оказание бесплатной юридической помощи в Великобритании на системной основе велось еще с 40-х годов прошлого столетия. Медиация практически с того же времени рассматривалась как вид такой помощи. Начиная с 2011 г. в Великобритании проводилась масштабная реформа всей системы оказания бесплатной юридической помощи. 1 апреля 2013 г. введен в действие Акт о бесплатной юридической помощи, назначении и исполнении наказаний. В соответствии с ним (впрочем, как и до его принятия) оказание юридической помощи бесплатно в виде медиации охватывает только семейные споры [2].

Бельгия: законодательство о медиации распространяет субсидируемую юридическую помощь на оплату проведения медиации (как добровольной, так и возбужденной по инициативе суда) при условии, что медиация

проводится аккредитованным посредником [6]. Аккредитация проводится Федеральной комиссией по медиации. Минимальные требования к медиаторам при аккредитации состоят в следующем:

- их предыдущая и текущая деятельность должна демонстрировать компетенцию, требующуюся исходя из сущности спора;
- в зависимости от дела они должны демонстрировать должный опыт или обученность практике медиации;
- в ходе осуществления медиации они должны обеспечить необходимые гарантии в отношении независимости и беспристрастности;
- у медиаторов не должно быть криминального прошлого, несовместимого с практикой аккредитованного медиатора;
- к ним не применялись дисциплинарные или административные санкции, несовместимые с практикой аккредитованного медиатора, они не были лишены аккредитации медиатора [6].

Финляндия: помимо частных медиаторов, в Финляндии распространена практика судебной медиации, где судья действует как медиатор. Оплата деятельности по проведению медиации в таком случае покрывается из государственных средств как оплата труда судьи. Однако иные расходы стороны несут самостоятельно [4].

Наряду с судебной широко практикуется медиация, проводимая службами медиации. В сферу деятельности таких служб входит медиация по уголовным делам, а также по гражданско-правовым спорам, если хотя бы одной из сторон такого спора является физическое лицо. Службы медиации действуют на территории всей страны. Расходы, связанные с обеспечением деятельности по проведению процедуры медиации, компенсируются за счет государственного бюджета. Общая сумма компенсации утверждается ежегодно в размере, соответствующем расходам, которые по предварительным оценкам необходимы для поддержания деятельности служб медиации, предоставления услуг надлежащего качества и организации профессиональной подготовки лиц, участвующих в проведении процедуры медиации [3].

Принятым Законом о медиации реализована так называемая частная модель медиации, под которой понимается модель, рассматриваемая и регламентируемая как самостоятельный вид профессиональной деятельности по урегулированию споров [5].

Статья 1 Закона о медиации гласит, что данный Закон распространяется на отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также к спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Таким образом, в предмет регулирования включаются отношения, связанные с проведением медиации по правовым спорам. Процедура медиации является достаточно универсальной и применимой к различным конфликтам. В этом плане урегулирование неправовых споров Законом о медиации не регламентируется.

Медиация проводится для урегулирования возникшего правового спора. С этой позиции конечная цель медиации — обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан. Ученые отмечают, что необходимо обеспечивать адекватность процедуры разрешения (урегулирования) спора его характеру. В этом смысле медиация и иные примирительные процедуры дополняют механизм судебного разрешения споров, представляя собой сосуществующее или восстановительное правосудие.

Необходимо расширить понимание доступа к правосудию, под которым подразумевается и как доступ к традиционному правосудию, так и доступ к сосуществующему правосудию, осуществляемому при помощи медиации.

Таким образом, если рассматривать юридическую помощь широко как действия, направленные на разрешение правовых проблем граждан (в том числе связанных с доступом к правосудию), то медиацию, безусловно, можно включить в число видов юридической помощи. Однако стоит оговориться, что в связи с большим разнообразием видов медиации полагаем возможным отнести к юридической помощи только медиацию, проводимой

по правовым спорам, т. е. медиации, подпадающей под сферу действия Закона о медиации.

Закон о медиации позволяет проводить процедуру медиации двум группам медиаторов (осуществляющих деятельность на профессиональной основе и осуществляющих деятельность на непрофессиональной основе), предъявляя к ним разные требования. Так, медиатором на непрофессиональной основе могут быть лица, достигшие возраста восемнадцати лет, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости (ст. 15 Закона о медиации). Медиаторами, осуществляющими деятельность на профессиональной основе, являются лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее профессиональное образование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов (ст. 16 Закона о медиации).

Как видим, даже профессиональному медиатору формально необязательно быть юристом. Однако полагаем, что для проведения медиации по правовым спорам медиатор должен обладать специальными юридическими познаниями. Это связано, во-первых, с тем, что медиатор обязан правильно с точки зрения закона определить круг лиц, являющихся участниками спора. Это далеко не всегда очевидно. Возрастающая сложность, комплексный характер правоотношений, являющихся предметом спора, могут явиться причиной неправильного определения круга участников правового спора, а вследствие этого и участников медиации. Достигнутое в результате такой процедуры соглашение будет противоречить закону в связи с тем, что будут затронуты права и интересы третьих лиц.

В то же время, во-вторых, помочь сторонам достичь соглашения, которое было бы исполнимо с точки зрения закона, — это одна из главных задач медиатора.

В-третьих, поскольку процедура медиации строится на основе принципа добровольности и само медиативное соглашение, достигнутое в ходе проведения медиации, исполняется сторонами добровольно, полагаем важным,

чтобы участники медиации отчетливо понимали смысл, правовое значение и последствия заключенного ими соглашения.

В-четвертых, Закон о медиации позволяет проводить процедуру медиации как до, так и во время судебного разбирательства, а также после вынесения судебного решения на стадии исполнительного производства. При этом в случае достижения медиативного соглашения при наличии судебного разбирательства на обсуждение ставится вопрос о том, каким образом прекратить производство в суде. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации говорит о том, что медиативное соглашение может быть утверждено судом как мировое. Однако зачастую медиативное соглашение не укладывается в конструкцию мирового соглашения. Это может быть связано с различными факторами. В таком случае медиатор обсуждает со сторонами возможные варианты действий, что также требует наличия определенных знаний процессуального законодательства.

Таким образом, проведение медиации по правовым спорам требует от медиатора, помимо знаний в области коммуникации, конфликт-анализа, переговорных технологий, еще и специальных познаний в области права. Соответственно, при рассмотрении медиации как вида бесплатной юридической помощи представляется целесообразным установление особых требований к медиатору, проводящему процедуру, а именно: это может быть лишь медиатор, осуществляющий деятельность на профессиональной основе (т. е. к нему применяются требования, предусмотренные Законом о медиации) и имеющий высшее юридическое образование (т. е. необходимо и применение требований, установленных Законом о бесплатной юридической помощи).

Включение медиации в разновидности бесплатной юридической помощи будет служить целям принятия Закона о бесплатной юридической помощи, а именно созданию условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышению уровня социальной защищенности, а также обеспечению доступа граждан к правосудию. Кроме того, такой подход будет способствовать распространению медиации как альтернативного способа

урегулирования правовых споров. Само по себе принятие Закона о медиации не повлекло массового применения этой процедуры на территории нашей страны, поэтому для внедрения медиации в отечественную правовую культуру требуются дополнительные меры. Представляется, что одной из таких мер может являться расширение региональными властями видов бесплатной юридической помощи.

При этом полагаем, что критерии, которые установлены для получения бесплатной юридической помощи законом, могут не применяться при включении медиации в разновидности бесплатной юридической помощи на начальных этапах. Наиболее эффективным, на наш взгляд, будет являться вариант, при котором судья при рассмотрении дела рекомендует сторонам обратиться к медиатору и при их согласии решает вопрос о проведении медиации бесплатно. Такой путь ограничит проведение медиации только правовой сферой, а также сделает возможным обеспечить целевую направленность (чем характеризуется бесплатная юридическая помощь), не усложняя при этом получение помощи наличием сложных бюрократических процедур.

Список литературы:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 18.11.2002, — № 46, — ст. 4532.
2. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н. Медиация в практике нотариуса. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
3. Закон Финляндии «О медиации по уголовным и некоторым гражданским делам». 09.12.2005/1015.
4. Закон Финляндии «О судебной медиации и признании мирового соглашения в судах общей юрисдикции». 29.04.2011/394.
5. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011.

6. Тарасов О.А., Пеллициари И. Совершенствование доступа к правосудию: оказание квалифицированной юридической помощи, в том числе в случаях, предусмотренных законом, бесплатно; медиация и иные альтернативные способы разрешения споров правового характера. М., 2011. — С. 242.
7. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013), (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // «Собрание законодательства РФ», — 02.08.2010, — № 31, — ст. 4162.
8. Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // «Парламентская газета», № 50, 24.11—01.12.2011.

УГОЛОВНОЕ ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО

Вожжов Алексей Александрович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Цечоев Валерий Кулиевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В настоящее время в российской правовой среде активно обсуждается вопрос о перспективе введения в Российской Федерации института ювенальной юстиции как обязательного элемента судебной системы.

К ювенальной юстиции относятся по-разному. Одни считают ее совершенно необходимым элементом судебной системы, другие видят в ней угрозу, способную пагубно изменить жизнь российской семьи.

Ювенальная юстиция — это правосудие по рассмотрению дел с участием несовершеннолетних. Понятие ювенальной юстиции включает в себя особый порядок судопроизводства, отдельную систему судов для подростков (ювенальных судов), а также совокупность идей, концепций социальной защиты и реабилитации несовершеннолетних правонарушителей.

Развитие ювенальной юстиции в Российской Федерации часто обсуждается на научном и правоприменительном уровне. В числе причин этого — ориентация государства на защиту семьи и подрастающего поколения, которая в свою очередь связана с объективно существующей необходимостью преобразования общества на ценностно-деятельном уровне, предотвращения закрепления и передачи криминогенных способов социализации, искоренения правового нигилизма и противодействия росту преступности. Эффективное осуществление данных реформ невозможно без пересмотра правовых положений, регламентирующих правовой статус несовершеннолетнего в уголовном праве и процессе. Возникающие в данной сфере трудности

в немалой степени объясняются недостаточно четкими представлениями о роли и месте уголовного ювенального права в системе права в целом.

Прежде всего, необходимо определить, что представляет собой уголовное ювенальное право, и отграничить его от уголовной ювенальной юстиции (два этих термина иногда используются синонимично).

Исходя из научного определения уголовного права, уголовное ювенальное право — это совокупность юридических норм, установленных высшими органами государственной власти, определяющих преступность и наказуемость деяний, совершенных несовершеннолетними, а также условия освобождения их от уголовной ответственности и наказания [2].

Нормы уголовного ювенального права содержатся в Общей части УК РФ (ст. 20, 58, 59, 61, а также раздел V «Уголовная ответственность несовершеннолетних») [6]. Их реализации в процессе уголовного судопроизводства посвящены соответствующие нормы УПК РФ (ст. 96, 105, 108, 191, а также глава 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних») [5], что позволяет говорить о существовании уголовно-ювенального процессуального права как совокупности юридических норм, установленных высшими органами государственной власти, определяющих основания и специфику возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел в отношении несовершеннолетних, а также назначения и исполнения наказания для данной категории лиц.

Ряд ученых относит к предмету ведения уголовного ювенального права также и те правоотношения, которые связаны с преступлениями против несовершеннолетних, и данное различие представляется существенным [1], [3]. В том случае, если к вопросам ведения УЮП относятся только преступления, совершенные подростками, то данная правовая сфера выделяется из уголовного права только по возрасту субъекта преступления и в целом остается в рамках данной отрасли (в теории и правоприменительной практике такая точка зрения преобладает). И, напротив, если в сферу нормативного регулирования уголовного ювенального права включаются также и преступления,

направленные против несовершеннолетних, то речь идет уже не столько о наказании, сколько о защите детей и подростков от включения в криминальную деятельность как в качестве жертвы, так и в качестве правонарушителя. В последнем случае УЮП становится подотраслью ювенального права, вопрос о выделении которого уже многие годы является дискуссионным.

Представляется, что уголовное ювенальное право является комплексной подотраслью, включающей в себя нормы, регулирующие несколько видов правоотношений. В первую очередь это правоотношения, связанные с определением преступности и наказуемости деяния, спецификой уголовной ответственности и исполнения наказания (уголовно-правовые отношения), а также правоотношения, связанные с защитой интересов несовершеннолетних и обеспечением их нормального развития (ювенально-правовые отношения).

Уголовное ювенальное право тесно связано с другими отраслями права, такими, как конституционное право (в сфере защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в процессе уголовного судопроизводства), гражданское право (в части возмещения материального ущерба, нанесенного преступлением несовершеннолетнего), семейное право (в части противостояния криминализации подростка в семье и обеспечения его права на здоровое воспитание). В этой подотрасли права большее, чем в какой-либо другой, значение имеют научные знания из сфер социологии, возрастной психологии, педагогики, медицины. Во взаимодействии с юриспруденцией и другими отраслями науки уголовное ювенальное право находит предпосылки для развития.

Вместе с тем, как на теоретическом, так и на правоприменительном уровне данной подотрасли уделяется недостаточно пристальное внимание.

Так, следует отметить, что существование норм уголовного ювенального права не презюмирует наличия органов уголовной ювенальной юстиции. К ним относятся, как правило, особые органы охраны правопорядка, следствия и суда, которым переданы полномочия по осуществлению уголовного

судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Эти полномочия могут быть абсолютными (когда рассмотрению в ювенальных органах подлежат все без исключения дела, где правонарушителем является подросток) или ограниченными (когда отдельные категории дел, как правило наиболее тяжкие, могут рассматриваться в общих судах). Таким образом, хотя в отечественном законодательстве присутствуют нормы уголовного ювенального права, но органы ювенальной уголовной юстиции действуют пока лишь в рамках экспериментов (специальные судебные составы для рассмотрения дел с участием несовершеннолетних были созданы в Омске, Санкт-Петербурге, Ростове) [4].

Выдвигаются также предложения о введении органов социального контроля за несовершеннолетними преступниками. Основная нагрузка по рассмотрению дел с участием несовершеннолетних в настоящее время ложится на суды общей юрисдикции, которые в силу чрезвычайной занятости рассмотрением иных категорий дел не могут уделять достаточного внимания именно ювенальному судопроизводству.

Как видно из вышеизложенного, уголовное ювенальное право занимает важное место в структуре правовой системы Российской Федерации, однако отсутствие специализированных органов ювенального правосудия в известной мере снижает эффективность правового регулирования в данной сфере. Представляется, что если такие органы будут созданы в ближайшем будущем, то они станут надежной опорой для развития социального и правового государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что ювенальная юстиция — это одна из гарантий правопорядка, которая представляет собой основанную на специфических принципах особую систему, состоящую из совокупности государственных органов, общественных организаций, деятельность которых осуществляется совместно с соответствующими медико-психологическими, социальными службами помощи детям и подросткам и направлена на защиту их прав, свобод и законных интересов.

Немаловажная роль в осуществлении государственной ювенальной политики принадлежит, по нашему мнению, ювенальному праву, так как обеспечение государственной политики в области охраны прав несовершеннолетних немыслимо без создания надежной правовой базы, а полноценное развитие законодательства в области защиты прав детей невозможно без комплексного социального подхода государства к проблемам несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Васько Е.В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: Психолого-правовой анализ. М.: Генезис, 2009. — 428 с.
2. Журавлев М.П., Рарога А.И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник. 6 изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2008. — 704 с.
3. Ростовская Т.К., Ростовская И.В. Государственная защита прав и интересов несовершеннолетних. Внесудебная защита прав и интересов несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 4(36).
4. Ткачев В.Н. Специализация судей по делам несовершеннолетних как модель будущего ювенального суда в России (опыт Ростовской области) // Российская юстиция. — № 9. — 2007. — С. 2—6.
5. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.

ПРОЖИВАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Высоцкий Игорь Юрьевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Кириленко Виктория Сергеевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Важным направлением совершенствования исполнения и отбывания лишения свободы согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года должно стать повышение действенности механизма исполнения наказания в виде лишения свободы, средств исправительного воздействия, включая дифференциацию условий отбывания наказания, в зависимости от поведения осужденных в период их нахождения в исправительном учреждении [4]. Последнему отводится роль важнейшего инструмента формирования у осужденных мотивации к правопослушному поведению и исправлению. Однако заложенный в этот правовой институт потенциал, который может оказывать наиболее серьезное воздействие на поведение, как показывает практика, в современном исправительном процессе реализуется пока недостаточно [1]. Одним из направлений дифференциации условий отбывания наказания в сторону расширения правового положения осужденных к лишению свободы является институт проживания их за пределами исправительных учреждений. Но на сегодняшний день есть определенные трудности в его правовом регулировании и применении, на которые мы хотим обратить внимание.

Итак, рассмотрим проблемы реализации института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений в рамках Концепции развития УИС в РФ до 2020 года и попытаемся предложить пути их решения.

Неудачная конструкция правовых норм, предусматривающих порядок проживания осужденных за пределами исправительных учреждений, не позволяет исправительным учреждениям реализовывать на практике институт проживания осужденных за пределами исправительных учреждений.

В последнее время в научной литературе высказываются точки зрения о необходимости совершенствования института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений в рамках реализации Концепции развития УИС в РФ до 2020 года. Представляется, что его трансформация посредством подчинения целям стимулирования окажет позитивное влияние на качество исправительного процесса. Мотивирующее значение данного института может быть усилено, например, посредством изменения срока предоставления указанного права на его применение, который должен наступать раньше возможного условно-досрочного освобождения или быть сопоставимым с этим сроком [1].

1. Данную проблему возможно решить путем разработки нового механизма предоставления осужденным возможности проживать за пределами исправительных учреждений и его законодательного закрепления. Так, мы предлагаем дополнить Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации статьей 113.1 «Проживание осужденных за пределами исправительных учреждений», которая будет максимально четко отражать процедуру проживания осужденных за пределами исправительных учреждений и порядок предоставления им данной возможности, что увеличит случаи практического применения данной нормы в деятельности исправительных учреждений, функционирующих на сегодняшний день, а также тюрем, которые будут созданы в будущем согласно Концепции развития УИС в РФ до 2020 года [5].

2. Отсутствие теоретического определения «института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений», которое могло бы в последующем найти законодательное закрепление в Уголовно-

исполнительном кодексе РФ. Эту проблему предлагается решить путем разработки данного определения и предложения внести его в УИК РФ.

3. В Концепции развития УИС в РФ предусмотрено преобразование воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. В рамках моделей воспитательных центров предлагается создать социально-реабилитационные центры за пределами воспитательных центров с обычным наблюдением и проживанием в отдельном общежитии комнатного типа без охраны, но под надзором администрации [3]. Однако, к сожалению, на сегодняшний день функционирование социально-реабилитационных центров не получило законодательного закрепления, поэтому нами предлагается внести изменения в ч. 4 ст. 133 УИК РФ, а в последующем и в новое уголовно-исполнительное законодательство, принимаемое на основе Концепции развития УИС в РФ до 2020 года, предусматривающие деятельность социально-реабилитационных центров, расположенных за пределами воспитательных центров.

4. В Концепции развития УИС в РФ до 2020 года отсутствует указание на то, что при переходе на тюремный режим содержания осужденных к лишению свободы будет предусмотрена возможность их проживания за пределами тюрем.

А.Я. Гришко отмечает, что в рамках предстоящей реформы системы исправительных учреждений и Концепции развития уголовно-исполнительной системы в РФ до 2020 года в научной литературе высказываются предположения о трансформации существующего института изменения условий отбывания наказания. Заключительный этап лишения свободы предполагает выезд осужденного за пределы исправительного учреждения для решения вопросов трудового и бытового устройства и социальной адаптации после освобождения. Кроме того, возможно предоставление осужденным, характеризующимся положительно, права проводить выходные

и праздничные дни за пределами исправительного учреждения, при этом используются современные технические средства контроля [2].

В этом случае, мы предлагаем обратиться к зарубежному опыту. В некоторых зарубежных странах при закрытых тюрьмах имеются отделения открытого типа. Так, например, при некоторых германских закрытых тюрьмах для несовершеннолетних осужденных имеются отделения открытого типа, в которых проживают данные осужденные. В тюрьмах Изерлон и Хайснберг есть такие отделения на 19 и 20 мест соответственно. В Изерлоне функционирует также «переходный дом» на 25 мест. В остальных учреждениях закрытого типа для несовершеннолетних планируется создание отделений открытого типа, чтобы исключить их перевод в незнакомые условия, облегчая тем самым процесс социальной адаптации.

Такие отделения, на наш взгляд, являются прообразом свободной жизни, в которую осужденные попадут после освобождения: проживая в отделениях открытого типа за пределами режимной территории закрытой тюрьмы, они подвергаются процессу социализации и общения с себе подобными осужденными, которых отделяет от обычных граждан одна ступень изоляции. Как нам кажется, создание отделений открытого типа при закрытых тюрьмах Германии является элементом прогрессивной системы отбывания наказания и, несомненно, способствует более успешной социальной адаптации осужденных к жизни на свободе.

По нашему мнению, целесообразно при переходе на тюремную систему отбывания наказания в виде лишения свободы предусмотреть открытые отделения при тюрьмах общего режима, а также возможность проживания осужденных за пределами данных отделений, что будет являться одной из завершающих стадий процесса социальной адаптации осужденных к лишению свободы.

Таким образом, для решения сложившихся проблем реализации института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений в рамках Концепции развития УИС в РФ до 2020 года нами предлагается следующее:

1. дополнить Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации статьей 113.1 «Проживание осужденных за пределами исправительных учреждений»;

2. разработать теоретическое определение института проживания осужденных за пределами исправительных учреждений и закрепить его в действующем законодательстве;

3. внести изменения в ч. 4 ст. 133 УИК РФ, а в последующем и в новое уголовно-исполнительное законодательство, принимаемое на основе Концепции развития УИС в РФ до 2020 года, предусматривающие деятельность социально-реабилитационных центров, расположенных за пределами воспитательных центров;

4. при переходе на тюремную систему отбывания наказания в виде лишения свободы в рамках Концепции развития УИС в РФ до 2020 года предусмотреть открытые отделения при тюрьмах общего режима, а также возможность проживания осужденных за пределами данных отделений.

Список литературы:

1. Березиков С.В. Правовые и организационные аспекты обеспечения эффективности дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительных колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. — с. 130.
2. Гришко А.Я. Правовое обеспечение реформы исполнения наказаний в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. Рязань, — 2009. — № 3. — с. 242.
3. Попов В.В. Воспитательный центр как новый вид исправительного учреждения для несовершеннолетних осужденных // Вестник Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний. — 2010. — № 10. — с. 283.
4. Распоряжение Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 31.05.2012) // «Собрание законодательства РФ», — 25.10.2010, — № 43, — ст. 5544.
5. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.06.2014) // «Российская газета», № 9, 16.01.1997.

НАДЗОР В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

Горелов Максим Владиславович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В Приказе Генерального прокурора РФ от 19 января 2007 г. № 11 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации приоритетных национальных проектов» указывается, что успешное воплощение этих программ в жизнь невозможно без неукоснительного исполнения органами государственной власти и местного самоуправления, их должностными лицами федерального законодательства, без обеспечения режима законности в деятельности хозяйствующих субъектов, вовлеченных в эту сферу правоотношений, без соблюдения прав и свобод граждан [3].

При проведении работы по этому направлению от прокуроров требуется принятие дополнительных организационно-правовых мер, направленных на активизацию прокурорского надзора и эффективное устранение нарушений законов в деятельности должностных лиц и хозяйствующих субъектов. При этом акты прокурорского реагирования не должны создавать препятствий для реализации приоритетных национальных проектов, в том числе для осуществления федеральных и региональных целевых программ.

В целях исполнения и реализации задач, определенных Генеральным прокурором РФ, в прокуратуре Камчатского края на основании соответствующих организационно-распорядительных документов создана и успешно действует рабочая группа по вопросам, касающимся организации надзора за исполнением законодательства при реализации приоритетных национальных

проектов, налажено взаимодействие с контролирующими и правоохранительными органами края. Регулярно, не реже одного раза в полугодие, на межведомственных совещаниях с участием региональных и территориальных федеральных органов исполнительной власти, правоохранительных органов и представителей общественности обсуждаются вопросы состояния работы по предупреждению, выявлению и устранению правонарушений в сфере реализации приоритетных национальных проектов [1].

Как показывает анализ практики прокурорского надзора, количество выявленных нарушений, начиная с момента начала реализации приоритетных национальных проектов снижается. Так, если в 2009 г. городскими и районными прокурорами края выявлено 410 нарушений законодательства, то в 2011 г. — 342 [2].

Следует отметить, что во многом состояние законности в этой сфере правоотношений зависит от эффективности межведомственного взаимодействия.

Прокуратурой края, Управлением внутренних дел по Камчатскому краю, Региональным управлением ФСБ России по Камчатскому краю на постоянной основе обеспечивается получение информации о ходе реализации на территории края приоритетных национальных проектов, в том числе в прокуратуру края ежемесячно поступают соответствующие сведения от органов государственной исполнительной власти Камчатского края, территориальных внебюджетных фондов обязательного медицинского и социального страхования, территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора по Камчатскому краю, контрольно-счетной палаты Камчатского края, а также управления Федерального казначейства по Камчатскому краю [1].

По результатам анализа указанных сведений прокуратура края организует ежеквартальные целевые проверки исполнения законодательства.

К примеру, совместно с контрольно-счетной палатой Камчатского края проведены проверки законности расходования бюджетных средств, выде-

ленных в 2010 г. на реализацию долгосрочной краевой целевой программы «Социальное развитие села в Камчатском крае на 2010—2012 годы», а также долгосрочной краевой целевой программы «Адресная программа по капитальному ремонту многоквартирных домов в Камчатском крае на 2010 год».

Проверкой реализации долгосрочной краевой целевой программы «Социальное развитие села в Камчатском крае на 2010—2012 годы» установлены факты нарушения действующего законодательства, среди которых: направление средств краевого бюджета муниципальным образованиям без соблюдения последними условий софинансирования; неправомерное заключение Министерством сельского хозяйства и торговли Камчатского края соглашения и договора, предусматривающих передачу функций государственного заказчика заказчику-застройщику — в 2010 г. краевому госучреждению «Служба заказчика Министерства строительства Камчатского края», а в 2011 г. — муниципальному казенному унитарному предприятию «Усть-Камчатская районная дирекция по строительству» и муниципальному району [2].

В ходе реализации долгосрочной краевой целевой программы «Адресная программа по капитальному ремонту многоквартирных домов в Камчатском крае на 2010 год» выявлены случаи, когда при выполнении работ по капитальному ремонту многоквартирных домов отдельные подрядчики нарушили сроки выполнения работ, установленные договорами.

По результатам рассмотрения актов прокурорского реагирования приняты меры, направленные на устранение и недопущение впредь выявленных нарушений.

На протяжении всего периода реализации приоритетных национальных проектов наибольшее количество нарушений допускается при реализации приоритетного национального проекта «Здоровье», по этому направлению в 2011 г. выявлено 192 нарушения законодательства (т. е. около 56 % от общего числа) [1].

К числу выявленных нарушений относятся: отсутствие у отдельных медицинских учреждений лицензий на необходимые для реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» виды деятельности; нарушения при проведении иммунопрофилактики населения в части дачи согласия родителей, законных представителей несовершеннолетних на проведение профилактических прививок, использование автотранспорта, поступившего в рамках нацпроекта «Здоровье», в личных целях и т. д.

В сфере реализации проекта «Образование» выявлены нарушения в части издания приказов об установлении размеров вознаграждения за классное руководство без учета районного коэффициента и процентной надбавки. В отдельных образовательных учреждениях установлены факты возложения обязанностей по выполнению функций классных руководителей по организации и координации воспитательной работы с обучающимися в классе без письменных согласий (заявлений) педагогических работников о возложении на них этих функций. В центре дистанционного образования детей-инвалидов установлены нарушения при организации дистанционного образования таких детей-инвалидов, выразившиеся в несвоевременном размещении заказов на закупку необходимого оборудования, ненадлежащей организации обучения родителей детей-инвалидов, а также нарушения при приеме документов обучающихся-инвалидов.

В сфере реализации проекта «Развитие агропромышленного комплекса» выявлено несвоевременное направление органами местного самоуправления в уполномоченный орган Камчатского края списка участников мероприятий по обеспечению жильем граждан в рамках реализации Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2013 года».

В ходе проверки реализации направления «Развитие приоритетных отраслей сельского хозяйства» установлено несоответствие требованиям федерального законодательства механизма реализации мероприятий поддержки животноводства, поскольку средства субсидий на осуществление государственной поддержки развития животноводства направлялись уполномоченным

региональным органом не конкретно каждому сельхозтоваропроизводителю, а на расчетный счет ООО «Петропавловск-Камчатский комбикормовый завод» на оплату комбикорма, отпускаемого получателям субсидии на поддержку производства продукции животноводства [2].

К наиболее характерным нарушениям в сфере реализации нацпроекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» относятся: принятие незаконных муниципальных актов, которыми от управляющих организаций для предоставления средств на капитальный ремонт домов истребовались документы, не предусмотренные Федеральным законом от 21 июля 2007 г. «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» [4]; нарушение сроков выполнения работ отдельными подрядчиками при использовании средств фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства по выполнению работ по капитальному ремонту многоквартирных домов; применение собственного механизма реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», отличного от закрепленного на федеральном уровне Правилами предоставления молодым семьям социальных выплат на приобретение жилья и др.

В целом, оценивая проведенные мероприятия по организации взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов, в том числе и во исполнение решений координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, следует отметить положительное их влияние на криминогенную ситуацию в сфере реализации приоритетных национальных проектов.

Исключение совершения значительного количества грубых нарушений федерального законодательства, создающих повышенную общественную опасность, обусловлено, в том числе оказанием общепреventивного влияния мер реагирования, принятых органами прокуратуры и контролирующими органами в рамках прокурорского надзора и контрольно-надзорных мероприятий.

Список литературы:

1. Ашурбеков Т. Основы теории приоритетов организации и деятельности прокуратуры // Законность. 2009. № 5.
2. Мыщыков А. Прокуратура. Проблемы развития // Законность. 2000. № 1.
3. Приказ Генпрокуратуры РФ от 19.01.2007 № 11 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации приоритетных национальных проектов» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», 2014.
4. Федеральный закон от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // «Российская газета», № 162, 27.07.2007.

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ОТ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ

Горелова Анна Сергеевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Позднышов Алексей Николаевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «ТПиПСО»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В последние годы борьба с «отмыванием» денежных средств и иного имущества, полученного в результате незаконного оборота наркотиков, вошла в число приоритетных направлений антикриминальной политики большинства стран. Лица, совершающие данный вид преступлений, преследуют цель сокрытия первоначального источника получения доходов. В этих целях реализуются многоуровневые схемы, включающие в себя внутренние и международные банковские переводы, в т. ч. с использованием фиктивных контрактов и фирм-однодневок. Поэтому направленные на противодействие отмыванию доходов от незаконного оборота наркотиков меры способствуют борьбе и с другими, не менее опасными преступлениями, в т. ч. коррупционной и экономической направленности, а также с теневой и криминальной экономикой в целом.

На протяжении ряда последних лет наблюдалась стабильная тенденция к росту количества выявленных преступлений, связанных с легализацией доходов от незаконного оборота наркотиков.

Однако вступившие в силу в апреле 2010 г. поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, установившие по ст. 174.1 УК России в качестве крупного размера легализованных активов сумму, превышающую 6 миллионов рублей, и необходимость доказывания цели «придания правомерного вида владением, пользованием и распоряжением» преступных доходов, значительно

усложнили процесс выявления и доказывания преступлений в сфере противодействия легализации (отмыванию) наркодоходов [2].

В результате внесенных в уголовное законодательство Российской Федерации поправок значительная часть финансовых и иных операций с полученными от незаконного оборота наркотиков доходами перестала образовывать состав преступления. Количество регистрируемых преступлений по ст. 174.1 УК России существенно снизилось. Вместе с тем проведенный анализ работы ФСКН России показал, что данное снижение произошло за счет малозначительных преступлений с небольшими суммами легализованных средств, не представляющих большой общественной опасности. Так, в 2011 г. при снижении выявленных преступлений сумма установленных по уголовным делам легализованных денежных средств и иного имущества снизилась. При этом средняя выявленная установленная сумма легализованных денежных средств на одно преступление выросла [1].

Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ, уточнивший крупный размер — «сумма, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а в особо крупном размере — шесть миллионов рублей», — существенно не изменил сложившуюся ситуацию [3].

Тем не менее, необходимо сказать, что намечается положительная тенденция выявления и расследования преступлений, предусмотренных ст. 174 УК России. Например, к уголовной ответственности привлекаются граждане (супруги, родственники лиц, осуществлявших сбыт наркотиков), которые в целях отведения подозрения от последних оформляют на себя приобретаемые автомобили, недвижимость, приобретают бытовую технику, ювелирные изделия и другое дорогостоящее имущество, оплачивают бытовые услуги, сотовую связь, зная о происхождении таких доходов.

Внесенные в диспозицию ст. 174.1 УК России изменения в части декриминализации деяний, связанных с легализацией преступных доходов на сумму менее 1,5 млн. рублей, по мнению законодателя, должны позволить

сконцентрироваться на более качественной оперативной проработке материалов [2].

Современные технологии, которые развиваются молниеносно, сегодня используются преступниками достаточно широко. К примеру, установлены факты совершения финансовых операций с использованием пластиковых карт на общую сумму более 10 млн. руб., полученных в результате сбыта наркотических средств (чаще всего это героин). Сбыт наркотиков осуществляется участниками группы без непосредственного контакта, а лишь с указанием мест нахождения наркотиков, расчет за наркотические средства производится через банковские расчетные счета, платежные электронные системы, путем производства денежных переводов через отделения крупных банков и по системам «Блиц-перевод» и «Быстрая почта» [1].

Зафиксированы случаи, когда преступники легализовали денежные средства в сумме более 6 млн. рублей, полученные от сбыта наркотических средств, посредством их вложения в предпринимательскую деятельность, увеличив, таким образом, товарно-денежный оборот предпринимателей-родственников.

Также были установлены факты легализации наркодоходов на сумму более 6 млн. руб. путем совершения финансовых операций по перечислению денежных средств на банковские счета, их обналачиванию с использованием почтовых переводов и электронных кошельков. Этот способ на сегодняшний день является наиболее «инновационным» и максимально проблематично доказываемым.

Аккумулируются денежные средства по принципу пирамиды. На самом низком уровне концентрируются средства от реализации разовых доз. Впоследствии они либо снимаются, либо перечисляются на корреспондирующие расчетные счета, находящиеся у дилеров более высокого ранга. Правоохранительными органами накоплен некоторый опыт работы в этих условиях. С учетом выявленных в процессе оперативных разработок новаций, применяемых наркосбытчиками в своей деятельности, они сосредоточили

особое внимание на негласном документировании движения денежных средств на расчетных счетах фигурантов. Параллельно устанавливаются лица, осуществляющие перечисления и переводы денежных средств, а также снятие денег и их последующее вложение. При этом выявлены отдельные случаи, когда денежные суммы, полученные от реализации наркотиков, находятся на счетах подставных лиц, не имеющих отношения к незаконному обороту наркотиков. Размер этих сумм колеблется от 500 тысяч до полутора миллионов рублей.

Другим перспективным направлением деятельности по выявлению подобных преступлений является анализ имеющихся сведений, полученных в результате контроля за телефонными переговорами потребителей и диспетчеров. Устанавливается местоположение наиболее часто используемых терминалов оплаты, через которые потребитель наркотиков осуществляет перечисление денежных средств. За этими терминалами проводится наблюдение, одновременно осуществляется прослушивание телефонных переговоров в режиме онлайн. При перечислении денежных средств потребителем за ним проводится наблюдение, а при получении наркотических средств в указанных местах потребитель задерживается.

Таким образом, выявляются новые номера «мобильных кошельков», расчетных счетов и телефонные номера диспетчеров. В среднем один диспетчер имеет в пользовании 5—10 телефонов, несколько десятков SIM-карт, которые в целях конспирации систематически меняются. Только у одной организованной группы обычно находится в пользовании как минимум 30—50 мобильных телефонов, 5—7 ноутбуков. А с увеличением численности состава групп, в которые рекрутируются неопытные молодые люди, соблазненные якобы быстрым и безопасным обогащением, значительно затрудняется документирование преступной деятельности [1].

Учитывая вышеизложенное, в целях оперативного документирования в настоящее время существует необходимость использования в оперативно-

розыскной деятельности специальной техники с локационными возможностями для установления местоположения абонента.

Кроме того, хотелось бы остановиться еще на одной проблеме по рассматриваемому вопросу. Так, основу механизма правового контроля отмывания криминальных денег составляют три статьи УК России. Это ст. ст. 174, 174.1 и 175 [2]. Также в рамках Венской конвенции в стране создана служба финансового мониторинга. Принят Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4].

В этом направлении ведется постоянная работа. Однако возможно привести единичные положительные примеры в целом по России, когда обвинение по ст. 174.1 УК России устояло в суде, и то только по той причине, что было достигнуто досудебное соглашение с обвиняемым, по которому он признал свою вину в совершении данного преступления.

Практика показывает, что по всем преступлениям, относящимся к легализации, суды, как правило, выносят оправдательные приговоры, а государственные обвинители в суде зачастую отказываются от поддержания обвинения по указанным статьям, т. к. считают, что все выявленные преступления относятся к т. н. бытовой легализации.

Проблемы при доказывании заключаются в том, что согласно диспозиции статьи преступник должен иметь прямой умысел, направленный на придание преступным средствам легального статуса. Поэтому преступникам для своей защиты достаточно заявить, что внесение денег на счет было не легализацией, а способом оплаты наркотиков, и обвинения по данной статье с большой вероятностью предъявлены не будут. Да, в этом случае можно изъять все денежные средства как полученные незаконным путем, что тоже является подрывом экономических основ наркопреступности, но не достигают правовых и социальных целей указанные статьи Уголовного кодекса РФ.

В плане расследования дел о легализации правоохранные органы больше интересуют лица, организующие оптовые поставки наркотиков,

которые полученный преступный доход тратят на приобретение недвижимости, транспорта, а также вкладывают в официальный бизнес. Главная составляющая легализации, по мысли законодателя, есть расслоение, т. е. отделение преступного источника доходов от легального вложения, а этого зачастую не происходит. По данной причине доказать совершение преступления в классическом виде практически очень сложно. Другими словами, продав килограмм героина, преступник может спокойно пойти и приобрести автомашину. И никто не поинтересуется, откуда у него эти деньги.

То же самое с недвижимостью, с бизнесом. Законодательство в нашей стране построено таким образом, что, если «безработный» наркодилер продает килограмм героина и позже, арестованный с десятью килограммами героина и миллионом рублей, будет осужден, у него изымут героин, но вернут миллион изъятых денежных средств.

Такое наблюдается повсеместно, особенно в отношении цыган, их семейных кланов, которые живут в особняках стоимостью в десятки миллионов рублей с дорогостоящей мебелью. При этом они ни разу в жизни не работали, половина семей все время сидит за продажу наркотиков, но во время обысков в этих домах изымаются крупные суммы денег и килограммы золотых изделий. И что? Все возвращается обратно. Поскольку во время закупки наркодилером было незаконно получено максимум пару десятков тысяч рублей.

Исходя из всего вышесказанного, следует, что нормативная база в нашей стране по борьбе с легализацией изначально была «мертворожденным ребенком». В отличие от Запада, в России на «черные» деньги все еще можно купить абсолютно все. Этот факт никого в нашей стране не удивляет. Поэтому гражданин, тратящий деньги, может каждый раз попадать в поле зрения фискальных органов, но не должен обосновывать доход, позволивший ему сделать данное приобретение, что возможно только при наличии указания на это закона [1].

В нашей стране необходимости в легализации не существует, ну разве что для госслужащих. Таким образом, действующие в настоящий момент нормы не отвечают требованию времени, они были приняты без учета реальной ситуации. Надо менять законодательство, чтобы оно соответствовало сегодняшнему дню и духу международных соглашений в части борьбы с незаконным оборотом наркотиков и легализацией денежных средств, полученных преступным путем. В частности, представляется необходимым поддержать мнение о внесении изменения в действующую ст. 104.1 УК России по конфискации. Представляется необходимым вводить конфискацию всего имущества, которое находится в собственности у наркосбытчиков, если уголовное дело возбуждено по преступлениям, связанным с незаконным сбытом наркотиков. Причем конфискации не только средств, полученных преступным путем, а всех средств и активов, находящихся в фактическом пользовании лица.

Успешным зарекомендовал себя подход, предложенный Группой разработки финансовых мер борьбы с «отмыванием» денег — ФАТФ, — при котором доказывание легального получения доходов или другой собственности, подлежащей конфискации, перенесено на лицо, совершившее преступление [1].

В завершение необходимо сказать, что объективные трудности в выявлении и квалификации данных преступлений объясняются их относительной новизной, сложностью самого преступного деяния и его законодательной конструкции. Практика деятельности в данном направлении регулярно изучается и анализируется ФСКН России, разрабатываются предложения по совершенствованию законодательства. Остается надеяться, что в дальнейшем удастся довести до обвинительного приговора больше дел, связанных с легализацией денежных средств или иного имущества, полученных от незаконного сбыта наркотиков.

Список литературы:

1. Педун О.Л. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» от 28.06.2013 № 134-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // «Российская газета», № 141, 02.07.2013.
4. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 13.08.2001, — № 33 (часть I), — ст. 3418.

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Гусева Анастасия Николаевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Ванин Виталий Владимирович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Без преувеличения можно сказать, что доказательственное право является сердцевинной всего уголовно-процессуального права, оно определяет тип процесса. В системе самого доказательственного права важное место занимает институт допустимости доказательств — системы требований, предъявляемых к форме доказательств, определяющих их процессуальную пригодность для доказывания. Не останавливаясь на общеизвестных критериях допустимости доказательств, отметим лишь, что эти требования постоянно развиваются — совершенствуются, усложняются. В определенном смысле развитость института допустимости доказательств является мерилom развитости всего уголовного процесса государства: скажите мне, какие доказательства признаются допустимыми, и я скажу, какой у вас процесс.

В статьях 74 и 75 УПК РФ установлены основные положения института допустимости. Главная идея такова: доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания [7]. Однако буквальное толкование этой прогрессивной, на первый взгляд, формулировки позволяет следователям, прокурорам и судам с легкостью обходить практически любые ограничения, связанные с допустимостью. Рассмотрим несколько примеров.

Допустим, следственное действие, требующее участия понятых (к примеру, обыск в жилище), было проведено с нарушениями закона —

участвовал только один понятой, а следователь не получил разрешения суда на обыск в жилище. Что делать? Неужели столь ценную информацию о том, что было обнаружено в ходе обыска, нельзя использовать в суде? Исходя из ст. 74 и 75 УПК РФ, нельзя. Однако УПК РФ не запрещает суду прийти на вырчку следствию и прокуратуре и по соответствующему ходатайству обвинителя допросить понятого в качестве свидетеля. В результате следственное действие проведено с грубейшим нарушением конституционных прав обыскиваемого и норм УПК РФ, а информация, полученная в ходе данного действия, легла в основу обвинительного приговора [7]. Пусть не в форме найденных вещественных доказательств, не в форме протокола обыска, а в форме показаний видевого эти предметы понятого, но суть не меняется — требования о допустимости доказательств, формировавшиеся веками, легко обойдены.

Практика рассмотрений жалоб граждан Конституционным Судом РФ показывает, что нередки случаи, когда суды допрашивают не только об обстоятельствах, но и о результатах признаваемых недопустимыми следственных действий следователей и дознавателей, их проводивших.

Так, гражданин Д. отказался в судебном заседании от дачи показаний. Октябрьский районный суд г. Красноярска по ходатайству прокурора вызвал и допросил в судебном заседании в качестве свидетелей следователей, проводивших в ходе досудебного производства его допрос соответственно в качестве подозреваемого и обвиняемого. Заявитель Д. расценил действия суда как восстановление показаний, данных им на предварительном следствии в отсутствие защитника [5].

По таким делам Конституционный Суд РФ выработал позицию, согласно которой в подобных ситуациях суд может допрашивать следователя лишь об обстоятельствах проведения допроса, но не о содержании показаний [6].

В работе следственных органов сложилась практика получения доказательств путем проведения не соответствующих данному виду доказательств следственных действий. К примеру, в ходе обыска обыскиваемый

подозреваемый дает свои пояснения по поводу происхождения найденных у него наркотических средств. Он рассказывает о месте, времени их приобретения и лице, осуществившем сбыт наркотических средств. Следователь заносит данные сведения в протокол обыска, который подписывает подозреваемый. Обыск проводился без защитника, следовательно, на суде, казалось бы, существует возможность, предусмотренная п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, не подтверждать сказанное при обыске в судебном следствии. Однако суды подходят к данной ситуации с формальных позиций: в ст. 75 УПК РФ речь идет о показаниях, они могут быть получены в ходе допросов, но поскольку допроса не было, а был обыск, вербальная информация подозреваемого о происхождении наркотиков остается в материалах дела в протоколе обыска, который с точки зрения суда является допустимым доказательством и оглашается в суде. И снова положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ обойдены [7].

Имеют место случаи, когда суды исследуют объяснения, данные до возбуждения уголовного дела будущими подозреваемыми, и в судебном следствии пытаются выяснить причины расхождения между объяснениями и показаниями, полученными позже. На возражения защитника о том, что показания сравниваются с объяснениями, суд указывает, что объяснения — это иные документы, отвечающие всем требованиям, предъявляемым к документам, и в УПК РФ нет оснований не считать их таковыми. Следователи нередко еще на стадии предварительного расследования просматривают объяснения и приобщают их к уголовному делу в качестве иных документов в обход положений УПК РФ, регламентирующих допустимость показаний.

Похожая ситуация имеет место и с протоколом явки с повинной. Суды последовательно признают протокол явки с повинной доказательством [4]. Проблема в том, каким доказательством (закон не обязывает судью указывать, в качестве какого именно вида доказательств суд рассматривает то или иное доказательство) и доказательством чего является данный протокол. С одной стороны, суды расценивают протокол явки с повинной как оправдательное доказательство, свидетельствующее о наличии смягчающего вину

обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ. С другой стороны, в этом же приговоре протокол явки с повинной расценивается и как обвинительное доказательство, содержащее признание в совершенном преступлении. Возникает чисто теоретический вопрос, над которым судьи практически не задумываются: каким видом доказательств является протокол явки с повинной? Явка с повинной не является следственным действием, поэтому протокол явки с повинной нельзя отнести к протоколам следственных действий. Многие суды относят данный протокол к иным документам. Соответственно, об обязательном участии защитника с точки зрения следствия и суда речи идти не может. Однако фактически будущий обвиняемый передал следователю вербальную информацию, в которой он признается в совершении преступления. Где гарантия, что это сделано добровольно, без давления? Почему от признательных показаний, данных без защитника, можно отказаться на судебном следствии, что повлечет признание их недопустимым доказательством, а от явки с повинной, сделанной без защитника, от объяснений отказаться нельзя? Проблем не возникает, если подсудимый и в показаниях признает себя виновным. Но как должны конкурировать протокол о явке с повинной, «признательные» объяснения, приобщенные как иной документ, с показаниями, в которых обвиняемый не признает вину? Как представляется, к подобным «суррогатам» показаний должны как минимум применяться те же требования о допустимости, что и к показаниям обвиняемого. В идеале ни объяснения, ни протокол явки с повинной не могут быть положены в основу обвинительного приговора. Данные документы свидетельствуют лишь о законности и обоснованности принятых следователем решений, например решения о возбуждении уголовного дела.

К сожалению, суды практически не ставят преград следственным органам в получении доказательств путем подмены одних следственных действий другими, имитации следственных действий. Суды зачастую не обращают должного внимания на то, какие объекты осматриваются следователями в качестве места происшествия. В результате, к примеру, в ходе осмотра

местности вещественное доказательство может быть изъято, как говорится, «из заднего кармана брюк». Таким образом, личный обыск, который следовало бы проводить после возбуждения уголовного дела, заменяется осмотром места происшествия - одежды и тела гражданина, имеющего при себе наркотические средства, и проводится до возбуждения уголовного дела. Имел место также случай, когда следователь в качестве места происшествия осмотрел документ, содержащий признаки подделки.

Особую группу способов обхода правил о допустимости доказательств представляют межотраслевые способы. Речь идет о доказательствах (информации), собранных в рамках других отраслей права (кодексов, законов), но конвертированных в уголовно-процессуальные доказательства. Уже стал классическим прием органов наркоконтроля по изъятию наркотических средств, находящихся у лица. В рамках ст. 27.7 КоАП РФ проводится личный досмотр лица [3]. Предположительно наркотические средства изымаются при понятых, составляется протокол личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при лице. Впоследствии этот протокол наряду с другими документами ложится в основу доследственной проверки, по результатам которой возбуждается уголовное дело. При этом суды принимают данный протокол в качестве иного документа и помещают его в числе других доказательств в основу обвинительного приговора. Верховный Суд РФ поддерживает эту практику. Так, в апелляционном определении по жалобам подсудимых К. и Б. Верховный Суд РФ, признав допустимость вещественных доказательств, добытых в ходе личного досмотра, указал: «Изъятие одежды Б., на которой имелись следы бурого цвета, произведено в ходе личного досмотра с целью избежать возможного уничтожения обнаруженных следов» [1]. Пленум ВС РФ в Постановлении от 16 апреля 2013 г. № 9 указал, в каких случаях объяснения лица будут допустимым доказательством, а в каких нет, хотя УПК РФ такого вида доказательств, как «объяснения», не содержит. Это происходит потому, что в ст. 84 УПК РФ под понятие «иной документ» подпадают все более или менее официальные, а иногда и неофициальные носители

информации. К сожалению, следуя этой логике, любой неправильно составленный протокол следственного действия при желании может быть приобщен к делу как иной документ: главное — его правильно осмотреть и вынести соответствующее постановление о приобщении [2]. С другой стороны, большинство адвокатов знают, как тяжело добиться приобщения к материалам дела объяснений лиц, полученных в рамках п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ [7].

В следственной и оперативной среде «популярна» замена процессуальных средств доказывания оперативно-розыскными средствами.

По делу в отношении несовершеннолетнего К. Оренбургский районный суд признал его виновным в убийстве, а в качестве одного из доказательств его виновности сослался на видеозапись беседы К. с оперативными сотрудниками, в ходе которой он признался в совершении преступления. Как отметил в приговоре суд, оперативно-розыскное мероприятие — опрос — проводилось в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и по поручению следователя, в производстве которого находилось дело [9]. При опросе велась видеозапись, что не воспрещается указанным Законом. Также им не предусматривается обязательное участие адвоката и законного представителя. А поскольку оперативное мероприятие было проведено в соответствии с законодательством, нет оснований не приобщить его материалы к уголовному делу.

Получается, что юристы, педагоги, психологи спорят о том, как максимально защитить права несовершеннолетнего, вовлеченного в уголовное судопроизводство, устанавливая укороченную продолжительность допросов несовершеннолетних, обуславливают допрос обязательным участием защитника, законных представителей, педагогов, в некоторых случаях и психологов, размышляют над концепцией ювенальной юстиции, а оперативники просто «беседуют» с подростком, тайно записывают эту беседу, и суд принимает это видео в качестве вещественного доказательства

его виновности. Справедливости ради нужно отметить, что существуют и положительные примеры судебной оценки подобных «доказательств».

Можно предположить, что указанные случаи носят единичный характер и являются следствием злоупотреблений или некомпетентности конкретных судебных и следственных работников. Кроме того, существуют механизмы обжалования подобных незаконных решений, правда, работают они не всегда. В идеале законодателю необходимо закрепить в УПК РФ давно обсуждаемое в науке положение об обязательности получения определенных видов доказательств из определенного вида источников. А пока следует искать иные выходы в процессе правоприменения. Ими могли бы стать универсальные правила толкования норм о допустимости доказательств.

В основу этих правил должен быть положен телеологический способ толкования, который представляет собой толкование норм исходя из той цели, которую преследовал законодатель. В практике Верховного и Конституционного Судов РФ телеологическое толкование занимает далеко не последнее место.оборот «по смыслу статьи» часто используется в постановлениях Пленума ВС РФ и КС РФ. Нормы законодательства, регулирующие собирание доказательств, устанавливающие правила их допустимости, следует толковать исходя из тех целей, которые имел законодатель, их принимая. К примеру, какую цель имел законодатель, устанавливая положения п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ? Как представляется, эта норма призвана воспрепятствовать незаконному давлению на лицо, в отношении которого ведется судопроизводство, с целью получения от него необходимых следствию показаний. Следовательно, государство в лице его законодательных органов считает, что лучше не получить доказательства, чем получить их таким путем. Почему государство так решило? Потому что доказательства, полученные таким путем, вызывают сомнения с точки зрения их достоверности. Не стоит забывать и о гуманитарном аспекте, свидетельствующем об уровне цивилизованности общества. До правоприменителя же доводится лишь финальная часть этих

рассуждений государства в виде упомянутой нормы, закрепленной в п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ [7].

Телеологический (целевой) способ уяснения воли законодателя в данном случае предполагает, что любое «общение» представителей правоохранительных органов с лицом, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого или обвиняемого, либо должно проходить в присутствии адвоката, либо не должно претендовать на статус доказательств. Никакой процедуры придания процессуальной формы данной информации быть не должно - это бы противоречило воле законодателя. То же и с иными требованиями, предъявляемыми УПК РФ к другим видам доказательств. К примеру, если в УПК РФ сказано, что допрос несовершеннолетнего должен проводиться в присутствии его законного представителя, защитника, специалистов (педагога, психолога), то следует понять: что имел в виду законодатель, ставя такие условия, чего опасался? А опасался законодатель того, что неокрепшую психику несовершеннолетнего легко сломить, подавить, самого несовершеннолетнего запугать, запутать, обмануть. Следовательно, подобным показаниям несовершеннолетнего доверять нельзя, и необходимо наполнить общение правоохранителей с несовершеннолетним такими участниками, присутствие которых не даст суду усомниться в достоверности полученной информации. При этом этап, на котором она получена (допрос, очная ставка, проверка показаний или опрос оперативными сотрудниками), уже не будет играть никакой роли. Если же эти требования не соблюдены, то использовать такую информацию в доказывании нельзя. Так же следует поступать и в иных случаях — задумываться, почему законодатель до возбуждения уголовного дела разрешил проводить осмотр, а не личный обыск, почему для проникновения в жилище требуется решение суда, почему одного понятого недостаточно для проведения некоторых следственных действий и т. д. Только в этом случае доказательственное право будет полноценно решать те задачи, которые в течение длительного времени ставились наукой и практикой.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.06.2013 № 73-АПУ13-2 Приговор по делу о причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни по предварительному сговору, краже с целью скрыть другое преступление, убийстве по предварительному сговору, разбойном нападении, неправомерном завладении автомобилем оставлен без изменения, так как при назначении наказания учтены тяжесть, общественная опасность совершенных преступлений, данные о личности, смягчающие наказание обстоятельства. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», 2014.
2. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном процессе. М., 1995. — С. 69—52.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // «Парламентская газета», № 2—5, 05.01.2002.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2010 года» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», 2011, № 1.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 71, 07.04.2004.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 24.01.2008 № 71-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Бориса Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 56, частью пятой статьи 246, частью третьей статьи 278 и частью второй статьи 360 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», 2014.
7. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001.
8. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, — ст. 2954.
9. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 21.12.2013) // «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, № 33, — ст. 3349.

ФОРМЫ ДОПРОСА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Гусева Олеся Георгиевна

магистрант факультета электронного образования

ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,

РФ, г. Шахты

E-mail: Diva_2727@mail.ru

Иванов Владимир Дмитриевич

научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»

ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,

РФ, г. Шахты

Законодательно в настоящее время закреплена форма допроса, при которой следователь проводит допрос путем задавания вопросов. Так, например, в ч. 1 ст. 173 УПК указано: «следователь допрашивает обвиняемого», что подчеркивает выбор законодателем именно такого порядка получения показаний [6].

УПК РФ не требует начинать допрос по существу дела со свободного рассказа допрашиваемого лица, как это имело место согласно ч. 5 ст. 150 и ч. 5 ст. 158 УПК РСФСР [7]. Существующий закон предусматривает свободный рассказ только для проверки показаний на месте (ч. 4 ст. 194 УПК) [6].

В ст. 152 УПК РСФСР предусматривалась обязанность следователя после дачи обвиняемым показаний предоставить ему возможность по его просьбе собственноручно записать свои показания, о чем в протоколе делалась отметка, удостоверяемая обвиняемым и допрашиваемым [7]. Следователь после ознакомления с собственноручной записью показаний мог задать ему дополнительные вопросы. Эти вопросы и ответы на них записывались в протокол и удостоверялись подписями обвиняемого и следователя.

Действующий УПК не закрепляет подобной обязанности следователя, но следователь сам вправе предложить подозреваемому (обвиняемому) записать свои показания собственноручно. Тем более что в ч. 5 ст. 190 УПК предусмотрено изготовление допрашиваемым самостоятельно наряду с дачей показаний схем, чертежей, рисунков, диаграмм, которые приобщаются к протоколу допроса.

Необходимо отметить, что некоторые ученые выделяют такую форму допроса, как самодопрос свидетеля, определяя его как «порядок собственноручного оформления свидетелем своих показаний, предусмотренный ч. 5 ст. 187 УПК» и предлагая закрепить понятие и процедуру такого действия в УПК РФ [6], [8].

Автором предложен следующий порядок получения показания в результате самодопроса свидетеля, находящегося в удаленной местности или не имеющего возможности непосредственно приехать к следователю либо дознавателю на допрос: лицо лично излагает свои показания письменно, в том числе в электронном виде, и высылает их в следственный орган либо орган дознания нарочным, обычной или электронной почтой. Составление в таком порядке протокола допроса проводится по общим правилам, установленным УПК. В случае необоснованного отказа или уклонения лица от самодопроса без уважительных причин данное лицо может быть вызвано на допрос, а также подвергнуто приводу по общим правилам.

Необходимо отметить недостатки предложенной формы получения показаний.

Во-первых, остается непонятным, свидетель должен записывать свои показания в порядке свободного изложения известных ему обстоятельств или ему будет прислан бланк допроса, в котором будут указаны вопросы, на которые свидетелю надлежит ответить.

Во-вторых, при существующей процедуре допроса следователь имеет возможность реагировать на показания свидетеля дополнительными вопросами, если, например, свидетель дает неточные или непонятные показания или говорит об обстоятельствах, о которых следователь не предполагал получить показания. При процедуре самодопроса задать дополнительные вопросы следователь получит возможность после получения по почте показания свидетеля и направления ему новых вопросов, что, конечно, скажется на сроках предварительного расследования.

В-третьих, автором не учтено право адвоката участвовать в допросе свидетеля. Каким образом будет урегулировано право адвоката задавать

свидетелю вопросы и право давать ему в ходе допроса краткие консультации, остается непонятным.

И, наконец, в-четвертых, при непосредственном получении показаний у следователя есть возможность оценить достоверность рассказанных свидетелем сведений, а при самодопросе он не сможет быть уверенным даже в том, самостоятельно ли свидетель излагал свои показания.

В связи с этим введение в УПК процедуры самодопроса неоправданно и не отвечает задачам проведения допроса.

Отдавая предпочтение такой форме допроса, как вопрос-ответ, закон при этом не содержит необходимых правовых норм, которые регулировали бы виды вопросов, которые следователь, защитник, адвокат, прокурор или судья вправе или не вправе задавать.

Следуя логике закона, допрашивающее лицо вправе задавать вопросы, направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, т. е. закрепленных в ст. 73 УПК [6].

Определение перечня видов вопросов, которые недопустимо задавать допрашиваемому лицу, практически выведено из-под нормативного регулирования. В УПК выделен только один вид вопросов — наводящие вопросы, запрет на задавание которых установлен в ч. 2 ст. 189 УПК.

Под наводящим вопросом понимается вопрос, в котором как в прямой, так и в завуалированной, скрытой форме содержится конкретный, определенный ответ на поставленный вопрос или очерчен вариант такого ответа [3].

В теории выделяют также уточняющий вопрос, который, в отличие от наводящего вопроса, задается допрашиваемому лицу по той информации об обстоятельствах дела, которая прозвучала в его показаниях [3].

В ч. 1 ст. 275 УПК законодатель указывает на вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу. Под вопросом, не имеющим отношения к уголовному делу, следует понимать вопрос, который выходит за пределы судебного разбирательства, установленные в ст. 252 УПК. В ст. 299 УПК определен исчерпывающий перечень вопросов, разрешаемых судом

при постановлении приговора, а в ст. 313 УПК — перечень вопросов, решаемых судом одновременно с постановлением приговора. Поэтому в процессе судебного разбирательства суд должен определять, связан ли задаваемый вопрос с этим перечнем [6]. Если нет, то вопрос следует признавать не относящимся к материалам дела [1]. Некоторые авторы считают, что вопросами, которые не имеют отношения к делу, следует считать вопросы, которые не имеют значения для правильного разрешения дела, а также некоторые вопросы о личной жизни и т. п. [5]. С данной точкой зрения не во всех случаях можно согласиться, так как, например, для допроса несовершеннолетнего подсудимого обязательно установление условий его жизни и воспитания, иных особенностей его личности (ч. 1 ст. 421 УПК).

В ч. 4 ст. 335 УПК, где регулируется право присяжных заседателей задать вопросы подсудимому, потерпевшему, свидетелям или эксперту, указано на вопросы, не относящиеся к предъявленному обвинению. К таким вопросам следует относить вопросы, выходящие за пределы судебного разбирательства, установленные в ст. 252 УПК. В ст. 446 УПК РСФСР был установлен также запрет присяжным заседателям задавать оскорбительные вопросы. Сейчас подобные рекомендации остались лишь в теории. Так, предлагается считать недопустимыми такие вопросы присяжных, как некорректные, носящие оскорбительный характер, не относящиеся к делу, преждевременные, дублирующие и т. д. [7].

В настоящее время судебная практика идет по пути расширения круга вопросов. Так, в Определении от 17 июня 2008 г. № 5-О08-110СП Верховный Суд РФ выделил такие виды вопросов, как некорректные и дублирующие [4]. Следует отметить, что при этом Верховный Суд не определил критерии отнесения вопросов к некорректным или дублирующим, что подтверждает неразвитость практики и нормативного регулирования.

Особого внимания заслуживает выделение в теории недопустимых вопросов. Так, например, Н.С. Гаспарян в своей книге «Недопустимые доказательства» приводит следующие виды вопросов, об отклонении которых сторонам необходимо предоставить право ходатайствовать перед судом [2]:

1. заданные в некорректной и оскорбительной форме;
2. не имеющие отношения к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, предусмотренным ст. 73 УПК РФ.

Следует согласиться с такой формулировкой автора, поскольку она больше отвечает целям доказывания в процессе выяснения обстоятельств в ходе допроса;

3. ранее выясненные в суде - с целью избежать получения разных ответов на вопросы, наполненной одинаковой смысловой нагрузкой;

4. требующие специальных познаний, которыми очевидно не располагает допрашиваемый (например, когда свидетелю, инженеру по профессии, задается вопрос: «Как вы думаете, могли ли имеющиеся у потерпевшего на лице повреждения образоваться при падении?»);

5. в которых осведомленность свидетелей вытекает из незаконно проведенного следственного действия (например, когда после признания протокола обыска недопустимым доказательством свидетелю-понятому задается вопрос об условиях проведения этого обыска);

6. связанные с понуждением к даче показаний под угрозами (например: «Вы что, хотите быть привлеченным к даче заведомо ложных показаний?»);

7. основанные на искаженных ответах;

8. основанные на предположении допрашиваемого, а также на слухах, когда последний не может назвать источник своей осведомленности (например: «А как вы думаете?..»), — вытекает из правила о недопустимости подобных показаний, установленного в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК;

9. неконкретные;

10. касающиеся адвокатской тайны и тайны исповеди (например: «Что вы рассказали своему защитнику?»);

11. основанные на даче стороной правовой оценки тем или иным обстоятельствам (например: «А вам известно, что вы совершили преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ?»);

12. связанные с общеизвестными и не требующими доказывания фактами;

13. вопросы, не подлежащие выяснению с участием присяжных заседателей (ст.ст. 334—335 УПК).

Некоторые (п.п. 1, 2, 4, 6—12) из приведенных примеров вопросов недопустимы не только на стадии судебного разбирательства, но и на стадии предварительного расследования.

Следует отметить, что законодатель, не регулируя правовой институт недопустимых вопросов, оставляет эту важную сферу на вольное применение судьям, что зачастую приводит к нарушению принципов законности и презумпции невиновности.

Список литературы:

1. Ворожцов С.А., Давыдов В.А., Дорошков В.В. и др. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ / Отв. ред. В.П. Верин; Верховный Суд Российской Федерации. М.: Юрайт-Издат, 2008.
2. Гаспарян Н.С. Недопустимые доказательства (теория и систематизированная судебная практика). М.: Информ-Право, 2010. — С. 151—153.
3. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. — С. 696.
4. Определение Верховного Суда РФ от 17.06.2008 № 5-О08-110СП. Кассационные жалобы осужденного и адвоката об отмене приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей, оставлены без удовлетворения. // «Бюллетень Верховного Суда РФ», 2009, № 6.
5. Радченко В.И. Комментарий к УПК РФ. М.: Юрайт, 2004. — С. 598.
6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001,
7. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960), (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002), (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // «Свод законов РСФСР», т. 8, — с. 613.
8. Чуркин А.В. Не пора ли урегулировать в законодательстве самодопрос и самоопрос граждан с применением новых информационных технологий? // Российский следователь. 2012. № 11.

ПОЖИЗНЕННОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ БЕЗ ПРАВА НА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Догузов Вадим Иосифович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Проблема отмены смертной казни и замены ее пожизненным лишением свободы продолжает будоражить общественное мнение. В этой полемике сталкиваются прямо противоположные представления о правах человека, гуманизме и справедливости. Одни из них можно рассматривать как проявление гуманизма к осуждаемым, а другие — как справедливое отношение к пострадавшим, в широком понимании этого слова — ко всем членам общества, испытывающим шок от тягчайших преступлений.

На наш взгляд, не следует расценивать первую точку зрения как единственно верную, современную, а вторую — архаичным примитивным представлением о мести преступнику по принципу «око за око, зуб за зуб».

Хотелось бы обратить внимание на два отнюдь не этических, а рационалистических обстоятельства вызревания идеи отмены смертной казни. Первое из них отражает желание в принципе лишить власть возможности использовать убийство по закону в целях решения своих социально-политических проблем. Второе порождено сокращением количества резонансных убийств в западно-европейском обществе до уровня эксцессов.

Только при этом условии идея гуманного отношения к убийцам может проникнуть в массовое сознание. Как только резонансные убийства, например гибель десятков и сотен людей, становятся, можно сказать, повседневным явлением, идеи восстановления смертной казни начинают возрождаться.

Следует обратить внимание на то, что наиболее прочно идея запрета на использование смертной казни в качестве уголовного наказания укрепилась в сознании граждан тех штатов Америки, в которых наблюдается низкий уровень убийств. Только в 16 из 50 штатов не применяется смертная казнь, а в остальных 34 штатах (68 %) она не отменена [1].

В нашей стране нет реальной почвы для овладения идеей отмены смертной казни массовым сознанием. Отмена смертной казни по отношению к убийцам все еще воспринимается большей частью населения как несправедливое отношение к простым гражданам, не защищенным от угрозы убийства.

В то же время говорить о возобновлении применения смертной казни бессмысленно. Пока Европа в лице своего Совета (Европы) придерживается стандарта на запрет смертной казни, добиваться для России какого-то исключения из этого правила — наносить себе репутационный ущерб, за которым может последовать политический и экономический ущерб.

К проблеме социально обоснованного, а с этим и справедливого решения уголовного наказания лиц, совершивших посягательство на жизнь, следует подойти с другой стороны. Необходимо обратить внимание на правовую проблему, порожденную отменой смертной казни и введением в систему уголовных наказаний пожизненного лишения свободы.

Неожиданно в уголовно-правовом отношении оказались уравненными по оценке тяжести содеянного особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, и другие особо тяжкие преступления, но не посягающие на жизнь, а совершаемые против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности и половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

За первые в соответствии с неприменяемой сейчас ст. 59 УК РФ формально может быть назначена исключительная мера наказания в виде смертной казни. В настоящее время эта исключительная мера наказания заменена пожизненным лишением свободы [2].

В то же время в соответствии со ст. 57 УК пожизненное лишение свободы теперь может быть также назначено за совершение широкого круга особо тяжких преступлений, о чем уже говорилось.

Считаю нужным поставить на обсуждение вопрос о введении в Общую часть Уголовного кодекса РФ правовой нормы, устанавливающей новый вид исключительной меры уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь двух или более лиц, или за посягательство на жизнь, совершенное лицом, ранее осужденным за посягательство на жизнь. Перед законодателем вопрос о градации пожизненного лишения свободы на два подвида — с правом на условно-досрочное освобождение, которое предусмотрено ч. 5 ст. 79 УК, и без такого права — не ставился [2].

Исключительность (как видов уголовного наказания) смертной казни и пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение состоит в том, что наказуемое лицо навсегда исключается из жизни общества. В этом состоит принципиальное отличие пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение от пожизненного лишения свободы с предоставлением такого права.

В мире расширяется применение пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение. Такая мера уголовного наказания применяется, например, в США, Болгарии, Великобритании, Вьетнаме, Нидерландах, Турции, Украине, Швеции, Эстонии.

Этот вопрос в момент принятия нового Уголовного кодекса РФ в 1996 г. казался неактуальным: когда еще подойдет срок, позволяющий «пожизненникам» подавать прошение об условно досрочном освобождении? Но этот срок подошел. До 2013 г., как следует из справки директора ФСИН России, лица, осужденные к пожизненному лишению свободы, условно-досрочно еще не освобождались.

Сейчас пожизненное лишение свободы отбывают около 2000 лиц, и их число ежегодно возрастает. Но в той же справке указано, что с 2014 по 2028 г. право на условно-досрочное освобождение наступит у 1298 осужденных к пожизненному лишению свободы, а также лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена на пожизненное лишение свободы. Если в 2014 г. такое право наступит у 49 человек, то в 2028 г. — у 102. И в дальнейшем количество «пожизненников», получающих такое право, будет возрастать. Следует учесть, что у лиц, которым отказано в условно-досрочном освобождении, через 3 года вновь будет появляться право на УДО [1].

Нормы Уголовного кодекса, устанавливающие наказание в виде пожизненного лишения свободы без права на условно-досрочное освобождение, позволят в рамках наших обязательств перед Советом Европы решить вопрос справедливости уголовно-правового закона, отграничивающего по общественной опасности особо тяжкие преступления, выражающиеся в посягательстве на жизнь двух и более лиц или неоднократных посягательствах на жизнь, от других особо тяжких преступлений, но не посягавших на жизнь, за которые также может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Такое разграничение можно сделать путем дополнения ч. 1 ст. 57 УК следующей формулировкой: «За совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь двух или более лиц, или за посягательство на жизнь, совершенное лицом, ранее осужденным за посягательство на жизнь, за которое судимость не снята и не погашена, устанавливается в качестве исключительной меры наказания пожизненное лишение свободы без права на условно-досрочное освобождение». Соответствующие изменения необходимо будет внести в диспозиции и санкции статей УК, устанавливающих уголовную ответственность за посягательство на жизнь [2].

При положительном решении вопроса о внесении изменений и дополнений в уголовно-правовые нормы, регулирующие отбытие наказания в виде пожизненного лишения свободы, следует позаботиться о конкретизации понятия «не нуждается в дальнейшем отбытии этого наказания», исполь-

зубемого в ч. 5 ст. 79 УК, как основания освобождения условно-досрочно лица, отбывающего пожизненное лишение свободы. Не могу сейчас предложить набор четких критериев, которыми следует руководствоваться суду при решении вопроса о том, нуждается или не нуждается «пожизненник» в условно-досрочном освобождении. Ясно, что при решении такого жизненно важного вопроса не только для осужденных, но и для всех граждан России, среди которых эти лица будут жить после условно-досрочного освобождения, нельзя руководствоваться таким столь расплывчатым понятием, как «нуждается — не нуждается».

Необходим заказ от законодателя юридическим научным учреждениям и в целом уголовно-правовой науке на разработку четких критериев того, что следует понимать под формулировкой «нуждающиеся в условно-досрочном освобождении лица, отбывающие пожизненное лишение свободы» и кто в этом нуждается — сами они, администрация исправительной колонии, суд или общество.

Например, в ч. 4.1 ст. 79 УК дается один четкий критерий решения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, в том числе отбывающего пожизненное лишение свободы. Суд должен учесть результаты судебно-психиатрической экспертизы в отношении такого осужденного. В отношении других категорий «пожизненников» также необходимо дать более четкие критерии возникновения права на условно-досрочное освобождение.

Следует решить еще одну ускользнувшую от внимания законодателя уголовно-правовую проблему, связанную с условно-досрочным освобождением лиц, отбывавших пожизненное лишение свободы.

В Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» обойден вопрос об административно-правовой регламентации надзора за условно-

досрочно освобожденными лицами, отбывавшими пожизненное лишение свободы [3].

Представляется, что за этой категорией условно-досрочно освобожденных от отбытия наказания должен быть установлен административный надзор сразу, вне зависимости от наличия или отсутствия оснований его установления, предусмотренных ч. 3 ст. 3 указанного Федерального закона [3]. Ждать, пока такое условно-досрочно освобожденное лицо совершит в течение года два или более административных правонарушения против порядка управления и/или посягающих на общественный порядок и общественную нравственность, значит подвергать опасности жизнь, здоровье и имущественное благополучие граждан.

Одновременно следует решить вопросы, связанные с установлением срока административного надзора за этой категорией условно-досрочно освобожденных от уголовного наказания. Нужно учесть, что сложилась мировая практика установления контроля за образом жизни лиц, условно-досрочно освобожденных от отбытия пожизненного лишения свободы, на всю оставшуюся жизнь вне зависимости от того, как они себя ведут, пусть даже примерно.

Список литературы:

1. Горшенин А.А. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. От 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // «Собрание законодательства РФ», — 17.06.1996, — № 25, — ст. 2954.
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // «Парламентская газета», № 17, 08-14.04.2011.

ОСМОТР ТРУПА НА МЕСТЕ ЕГО ОБНАРУЖЕНИЯ ВРАЧОМ УЧРЕЖДЕНИЯ УИС

Епифанов Евгений Владимирович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Шишкин Алексей Александрович

*научный руководитель, канд. юрид. наук, И.о. зав. кафедрой «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Осмотр места происшествия — неотложное следственное действие, заключающееся в непосредственном восприятии территории, на которой совершено то или иное преступление, с целью ретроспективного понимания сущности происшедшего события, а также осуществляемое для обнаружения, фиксации и изъятия вещественных и иных доказательств как свидетельств происшедшего.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ, прежде всего, подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и др.). При осмотре трупа на месте его обнаружения ст. 178 УПК РФ предписывает обязательное участие судебно-медицинского эксперта или иного врача [6].

Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения организует и проводит следователь, все участники осмотра действуют по указанию и с разрешения лица, производящего осмотр. Основания и порядок производства осмотра предусмотрены ст. 176 и 177 УПК РФ [6].

Закон разрешает проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела.

В случае обнаружения трупа на месте происшествия производится его осмотр. Процессуальный порядок осмотра трупа регламентируется ст. 178 УПК РФ. В соответствии с ч. 1 этой статьи следователь производит осмотр трупа на месте его обнаружения с участием понятых, судебно-медицинского

эксперта, а при невозможности его участия — иного врача. При необходимости для осмотра могут привлекаться другие специалисты.

Как мы видим, законодатель не делает различий в этом процессуальном действии между процессуальным статусом специалиста, эксперта и врача.

В качестве специалиста для участия в осмотре трупа, проведении эксгумации, изъятии у него для последующего исследования образцов крови, волос и выделений, в следственном эксперименте, допросе, обыске или выемке может быть привлечен судебно-медицинский эксперт либо, при невозможности его участия, иной врач.

Чаще всего осмотр трупа производится в ходе осмотра места происшествия. В таком случае ход и результаты осмотра трупа следователь фиксирует в протоколе места происшествия. Осмотр трупа вне места происшествия является самостоятельным следственным действием, ход и результаты которого фиксируются в протоколе осмотра трупа (прил. 5 к ст. 476 УПК РФ). Для участия в осмотре трупа в качестве специалиста в области судебной медицины желательно привлекать штатного судебно-медицинского эксперта. Если последний по тем или иным причинам не может быть приглашен, то из врачей других специальностей предпочтение следует отдавать патологоанатому или хирургу.

В случае осмотра трупа на месте происшествия, произошедшего в учреждении УИС, вероятнее всего, будут привлекаться врачи медицинской части данного учреждения — как правило, терапевты и хирурги.

По прибытии на место обнаружения трупа следователь поручает специалисту решить вопрос о том, наступила ли смерть человека. В этой связи необходимо установить наличие достоверных признаков смерти: трупных пятен, окоченения, телесных повреждений, несовместимых с жизнью человека, и т. п. Если специалист констатирует смерть, то производится наружный осмотр трупа. Задачей является выявление и описание в протоколе обстоятельств, которые невозможны в последующем — при судебно-медицинском исследовании в морге.

Осмотр места происшествия и трупа относится к основным первоначальным следственным действиям [1] по делам об убийствах или подозрениях на них и должен производиться после возбуждения уголовного дела с участием понятых. Но в случаях, не требующих отлагательства, осмотр проводят ранее, и его результаты могут стать основаниями для возбуждения дела (ст. 176 УПК РФ).

Визуальный осмотр трупа очень важен для раскрытия преступления, и здесь нельзя обойтись без необходимых знаний специалиста судебно-медицинского эксперта (в т.ч. специалиста и врача) в области судебной медицины. Например, исследование позы трупа нередко позволяет воссоздать событие преступления, дать примерную картину обстоятельств, предшествующих убийству или самоубийству (изнасилование, избиение и др.), и изучение механизма образования насильственных следов позволяет установить целый ряд обстоятельств [2], подлежащих доказыванию по уголовному делу об убийстве; полученная информация может быть также использована в оперативно-розыскных целях.

В ходе подготовки к осмотру места происшествия, при наличии трупа, следователю наряду с выполнением общих требований необходимо: включить в состав группы для осмотра специалиста в области судебной медицины (его обязательное участие определено ст. 178 УПК РФ), а также разъяснить права и обязанности понятым и специалисту в области судебной медицины, определенные соответственно ст. 58 и 60 УПК РФ, а также предупредить их об уголовной ответственности в порядке ст. 161 УПК РФ о недопустимости разглашения данных предварительного расследования, которые им станут известны в связи с участием в этих следственных действиях [6].

При этом следует оговорить, что судебно-медицинский эксперт, в т.ч. специалист и врач, должны нести ответственность за разглашение данных предварительного расследования, ставших известными им в связи с участием в производстве дела в качестве специалиста судебно-медицинского эксперта (в т.ч. специалиста и врача) в том случае, если он был заранее предупрежден

о недопустимости их разглашения. Такие сведения могут быть преданы им гласности лишь с разрешения лица, производящего дознание, или следователя, при этом только в том объеме, в каком они признают это возможным.

Для врача, который привлекается для участия в этом процессуальном действии из учреждения УИС, необходимо знать не столько порядок осмотра места происшествия и трупа, который определен ст. 176—178 УПК РФ, сколько методику осмотра трупа.

Методика осмотра выбирается по результатам общего ознакомления с местом происшествия и условно включает в себя три стадии: специальную, или констатацию смерти, статическую и динамическую.

При производстве осмотра врач, который привлекается для участия в этом процессуальном действии из учреждения УИС, оказывает помощь следователю в своей области. В силу своих медицинских познаний при осмотре трупа на месте его обнаружения решает следующие задачи [3]:

- устанавливает факт смерти;
- помогает следователю осмотреть труп и записать результаты его осмотра;
- оказывает помощь в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке тех вещественных доказательств, которые подлежат в дальнейшем судебно-медицинскому и судебно-химическому исследованию (следы крови, спермы, влагалищных выделений, слюны, волос, яда и др.);
- консультирует следователя по вопросам: о времени наступления смерти, механизме образования повреждений и т. д.

Таким образом, большое значение приобретает квалификация врача в области судебной медицины. От его знаний и умений во многом будет зависеть эффективность проведения следственных действий и раскрытие преступления [4].

Обратившись к Федеральному образовательному стандарту третьего поколения подготовки врачей по специальности «Лечебное дело», мы можем

констатировать, что на изучение дисциплины «Судебная медицина» отводится только три зачетные единицы, из которых на аудиторные занятия выделяется две, или 72 часа. Типовые программы включают порядка 15 тем. Для профессионалов понятно, что за столь короткий отрезок времени можно получить только основы знаний по данному разделу медицины.

В связи с вышеизложенным, нами предлагается ввести должность штатного судебно-медицинского эксперта (специалиста в области судебной медицины), которая впоследствии была бы совместима с должностью врача ИУ в медицинской части. Его квалификационные требования должны соответствовать ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» [7].

Список литературы:

1. Алымов Д.В. Проблемы правового регулирования экспертной деятельности при производстве атрибуции трупа // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1.
2. Долгова О.Б. К проблеме обоснованности вывода о давности наступления смерти // Российский юридический журнал. 2012. № 1.
3. Зинин А.М. Судебная экспертиза / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. М.: Право и закон, 2002.
4. Качина Н.Н. Становление и перспективы совершенствования правового регулирования использования специальных знаний в области судебной медицины в уголовном судопроизводстве России // Медицинское право. 2011. № 4.
5. Семенов Е.А. Участие специалиста в осмотре трупа: пути совершенствования законодательства // Эксперт-криминалист. 2009. № 1.
6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014), (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014) // «Российская газета», № 249, 22.12.2001,
7. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 25.11.2013) // «Российская газета», № 106, 05.06.2001.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРАВА ЛИЧНОСТИ

Животова Татьяна Юрьевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Цечоев Валерий Кулиевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В начале 90-х годов в России появилась возможность устранить многочисленные нарушения прав личности в уголовном процессе, уйти от обвинительного уклона суда, ликвидировать, по сути, неоинквизиционный характер уголовного судопроизводства. Для этого необходимо было коренным образом преобразовать уголовно-процессуальное законодательство. И таким основным направлением его преобразования стал принцип состязательности, отвергавшийся законодателем в советское время.

Принцип состязательности означает, прежде всего, такое построение уголовного судопроизводства, при котором суд, рассматривая и разрешая уголовное дело, является самостоятельным, независимым от каких-либо лиц и органов, в том числе и органов государства. В советском государстве при его командно-административной системе управления независимый от государства суд существовать не мог. Идеология классового характера государства и общества предопределяла и классовый характер суда как органа государства. Поэтому никакой независимости суда от советского государства быть не могло.

Состязательное построение уголовного судопроизводства и независимость суда от государства преподносились большинством правоведов советского периода как некая уловка, обман населения буржуазных государств, как попытка завуалировать истинный классовый характер суда [1, с. 109].

Характерно в этом отношении обсуждение на сессии Верховного Совета СССР в декабре 1958 г. проекта новых Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик. Учитывая наступившую политическую оттепель в стране, некоторые ученые предложили включить в Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик в качестве принципов презумпцию невиновности обвиняемого, состязательность уголовного процесса. К этому времени названные принципы уголовного судопроизводства были уже закреплены в международно-правовых документах, которые Советский Союз подписал. Однако на сессии Верховного Совета СССР председатель комиссии законодательных предположений заявил следующее: «Глубоко противоречат сущности советского социалистического права попытки внести в нашу теорию и практику обветшалые догмы буржуазного права». После такой аттестации, естественно, названные принципы уголовного судопроизводства не были закреплены в нашем законодательстве.

По УПК РСФСР 1960 г. суд обязан был фактически выполнять ту же роль, что и органы расследования, прокуратура. В ст. 20 этого Кодекса прямо так и предусматривалось, что «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства». При таком законодательстве все государственные органы и должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, вели борьбу с преступностью, но не было того органа, который мог бы объективно оценить результаты этой деятельности. Суд, непосредственно вовлеченный в эту деятельность, следственный суд, конечно, объективно оценивать результаты, в том числе и своей собственной деятельности, не мог. Такое построение уголовного судопроизводства было одной из главных причин необъективности суда, его обвинительного уклона, многочисленных нарушений прав личности в уголовном процессе.

Поэтому уже в Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 года прямо указывалось, что «уголовный процесс нужно построить на началах подлинной состязательности». В Конституции Российской Федерации это веление времени получило закрепление в ст. 123, в которой говорится, что «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».

Состязательное построение российского уголовного судопроизводства означает, что в нем четко разграничены, отделены друг от друга основные функции уголовного процесса: обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. При этом на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо они не могут быть возложены (ст. 15 УПК РФ). При состязательном уголовном процессе на суд может быть возложена только одна функция — функция разрешения уголовного дела. Суд освобождается от несвойственной ему функции уголовного преследования, он не выступает ни на стороне обвинения, ни на стороне защиты. Он обязан создавать необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Конституционный принцип состязательности позволил создать в Российской Федерации правовую основу для деятельности независимого объективного суда, исключить обвинительный уклон при рассмотрении уголовных дел. Без этого принципа не может быть суда, реализующего судебную власть. Правовая основа для реальной защиты прав и свобод граждан в Российской Федерации создана, и закреплена она в Конституции РФ и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ 2001 г.

Состязательность уголовного судопроизводства в том виде, как она сейчас закреплена в российском законодательстве, есть не что иное, как использование общечеловеческих ценностей, достижений мировой цивилизации в уголовном процессе. Поэтому всякие попытки отказаться от состязательности судопроизводства, обязать суд наравне с обвинением устанавливать обстоятельства уголовного дела могут вызывать только досаду и осуждения. В связи с этим

хочется напомнить очень важное, категорическое и абсолютно правильное положение о том, что «совпадение задач у органов, выполняющих функцию обвинения, и суда, призванного разрешить дело по существу, ошибочное определение целей юстиции предопределяют карательный уклон в деятельности правоохранительных органов, инквизиционный характер судопроизводства, в котором нет реальной силы, противостоящей обвинению».

А такие попытки в последнее время предпринимаются. Так, Следственный комитет РФ в марте 2012 г. подготовил проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». Этот проект предусматривает в ст. 16.1, что «суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, а также орган дознания, начальник подразделения дознания, и дознаватель обязаны принять все предусмотренные настоящим Кодексом меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию для установления объективной истины по делу». А ст. 252 действующего УПК РФ предлагается дополнить следующим содержанием: «суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполняет неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты. При отсутствии возможности устранить неполноту доказательств в судебном разбирательстве суд... возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению».

Как видим, этот проект не оставляет, как говорится, «камня на камне» от состязательности в российском уголовном процессе. Предлагается и перед судом, и другими органами обвинения восстановить общую задачу, обязанность доказывания всех обстоятельств дела. Естественно, что в связи с этой задачей предлагается восстановить и скомпрометировавший себя обвинительный институт возвращения судом уголовного дела на исследование. Принятие этого проекта закона, по сути, возвратит наше уголовное

судопроизводство в советские времена, к неоинквизиционному уголовному процессу, неизбежно сопровождавшемуся многочисленными нарушениями прав личности.

Чем вызвана такая инициатива руководства Следственного комитета РФ? Очевидно, прежде всего, желанием улучшить показатели работы комитета, переложив часть обязанностей следователей и государственных обвинителей на суды. А то, что при этом серьезно пострадают права и законные интересы российских граждан, так это не столь и важно.

Основано же предложение Следственного комитета РФ на широко распространенном ошибочном понимании роли суда в состязательном процессе. Так, Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин, обосновывая необходимость принятия рассматриваемого законопроекта, утверждает, что «суду в сегодняшнем процессе отводится роль пассивного наблюдателя, он не должен проявлять какую-либо активность в собирании доказательств». И далее: «Основное назначение суда сведено к оценке представленных ими (сторонами. — Ю.Л.) в судебном заседании позиций. Из них суд выбирает наиболее аргументированную и на основе ее правовой оценки выносит решение».

Однако все это не так и противоречит действующему уголовно-процессуальному законодательству. Суд в итоге судебного разбирательства обязан постановить законный, обоснованный и справедливый приговор (ст. 297 УПК РФ), что обязывает его непосредственно исследовать все доказательства по уголовному делу (ст. 240 УПК РФ). Причем это не только доказательства, представленные сторонами, но и те, которые дополнительно получены в ходе судебного следствия, в том числе и по инициативе суда. Достаточно обратиться к законодательству, регламентирующему производство судебных следственных действий, чтобы убедиться, что почти все они проводятся не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе суда (ст. 281—290 УПК РФ). Но инициатива, активность суда в собирании и исследовании дополнительных доказательств не должна подменять стороны, не должна

восполнять пробелы в представленных сторонами доказательствах. Иначе от состязательности судопроизводства ничего не останется [2, с. 210].

Эта активность суда имеет строго определенную направленность и пределы. Суд должен инициативно и активно проверять представленные сторонами доказательства, если они у суда вызывают сомнения. А, как известно, проверка доказательств осуществляется, в том числе и получением иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ). Только при такой роли суда он может активно искать истину по делу. Нелишне в связи с этим будет напомнить, что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств» (ч. 4 ст. 302 УПК РФ).

Следует отметить, что такое понимание активной роли суда в состязательном уголовном судопроизводстве еще не утвердилось в российской науке уголовного процесса. Однако активность суда носит субсидиарный, факультативный характер, на первом месте должна стоять активность сторон. В российском уголовном процессе суд активен, а состязательности, соответственно, меньше.

Это мнение ошибочно, так как в основе его лежит представление о состязательном процессе, в котором суд должен занимать в судебном следствии абсолютно пассивную позицию. Еще раз хотим подчеркнуть, что не активность суда ограничивает, умаляет состязательность в нашем уголовном процессе, а состязательность ограничивает активность суда, определяет четкие рамки этой активности. Суд вправе и обязан активно проверять представленные сторонами доказательства, естественно, тогда, когда они вызывают у суда сомнения. Но это никакая не «субсидиарная помощь» сторонам в собирании доказательств.

В связи с развернувшейся дискуссией по поводу проекта федерального закона о введении в российский уголовный процесс института объективной истины следует отметить и еще одну ошибку — неверное понимание нормативного закрепления, выражения в уголовно-процессуальном законодательстве его принципов.

Так, выступая в поддержку законопроекта Следственного комитета РФ, его сотрудник Г.К. Смирнов обосновывает необходимость закрепления в УПК РФ в качестве принципа установление объективной истины по делу (ст. 16.1 проекта). При этом он утверждает, что «анализ этого акта (УПК РФ. — Ю.Л.) позволяет сделать вывод, что он «насквозь пронизан» идеями объективной истины» [3, с. 401]. Но если это так, то следует обоснованно считать, что положение об объективной истине закреплено в УПК РФ в качестве его принципа. Ведь одна общая формулировка принципа, помещенная в главу 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства», если она не воплощена в уголовно-процессуальном законодательстве, не «пронизывает насквозь» его, не определяет порядок производства по уголовному делу, превращается в пустую декларацию. Это, к сожалению, достаточно распространенное заблуждение, не учитывающее существующих форм нормативного закрепления, выражения принципов в праве.

Однако главное в законопроекте Следственного комитета РФ не предложение закрепить в качестве принципа установление объективной истины по уголовному делу, а попытка переложить обязанность доказывания обстоятельств уголовного дела на суд, объединить суд с органами обвинения общей задачей. В таком уголовном процессе ничего не остается от принципа состязательности.

Основное направление совершенствования российского уголовного процесса заключается в развитии конституционного принципа состязательности, а не в его сворачивании. Предстоит еще немало сделать для его полного воплощения в нашем уголовном судопроизводстве, в обеспечении органически связанного с ним равенства прав участников уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Александров А.С. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс России / Под ред. В.Г. Томина. Юрайт, 2013. — 279 с.
2. Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2013. — 306 с.
3. Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский; под общ. ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2013 г. — 654 с.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

Зибров Валерий Анатольевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Цечоев Валерий Кулиевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Закрепление в законе демократических норм далеко не всегда гарантирует демократичность соответствующего уголовного процесса. Данный парадокс хорошо известен истории России. В действовавшем ранее УПК РСФСР 1960 г. был закреплен целый ряд демократических принципов, наличие которых должно было бы свидетельствовать о демократичности существовавшего в тот период уголовного судопроизводства. Однако излишне напоминать то, что существовавший тогда процесс был далеко не демократичен, так как «воплотил многие черты розыскного процесса». К примеру, несмотря на закрепление в УПК РСФСР 1960 г. принципа презумпции невиновности (ст. 13), уголовный процесс отличался обвинительным уклоном, предполагавшим необходимость обвиняемому (подозреваемому) обосновывать свою невиновность. Провозглашение принципа равенства прав участников судебного разбирательства (ст. 245 УПК РСФСР 1960 г.) вовсе не обозначало того, что стороны защиты и обвинения были действительно равны, поскольку государственный обвинитель был наделен не только функцией поддержания обвинения в суде, но и функцией надзора за судом. М.С. Строгович в связи с этим писал: «Выступая в качестве обвинителя и являясь стороной в процессе, прокурор, в силу своих обязанностей надзора за законностью, не может оставлять без внимания, допущенные в судебном разбирательстве нарушения закона, независимо от того, кому — обвинению или защите — непосредственно вредят эти нарушения». При подобном обосновании надзорной функции

прокурора в суде обращалось внимание на то, что «применительно к уголовным делам участие прокурора в судебном разбирательстве имеет своей главной целью надзор за исполнением законов судом, что ради этого прокурор поддерживает обвинение». То есть прокурор, по существу, ставился выше суда, а учитывая, что прокурор — это также и государственный обвинитель в судебном разбирательстве, получалось, что все судебное разбирательство приобретало обвинительный уклон. Получалось так, что одновременно существовало как бы два уголовных процесса: один в идеальной модели, которая была закреплена в УПК РСФСР, а другой — в практике правоохранительных органов, а иногда и в частных (не провозглашенных в качестве принципов) нормах. Такое положение способствовало формированию у правоприменителей нигилизма по отношению к закону, что делало принцип законности не менее умозрительным, чем другие демократические по своей сути принципы [1, с. 98].

Собственно такая двойственность в тот период вполне устраивала государство, которое стремилось, не отказываясь от репрессий инакомыслящих, создавать благоприятное впечатление для мирового сообщества. Несмотря на то, что политическая и идеологическая ситуация, которая была причиной названной двойственности, уже в прошлом, мировосприятие, и в частности восприятие уголовного процесса, осталось прежним у значительного числа правоприменителей. Именно поэтому вполне справедливы замечания о том, что по-прежнему наблюдаются в практике правоохранительных органов и обвинительный уклон, и целый ряд иных пороков, которые были свойственны системе уголовного процесса советского периода. Подтверждением этого являются и негативные случаи из практики правоохранительных органов.

При анализе системы уголовного процесса советского периода вполне очевидным становится то, что основной причиной его двойственности является наличие провозглашенных и подразумеваемых ценностей. То есть провозглашаются ценности демократического государства, а подразумеваются

ценности инквизиционного процесса, свойственные феодальной монархии. Привычка к этому сохраняется, к сожалению, и в настоящее время, свидетельством чему является непохожесть провозглашенного уголовного процесса на тот, который практикуют конкретные правоприменители на местах. Провозглашенная модель уголовного процесса вполне демократична и вполне заслуживает одобрения, но ее демократические черты и преимущества достаточно плохо отображаются в повседневной деятельности правоохранительных органов. Складывается впечатление, что созданы и существуют две реальности: одна — виртуальная, созданная предписаниями закона, а другая — существующая в практике правоохранительных органов, которая независима от первой и не имеет ее достоинств.

Но, конечно же, не только сила традиции восприятия ведет к такой двойственности. Вполне очевидно, что этому в немалой мере способствует сложившееся в России чиновничество, когда даже устное указание высокого должностного лица значит гораздо больше, чем норма закона. Следствием этого чиновничества является желание выглядеть как можно лучше, что приводит, в частности, к желанию иметь как можно лучшие показатели, невзирая на объективно складывающуюся ситуацию. Так, постоянно идет погоня за высокими показателями раскрываемости преступлений, которые свидетельствуют об успешности борьбы с определенными видами преступности.

Названная двойственность отображается, прежде всего, на ценностях уголовного процесса соответствующего периода развития России. Так, признанной ценностью ранее действовавшего уголовного процесса в советский период развития государства была истина. Ее поиск определял в уголовном процессе все. Это был тот стержень, вокруг которого вращалась вся судебная система и все правоохранительные органы, вовлекаемые в уголовное судопроизводство. Примечательно при этом то, что данная ценность в уголовно-процессуальном законодательстве не провозглашалась в качестве принципа. Хотя и в учебниках уголовного процесса,

и в монографиях истина провозглашалась, чуть ли не краеугольным принципом, на котором строилась вся система уголовного судопроизводства того периода. Так, М.С. Строгович писал: «Цель советского уголовного процесса — установление истины по уголовному делу, изобличение и наказание совершившего преступление лица и ограждение невиновного человека от неосновательного обвинения и осуждения». Т.Н. Добровольская также отмечала: «Установление истины по делу — это, несомненно, прежде всего, цель советского уголовного судопроизводства...». Данные высказывания в полной мере отображали ту ситуацию, которая сложилась в уголовном процессе в тот период, т. е., несмотря на отсутствие законодательного закрепления истины в качестве цели или принципа уголовного судопроизводства, она, тем не менее, все равно провозглашалась таковой. Причем делалось это безапелляционно, как вполне очевидный, не могущий подвергаться сомнению факт. Причина этого кроется в идеологическом значении данной ценности для уголовного судопроизводства. Не случайно всякая критика, которой ставилось под сомнение значение истины, редакционной статьей «Еще раз об истине в правосудии», опубликованной 24 мая 1962 г. в газете «Известия», признавалась недопустимой. Именно поэтому у правоприменителя были все основания считать, что право есть писаное, а есть неписаное, которое доводится через редакционные статьи газет, высказывания высших должностных лиц и даже через указания непосредственного начальства. При этом право неписаное даже более значимо, поскольку может самым непосредственным образом отобразиться на судьбе конкретного правоприменителя.

Видимо, этим объясняется то, что не закрепленные в нормах права ценности для правоприменителей представляются более значимыми, чем те, которые закреплены в законе. Более того, с течением времени они начинают восприниматься так, будто бы такое закрепление в законе имелось. Именно это в настоящее время наблюдается по отношению к истине. Данная ценность неписаного уголовно-процессуального права советского периода восприни-

мается в настоящее время так, будто она была закреплена в качестве принципа в действовавшем ранее уголовно-процессуальном законодательстве. Однако этого, как было сказано выше, не было. В связи с этим требование ввести понятие истины в качестве принципа или просто иное положение, раскрывающее это понятие, в уголовно-процессуальное законодательство представляется излишним. При этом никто не оспаривает гносеологического значения понятия истины для уголовного процесса, и в частности для процесса доказывания. Но такое признание вовсе не предполагает, что этого достаточно для включения данного понятия в какую-либо норму закона. Ведь никто не отрицает необходимость процесса мышления для вынесения решений по конкретному уголовному делу, но это ведь не означает, что необходимо закрепить в нормах уголовно-процессуального права понятие «процесс мышления». Абсолютизация истины как ценности уголовного процесса, которую может повлечь за собой закрепление его в законе, может привести к нежелательным для уголовного процесса последствиям, когда поиск истины во что бы то ни стало может стать причиной негативных явлений (в частности, обвинительного уклона) [2, с. 52].

В определении истины как цели уголовного процесса скрыта некоторая ущербность, состоящая в том, что на вопрос о том, для чего необходимо проводить все сложные процедуры, которые предусмотрены Законом, следует ответить, что это нужно для того, чтобы установить истину. Но ведь вполне очевидно, что это не так. Само установление истины является лишь промежуточным этапом, который предполагает еще один шаг — вынесение решения. То есть истина — это не цель, а лишь основание для вынесения отдельных, далеко не всех, решений в уголовном процессе. Целью все же является решение, которое должно быть справедливым, что следует из ст. 297 УПК РФ, где в ч. 1 сказано: «Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым». Следовательно, справедливость — это то, что законодатель ожидает от приговора, это та цель, на достижение которой он ориентирует участников уголовного судопроизводства. При этом

справедливость не отрицает истины, поскольку предполагает, что в целом ряде случаев, правда, не во всех, достижение справедливости возможно через посредство достижения истины. Однако, как это уже неоднократно говорилось, истина — это далеко не единственный путь, посредством которого может быть достигнута справедливость. Так, в соответствии со ст. 25 УПК РФ: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред». То есть вполне очевидно, что какая-либо истина в этом случае не устанавливается, тем не менее, справедливость достигается. Истина может остаться неустановленной и в случае вынесения оправдательного приговора, поскольку «оправдательный приговор постановляется тогда, когда виновность лица не доказана, в том числе и потому, что у судей остались «неустранимые сомнения в виновности лица» [3, с. 254]. То есть если считать, что справедливость приговора — это цель, которая ставится перед всей системой правосудия, то истина — это лишь этап в достижении этой цели, который в отдельных случаях может оказаться излишним.

Вполне очевидно то, что само по себе обладание истиной может и не стать основой вынесения справедливого приговора или какого-либо иного процессуального решения. К сожалению, такая практика имеется, и состоит она в том, что «неудобная» истина попросту игнорируется в случаях злоупотреблений со стороны отдельных должностных лиц, наделенных властными процессуальными полномочиями. Поэтому истина — это вовсе не гарантия законности, обоснованности и справедливости суда, она также не способна оградить гражданина от возможности злоупотреблений в его отношении со стороны отдельных должностных лиц, обладающих

властными полномочиями. Конечно же, ее можно рассматривать как предпосылку для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора, но только в том случае, если к тому будет добрая воля должностного лица, на которое возложено полномочие по вынесению соответствующего процессуального решения. Кроме того, как было сказано выше, в отдельных, предусмотренных законом случаях вынесение справедливого решения возможно и без установления истины.

Следовательно, не установление истины, а вынесение справедливого приговора или иного процессуального решения должно быть ценностью для современного, демократического уголовного процесса. Сама по себе истина не может гарантировать прав и свобод гражданина, а вот справедливое решение само по себе уже предполагает то, что права и свободы соблюдены, а также учтены законные интересы. По этой причине акцент в определении ценностей действующего уголовного процесса должен ставиться именно на справедливости как одном из критериев, который предъявляется к выносимым судом приговорам. Причем правильным было бы распространить действие данного критерия также и на все иные процессуальные решения, принимаемые на всех стадиях уголовного процесса, а не ограничиваться только приговором суда. Ведь для того, чтобы добиться справедливости приговора, иногда необходимо, чтобы и все предшествовавшие ему процессуальные решения, которые, по существу, и обеспечили ему справедливость, сами были справедливыми. Ведь их ущербность с позиций справедливости в отдельных случаях может негативно отображаться на выносимом судом приговоре, приводя его в несоответствие с критерием справедливости.

Справедливыми должны быть не только решения, но и все действия, выполняемые в рамках уголовного процесса. Особенно это касается действий лиц, имеющих властные полномочия. Это обусловлено тем, что вся процессуальная деятельность направлена на последующее вынесение судом справедливого приговора. Достаточно сложно добиться вынесения судом справедливого приговора, если его вынесение предварялось совершением

действий, не соответствующих критерию справедливости. По этой причине представлялось бы правильным, чтобы требование справедливости распространялось также и на все выполняемые в рамках уголовного процесса действия, на всю деятельность участников уголовного судопроизводства, в особенности на деятельность тех из них, на кого законом возложены властные полномочия. Поэтому представлялось бы правильным определять справедливость как один из принципов уголовного судопроизводства. В связи с этим следовало бы ввести положение о справедливости как требовании, предъявляемом к процессуальным решениям и всей процессуальной деятельности, в гл. 2 УПК РФ. Это позволило бы четко определить ценности и ориентиры в уголовном процессе.

Список литературы:

1. Александров А.С. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс России / Под ред. В.Т. Томина. Юрайт, 2013. — 279 с.
2. Кожевников С.Н., Кузнецов А.П. Общеправовые и отраслевые принципы: сравнительный анализ // Юрист. М., — 2013. — № 6. — 124 с.
3. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт: Высшее образование, 2013 г. — 623 с.

ЗАЩИТА И РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Зиброва Наталья Михайловна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Спектор Людмила Александровна

*научный руководитель, канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой «ТГиП»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Защита и реализация прав и законных интересов, несовершеннолетних в различных сферах правоотношений в последние годы становится все более обсуждаемой в обществе, одновременно являясь одним из важнейших приоритетов в деятельности нашего государства. Немаловажным аспектом защиты и реализации прав и законных интересов несовершеннолетних является соблюдение уголовно-процессуального закона при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, подозреваемых или обвиняемых. Реализуя функцию уголовного преследования, которая, по обоснованному мнению профессора А.Г. Халиулина, заключается в деятельности по возбуждению уголовного дела, задержанию конкретного лица и применению в отношении его меры пресечения, производству следственных действий, связанных с принуждением, привлечению лица в качестве обвиняемого, составлению обвинительного заключения, направлению уголовного дела в суд и поддержанию в суде обвинения, необходимо помнить об особом процессуальном статусе несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Особенности процессуального статуса данных субъектов обусловлены спецификой развития их личности, поскольку в силу своих возрастных, психофизических и интеллектуальных данных несовершеннолетние не могут в полной мере самостоятельно осуществлять те или иные процессуальные права или обязанности, а также

реализовывать свои процессуальные интересы. От неэффективного или неправильного применения уголовно-процессуальных норм могут быть нарушены такие конституционные права и свободы несовершеннолетних, как: соблюдение и защита их интересов со стороны государства (ст. 2, 45 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23); право на представительство со стороны родителей интересов своих несовершеннолетних либо право на представительство со стороны иных законных представителей (ст. 38); судебная защита прав и свобод (ст. 46); право на получение квалифицированной юридической помощи, а также право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48); право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (ст. 51); право потерпевшего от преступления на государственную защиту его интересов и доступ к правосудию, в том числе право на компенсацию причиненного ущерба (ст. 52), а также и некоторые другие. Данный комплекс прав призваны обеспечивать и реализовывать законные представители несовершеннолетних, что в научной литературе также связывается с неполнотой процессуальной дееспособности несовершеннолетних и с тем, что именно законный представитель несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего [1, с. 129]. В силу данных причин следует остановиться более подробно на участии законных представителей несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, а также на некоторых других проблемах, что должно являться объектом повышенного внимания со стороны соответствующих правоприменителей.

Одновременно с этим некоторые авторы отмечают, что анализ действующего Уголовно-процессуального кодекса выявляет ряд изъянов, которые обуславливают ущемление прав несовершеннолетних. Порядок установления обстоятельств совершения преступлений формален и не позволяет следователю требовать и получать адекватную информацию от образовательных учреждений, органов опеки и попечительства, ПДН и КДН. Взаимодействие с ближайшим кругом подростка происходит фрагментарно и формально. Не обладая специфическими знаниями и навыками и общаясь с подростком без помощи других профессионалов, следователь судит об обстоятельствах жизни подростка на основе бытовых представлений, а не профессиональных знаний. Участие адвокатов в отстаивании прав несовершеннолетних оставляет желать лучшего по причине отсутствия достаточно эффективных механизмов контроля деятельности адвокатов, разделяемого защитниками формального подхода в собирании доказательственной базы, пробелов в знании международных норм права и существующем несоответствии российских и международных правовых норм [2, с. 356]. Адвокаты редко пользуются правом заявления ходатайств на стадиях предварительного расследования, предпочитая сосредоточить свои усилия на этапе судебного разбирательства. Выявляются и проблемы внедрения ювенальной юстиции в России, а именно:

- применение элементов зарубежной модели без учета российских контекстов;
- несовершенство социальной работы в России, в том числе отсутствие должной профилактической составляющей в отношении несовершеннолетних с их раннего возраста посредством организации доступного в материальном и развитого в региональном смысле досуга;
- дефициты преемственности разных стадий уголовного правосудия (применение ювенальных технологий по большей части на стадии судебного разбирательства вместо их адекватного использования со стадии профилактики противоправного поведения).

Основываясь на международных принципах и нормах, регламентирующих участие в уголовном судопроизводстве несовершеннолетних, ряд авторов подчеркивают, что, несмотря на некоторые различия, присущие институту ювенальной юстиции в зависимости от его отношения к той или иной правовой системе, представляется возможным выделить концептуальные черты приемлемой для нас ювенальной юстиции, а именно: специальный суд для несовершеннолетних, служащий гарантией обеспечения специализации судей, соблюдения конфиденциальности производства, создания атмосферы понимания, формирования у судьи необходимого для работы с подростками мышления; социальная насыщенность судопроизводства посредством участия в процессе социальных работников, выполняющих функции по установлению условий жизни и воспитания несовершеннолетних и изучению особенностей личности подростков, что должно способствовать применению наиболее эффективной с точки зрения исправления меры воздействия; повышенная охрана прав несовершеннолетнего, состоящая в отказе государства от применения к нему карательных санкций в пользу мер воспитательного воздействия, и некоторые другие. Солидаризируясь с мнением данных авторов, следует заметить, что в понятие ювенальной юстиции, в широком смысле, входят не только органы судебной власти, но также и иные органы, осуществляющие деятельность в отношении несовершеннолетних в целях защиты и реализации их прав и законных интересов, профилактики их девиантного поведения, хотя, безусловно, что центральным звеном здесь является ювенальное правосудие. На наш взгляд, вполне обоснованными будут организация и отнесение к таковым специализированных органов, осуществляющих предварительное расследование уголовных дел рассматриваемой категории, из чего следует, что обозначенные выше концептуальные черты целесообразно применять и к функционированию данных специализированных органов предварительного расследования, а не со стадий судебного производства.

Недостатки действующего уголовно-процессуального закона не должны являться поводами к его неисполнению, но должны служить основанием к его совершенствованию. Так, до настоящего времени процессуально не регламентирован вопрос участия законных представителей несовершеннолетних потерпевших на стадии возбуждения уголовного дела, а также момент вступления в уголовный процесс данных представителей после его возбуждения. В этой связи отдельные авторы обоснованно указывают на то, что УПК РФ не дает разъяснения о том, в какой момент должен быть допущен к участию в деле законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего. Следовательно, должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, самостоятельно определяет момент вступления в процесс представителя потерпевшего. Однако судебная практика показывает, что решение следователя о допуске к участию в деле законного представителя потерпевшего нередко носит запоздалый характер, и поэтому оно не способствует своевременному обеспечению защиты интересов как потерпевшего, так и его представителя. В ряде случаев допуск к участию в деле законного представителя потерпевшего превращается в пустую формальность, при этом грубо нарушаются их права и законные интересы. Подобная практика вызывает необходимость законодательного закрепления момента допуска к участию в уголовном деле законного представителя потерпевшего. При этом справедливо подчеркивается, что в отдельных случаях в уголовном процессе необходимость участия законного представителя связана с тем, что в результате полученной травмы состояние здоровья потерпевшего не позволяет ему быть участником уголовного процесса или его моральная травма настолько тяжела, что он не в состоянии активно участвовать в судопроизводстве. Таким же образом оценивается участие законного представителя при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, причем акцентируется внимание на то, что данный законный представитель, обладая всем объемом прав несовершеннолетнего, реализует задачу защиты его прав и интересов, ограждение его от психоло-

гических травм при проведении следственных и судебных действий, обеспечение нормальной обстановки при расследовании и рассмотрении уголовного дела. Одновременно следует отметить, что по обоснованному мнению профессора С.П. Щербы, одним из критериев цивилизованного уголовного судопроизводства должна быть мера уголовно-процессуального законодательства в отношении лиц, обремененных физическими недостатками и нуждающихся в усиленной защите, опеке, попечительстве и милосердии. Такая мера, полагаем, должна быть применима как к подозреваемым или обвиняемым несовершеннолетним, так и к несовершеннолетним, потерпевшим от преступлений либо являющимся свидетелями совершенных преступлений, и не должна исключаться какой-либо тактической целесообразностью производства отдельных следственных действий или организационно-штатными ограничениями в деятельности органов дознания и органов предварительного следствия [3, с. 129]. Здесь вполне резонно не соглашается с мнением отдельных авторов К.А. Авалиани, формулируя свою точку зрения, согласно которой тактическая целесообразность производства отдельных следственных действий и организационно-штатные ограничения в деятельности органов дознания и органов предварительного следствия не должны служить основанием для ущемления прав законных представителей и представляемых ими несовершеннолетних. Под тактической целесообразностью и организационно-штатными ограничениями в данном случае имеется в виду проведение следственных действий с несовершеннолетними при минимально возможном круге иных участников уголовного судопроизводства, прежде всего без участия их законных представителей с неоправданной целью упрощения процесса доказывания в ущерб реализации законных прав несовершеннолетних и их представителей под надуманными предлогами «установления психологического контакта с несовершеннолетним при отсутствии его законного представителя», «отсутствия достаточно больших помещений для проведения объемных следственных действий (очная ставка, опознание и пр.) и, как следствие,

отсутствия возможности пригласить к участию в данных следственных действиях ходатайствующих об этом законных представителей» и т. п.

Обращая внимание на специфику производства по уголовным делам рассматриваемой категории, некоторые авторы также отмечают, что важная роль в первоначальном распознавании особенностей психического состояния и личности несовершеннолетнего принадлежит педагогу, психологу. Кроме того, имеет значение и впечатление участников следственного и судебного разбирательства о личности несовершеннолетнего, а также об уровне его психического развития, так как именно в устных показаниях часто проявляются те особенности психики (слабое развитие речи, поверхностность суждений, неумение устанавливать причинно-следственные связи), которые и порождают сомнение в способности сознавать значение совершенных действий и руководить ими. Развивая приведенное выше понятие «впечатление», следует сказать, что необходимыми знаниями и навыками психолого-педагогической работы с несовершеннолетними должны обладать и сами дознаватели, следователи, а также соответствующие прокуроры.

В связи с этим, в частности, целесообразным представляется принятие следующих мер, направленных на повышение эффективности правовой защиты и реализации прав и законных интересов несовершеннолетних, их представителей в уголовном судопроизводстве, в том числе их конституционных прав и свобод, а именно:

- совершенствование профессиональной подготовки следователей и дознавателей, расследующих уголовные дела с участием несовершеннолетних, а также прокурорских работников, осуществляющих надзор за соблюдением законности при расследовании уголовных дел указанной категории, осуществляющих государственное обвинение по данной категории уголовных дел, в том числе посредством изучения вопросов психологии и педагогики применительно к личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля;

- усиление прокурорского надзора, ведомственного контроля, оптимизация межведомственного взаимодействия в плане четкого и неукоснительного соблюдения законов при расследовании обозначенных уголовных дел, профилактики правонарушений несовершеннолетних, а также правонарушений, совершаемых в отношении подростков, выявлении фактов жестокого обращения с детьми или совершения в отношении их иных запрещенных законом деяний (в том числе вовлечение в преступления, иные антиобщественные действия, злоупотребление правами несовершеннолетних и др.);

- совершенствование уголовно-процессуального законодательства для оптимизации статуса несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, а также их законных представителей.

Подводя итоги, можно сделать краткий вывод, что данные меры будут способствовать защите и реализации прав и свобод несовершеннолетних и их законных представителей как участников уголовного судопроизводства. Это в полной мере отвечает его назначению: защищать права и законные интересы потерпевших от преступлений, одновременно защищая личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Список литературы:

1. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2013 г. — 609 с.
2. Пенитенциарная криминология: Учебник / Под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — 849 с.
3. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2013 г. — 343 с.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА

Иванов Андрей Анатольевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Ванин Виталий Владимирович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Конституция Российской Федерации в ч. 2 ст. 50 содержит положение, в соответствии с которым «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Действующий УПК не содержит подробных указаний по вопросу о том, какие нарушения процессуального закона, допущенные при собирании доказательств, делают их недопустимыми, и всякое ли нарушение влечет за собой такие последствия. Между тем в практике подобные вопросы возникают и порой достаточно остро.

Так, на одном из нефтедобывающих предприятий Северского района Краснодарского края произошла крупная авария с человеческими жертвами. Осмотр места происшествия производился старшим следователем в присутствии районного прокурора и понятых, в осмотре участвовали специалисты: судебный медик, два инженера-нефтепромысловика и криминалист местного РОВД. Осмотр был сложным сам по себе и дополнительно осложнялся необходимостью осмотреть три трупа жертв аварии и оказать неотложную помощь четверым тяжелораненым. Протокол осмотра был составлен в соответствии с требованиями ст. 180 УПК и подписан всеми участниками, кроме одного из понятых. Нарушение очевидно, однако столь ли оно значительно, чтобы исключить из числа доказательств все данные, полученные в ходе осмотра? В данном случае суд, рассматривавший дело,

допросил в качестве свидетеля не подписавшего протокол понятого, тот рассказал, что он присутствовал при осмотре от начала до конца, слушал, когда следователь оглашал протокол, подтверждает, что все в нем описано правильно и он согласен полностью с его содержанием. Не подписал же он его потому, что этого не предложил ему следователь. Суд счел, что доказательства, полученные в ходе осмотра, допустимы.

Не все представители процессуальной науки, однако, согласны с подобным решением вопроса. Некоторые из них категорически считают, что любое нарушение процессуального порядка собирания доказательств, независимо от его характера и значения, делает эти доказательства недопустимыми. В противном случае, утверждают эти авторы, допуск в процесс доказательств, полученных с несущественными нарушениями закона, будет способствовать распространению и существенных его нарушений. Конечно, идеальным было бы такое положение, когда все доказательства по делу получались бы без малейших отступлений от установленных законом правил. Однако в практической деятельности по расследованию преступлений такое положение не всегда достижимо.

В связи с этим в литературе высказываются предложения считать недопустимыми лишь те доказательства, которые получены с преступными либо с существенными нарушениями закона. Предлагается также в соответствующих нормах процессуального закона дать и общее понятие существенных нарушений процессуального закона, которые безусловно влекут признание доказательств недопустимым, и примерный перечень таких нарушений.

Наметилась некоторая общность взглядов на критерии деления нарушения закона при собирании доказательств на существенные и несущественные. Выделяются два основных критерия: 1) повлияло ли или могло повлиять нарушение на достоверность полученной информации и 2) могут ли быть устранены или восполнены процессуальными средствами допущенные нарушения.

Так, В. Попов предлагает все нарушения в зависимости от процессуальных последствий разделить на три группы. «Нарушения первой группы не влекут исключения показаний из процесса доказывания, так как не вызывают сомнения в истинности информации, содержащейся в доказательстве. Нарушения второй группы не влекут, но могут повлечь исключения показаний из процесса доказывания при условии, что дополнительные следственные действия не смогут устранить сомнения в истинности полученной информации. Нарушения третьей группы влекут безусловное исключение показаний из процесса доказывания в связи с невозможностью устранения сомнений в истинности, полученной информации». К нарушениям первой группы он относит «упущения, связанные с определенной небрежностью, поверхностным подходом к безукоризненному соблюдению процедуры получения, процессуального оформления или хранения доказательственного материала, не влияющие на его объективное содержание».

К упущениям первой группы автор относит несоблюдение порядка вызова на допрос к следователю, ошибочное определение времени ознакомления обвиняемого с заключением эксперта и т. п. Вторая группа нарушений касается установленной законом процессуальной формы получения и фиксации фактических данных либо наличия пробелов в содержании сведений о фактах. Если такие пробелы объективно не могут быть устранены в ходе проверочных действий, доказательства признаются недопустимыми. Что касается нарушений процессуальной формы собирания доказательств в ходе следственных действий, то и здесь не каждое нарушение влечет безусловное признание доказательства недопустимым [1, с. 112].

Если в ходе проверочных действий сомнения в достоверности доказательства удастся устранить, нарушение может быть признано несущественным, а доказательство — допустимым. Третья группа нарушений связана либо с недопустимостью источника доказательств, либо с ненадлежащим субъектом доказывания. Эти нарушения влекут безусловное признание доказательства недопустимым.

В принципе такая группировка процессуальных нарушений, влияющих или могущих повлиять на допустимость доказательств, возражений не вызывает. Еще ранее аналогичное их деление предлагали и другие авторы.

Так, Ю.К. Орлов делит все нарушения на несущественные, которые не повлияли и не могли повлиять на достоверность полученной информации, и существенные, которые каким-то образом могут отразиться на достоверности доказательства. Существенные нарушения он делит на восполнимые и невосполнимые. Нарушения, связанные с ненадлежащим источником или субъектом доказывания, а также с ущемлением прав личности, он относит к невосполнимым.

Все эти взгляды нашли отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». В п. 16 этого Постановления Пленум четко определил круг нарушений, являющихся основаниями для признания доказательства недопустимыми: нарушение при их собирании и закреплении гарантированных Конституцией Российской Федерации прав человека и гражданина или установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка собирания и закрепления доказательств, а также осуществление их собирания и закрепления ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами. Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ не воспринял предложенную авторами концепции судебной реформы рекомендацию «беспощадно аннулировать» доказательства, при собирании которых были допущены любые процессуальные нарушения — безотносительно к их значимости.

Противники деления нарушений процедуры собирания доказательств на существенные и несущественные трактуют это положение иначе. В частности, по мнению Ю.А. Ляхова, «с понятием существенного или несущественного нарушения закона не следует связывать возможность или невозможность восстановления, исправления допущенного нарушения

закона при получении доказательств». Он допускает возможность или даже необходимость устранения нарушений и "восстановления доказательства», однако признает, что устранить можно не всякое нарушение закона, допущенное при собирании доказательств: «Нарушение процессуального закона, допущенное при проведении следственного действия, в той части, в которой они связаны с обнаружением и рассмотрением (восприятием) доказательств, как правило, устранить, нейтрализовать нельзя». Практически это то же самое деление нарушений на устранимые и неустранимые (восполнимые и невосполнимые, по терминологии Ю.К. Орлова).

Важным представляется вопрос о том, какими средствами и способами могут быть устранены или восполнены допущенные при собирании доказательств пробелы и нарушения закона. Прежде всего, в таких случаях необходимо, если есть возможность, устранить дефекты процессуального оформления следственного действия: например, допросить лицо, чья подпись отсутствует в протоколе; с помощью документов или допросов восстановить время проведения действия, если это время не указано в протоколе, и т. п. Дефекты, относящиеся к содержанию следственного действия, в принципе могут быть устранены, если к тому нет препятствий гносеологического характера [2, с. 234]. Делается это, во-первых, путем повторного производства того же следственного действия (осмотра, допроса, следственного эксперимента и т. д.). В этом случае, естественно, речь будет идти не о восстановлении дефектного доказательства, а о получении нового. Если же повторное производство «ущербного» следственного действия по тем или иным причинам невозможно (например, изменение или утрата объектов осмотра, невосполнимое нарушение правил производства опознания и т. п.), необходимо производить другое следственное действие для установления того же факта.

Так осуществляется исправление ошибок, связанных с нарушением процедуры собирания доказательств, и восполнение образовавшихся по этой причине пробелов в доказывании. Иначе обстоит дело в случаях, когда допущенные нарушения ущемляют права личности. Такие нарушения делают

доказательство ничтожным, влекут безусловную его недопустимость. Более того, недопустимыми признаются не только эти доказательства, но и другие, связанные с ним, производные от него. Так, производство обыска в жилище лица в его отсутствие и без участия понятых не только исключает возможность использования изъятых при этом предметов в качестве вещественных доказательств, но и делает недопустимыми заключения экспертизы, исследовавшей эти предметы.

Исправлять подобные ошибки в отдельных случаях можно путем повторного производства аналогичного следственного действия (например, свидетеля, которому при допросе не было разъяснено содержание ст. 51 Конституции, можно допросить повторно), а также установлением того же факта другими доказательствами, проведением другого следственного действия.

С возможностью использования доказательств, полученных с нарушением процессуального закона, связана проблема так называемой «асимметрии правил о допустимости доказательств». Сторонники данной концепции утверждают, что нарушения процессуального закона при собирании доказательств влекут разные последствия для обвинения и защиты: обвинение не может использовать подобные доказательства, тогда как для защиты они являются допустимыми, несмотря на любые процессуальные нарушения. В противном случае, утверждают сторонники «асимметрии», нарушается право обвиняемого на защиту, поскольку обвиняемый лишается возможности использовать оправдательные доказательства по вине следователя, допустившего нарушения закона при их получении.

Отношение к этой концепции в теории и практике доказывания неоднозначно. Одни авторы категорически утверждают, что защита должна иметь неограниченное право использовать доказательства, полученные с любыми нарушениями закона. Так, профессор В.М. Савицкий писал: «Вопрос о допустимости того или иного доказательства правомерно ставить только тогда, когда этим доказательством оперируют только для изобличения

обвиняемого, для подтверждения его виновности и последующего осуждения. Если же доказательства, полученные с нарушением закона, используются для отстаивания невиновности или меньшей виновности обвиняемого, для смягчения его вины, то они обязательно должны приниматься во внимание следователем, прокурором и судом, ибо эти доказательства не доказывают ничего нового, кроме того, что само по себе не требует никаких доказательств, — невиновности обвиняемого».

Еще резче В.М. Савицкий высказался на этот счет при обсуждении проблемы допустимости доказательств на заседании Ученого совета НИИ судебной защиты при Московской городской коллегии адвокатов: «Для оправдательных доказательств проблема допустимости не существует. Если мы хоть как-то скажем об этом применительно к оправданию, мы поставим жирный крест на презумпции невиновности, потому что нам нужно будет доказывать невиновность с помощью безупречных доказательств. Это бред... Никакого отношения проблема допустимости к доказательствам, оправдывающим обвиняемого, смягчающим его вину, не имеет, и иметь не может».

Естественно, что такая радикальная точка зрения нашла поддержку прежде всего среди адвокатов, которые пошли дальше и стали говорить уже о допустимости доказательств, не только полученных с нарушением закона следователем, но и данных, полученных с любыми нарушениями закона адвокатами. Характерен в этом отношении диалог между профессором Л.Б. Алексеевой и председателем президиума Московской городской коллегии адвокатов кандидатом юридических наук Г.М. Резником на упомянутом заседании Ученого совета НИИ судебной защиты: Алексеева Л.Б.: «Если имеет место нарушение каких-то конституционных прав, например, адвокат незаконно проник в жилище, незаконно извлек оттуда какие-то доказательства — дневник, документы и т. д. — и представляет его, то это как будто доказательства, притом оправдательные. Можно такое доказательство признать допустимым?».

Это, разумеется, крайность. Ей противостоит другая точка зрения, согласно которой доказательства, полученные с нарушением закона, недопустимы вообще и не могут использоваться как обвинением, так и защитой. При этом сторонники данного взгляда ссылаются на то, что ст. 50 Конституции РФ говорит о недопустимости при осуществлении правосудия использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, не делая никаких оговорок относительно обвинительных или оправдательных доказательств, а ст. 75 УПК, хотя и говорит о недопустимости использовать полученные с нарушением закона доказательства для обоснования обвинения (именно на это не вполне корректно указывают сторонники «асимметрии»), но тут же продолжает, что такие доказательства не могут использоваться также и для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК. А в этот перечень входят не только обвинительные, но и оправдательные обстоятельства.

Некоторые авторы, принимая в целом концепцию «асимметрии правил о допустимости», допускают ограничения в ее использовании. Так, Н.М. Кипнис пишет: «Если защитник (адвокат) участвовал в производстве конкретного следственного действия и не заявил возражений против действий лица, производящего дознание, следователя или прокурора, нарушающего установленный УПК РФ порядок производства конкретного следственного действия, то он во всех случаях должен быть лишен права требовать признания протокола этого следственного действия недопустимым. Недопустимым будет данный протокол и для обвинения».

С известными ограничениями допускают «асимметрию правил о допустимости доказательств» П.А. Лупинская, Ляхов Ю.А. и другие авторы. Однако все они поддерживают вывод, четко сформулированный профессором П.А. Лупинской: «Не только обвинение, но и обоснование любых обстоятельств, в том числе и смягчающих ответственность обвиняемого или освобождающих его от ответственности, должны основываться на доказательствах, отвечающих требованиям допустимости» [3, с. 312]. Этот вывод представляется правильным. Если факты, сведения о которых являются

содержанием недопустимого доказательства, могут быть установлены другими доказательствами, то именно эти другие и будут исследоваться и оцениваться следователем, прокурором и судом, тогда как первое, полученное с нарушением закона, должно быть исключено и не может использоваться ни обвинением, ни защитой.

При этом следует учитывать, что есть нарушения, которые делают доказательство безусловно недопустимым. Это, прежде всего, использование запрещенных законом источников доказательств (ст. 75 УПК), а также ущемление конституционных прав и свобод личности. Доказательства, полученные с такими нарушениями, не могут использоваться ни обвинением, ни защитой.

Безусловно, не могут быть допущены в качестве доказательств материалы, полученные защитой с нарушением закона, например похищенные из чужой квартиры документы или предметы. Статья 53, 86 УПК обязывают защитника использовать лишь указанные в законе средства и способы защиты, и выход адвоката за эти рамки влечет безусловную недопустимость полученных таким путем материалов.

Признание судом, прокурором, следователем или дознавателем тех или иных доказательств недопустимыми не означает, что материалы, содержащие такие доказательства, должны быть устранены из дела. Они могут понадобиться при повторном обсуждении вопроса об их допустимости в ходе судебного разбирательства, апелляционного, кассационного и надзорного производства.

Список литературы:

1. Александров А.С., С.П. Сереброва // Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров и др.; науч. ред. В.Т. Томин. М.:Юрайт-Издат, 2013 г. — 301 с.
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт : Высшее образование, 2013 г. — 623 с.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 2013. — 531 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РФ

Иванов Андрей Иванович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Цечоев Валерий Кулиевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров и услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ). Таким образом, указанная статья Основного Закона России устанавливает юридическую гарантию действий лиц, занимающихся экономической деятельностью, на всей территории страны.

Законы России, в том числе уголовный, призваны защищать сферу экономической деятельности граждан, юридических лиц от разного рода посягательств. Так, в гл. 22 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за преступления в области экономической деятельности, независимо от того, в какой сфере они совершаются (предпринимательской, финансовой, таможенной, налоговой и т. д.).

Вообще, под экономической преступностью понимается незаконная экономическая деятельность, осуществляемая с использованием криминальных методов с целью незаконного обогащения. В то же время преступлениями в сфере экономической деятельности признаются общественно опасные деяния, совершаемые в различных сферах хозяйственной (экономической) деятельности, предусмотренные уголовным законом и причиняющие существенный вред (ущерб) интересам граждан, организаций, общества, государства, выразившиеся в извлечении незаконно полученных доходов (наживе).

За время действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. в его главу об экономических преступлениях поправки вносились более 25 раз. Наиболее значимые изменения и дополнения в данной сфере были внесены Федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ. Однако влияние этих многочисленных поправок может быть оценено по-разному. Несомненно, имеются и положительные результаты этого законодательного процесса и продолжительного реформирования уголовного закона об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. К таковым можно отнести установление уголовной ответственности за новые виды экономических преступлений в сферах предпринимательства, оборота ценных бумаг и операций с финансовыми инструментами. Вместе с тем целесообразность исключения из гл. 22 ст. 188, устанавливающей ответственность за контрабанду, а также ст. 173, 182, 200 вызывает сомнения.

Обратимся к статистике. За 2009—2012 гг. к уголовной ответственности были привлечены не менее 600 тыс. человек. За последние четыре года за экономические преступления осуждены 110 тыс. человек, в местах заключения находится 12 тыс. предпринимателей, в СИЗО — 5,5 тыс., под следствием — почти 200 тыс. В 2012 г. за преступления в сфере предпринимательской деятельности осуждены 2 тыс. человек. Однако число таких осужденных имеет тенденцию к сокращению.

Важно отметить, что 2013 г. отмечен таким событием, как экономическая амнистия. Постановление Государственной Думы об амнистии вступило в силу в июле 2013 г. и подлежало исполнению в течение шести месяцев, т. е. до 1 января 2014 г. Предполагалось, что будут освобождены от наказания 340 человек, из них 180 человек из колоний и 160 из СИЗО. Кроме того, будут прекращены 1299 уголовных дел по статьям за экономические преступления.

Экономической амнистии предшествовали изменения уголовного законодательства РФ, в частности Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 76.1 «Освобождение от уголовной

ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

В целях усиления ответственности за экономические преступления законодатель предпринял и такие меры уголовно-правового воздействия, как дополнение гл. 21 УК РФ новыми статьями, предусматривающими ответственность за мошенничество в различных сферах экономических отношений. К таковым на основании Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ относятся ст. 159.1 «Мошенничество в сфере кредитования», ст. 159.4 «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности». Этим же Законом гл. 21 УК РФ была дополнена ст. 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, в которых также установлена ответственность за мошеннические действия в различных сферах общественных отношений (при получении выплат, с использованием платежных карт, в сферах страхования и компьютерной информации).

Некоторые преступления в сфере экономической деятельности совершаются посредством обмана, злоупотребления доверием, например: незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ), уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, с организации (ст. 198 и 199 УК РФ) и др. Это указывает на то, что по сути не было необходимости в установлении специальной ответственности за мошеннические действия в сфере предпринимательской деятельности, однако законодателем было принято иное решение. Он, очевидно, руководствовался тем, что ст. 159 УК РФ как норма общего характера не отвечала требованиям практики о привлечении лиц, виновных в совершении мошенничества в различных сферах общественных отношений, в том числе экономической.

За период с 2009 по 2013 г. УК РФ был дополнен такими новыми составами преступлений, как незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1), незаконное использование

документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2), нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185.2), воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185.4), фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества (ст. 185.5), неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185.6), совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1), контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1).

Таким образом, развитие экономических отношений потребовало дополнительных резервов как отечественного законодательства в целом, так и уголовного законодательства об ответственности за экономические преступления в частности. Все вышеуказанные новые виды преступлений в сфере экономической деятельности объединяет их общий объект посягательства — отношения, связанные с различными видами экономической деятельности.

Действующие статьи УК РФ об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности заслуживают внимания с позиции их применения на практике. Так, по данным специалистов, за период с 2010 г. по июль 2013 г. по статьям, которые подпадают под экономическую амнистию, установлено следующее количество лиц, совершивших преступления: по ст. 171 «Незаконное предпринимательство» в 2010 г. — 1059 чел., в 2011 г. — 504 чел., в 2012 г. — 381 чел.; по ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» в 2010 г. — 829 чел., в 2011 г. — 249 чел., в 2012 г. — 166 чел.; по ст. 198 «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица» в 2010 г. — 1679 чел., в 2011 г. — 873 чел., в 2012 г. — 900 чел.; по ст. 199 УК РФ «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов

с организаций» в 2010 г. — 3318 чел., в 2011 г. — 1785 чел., в 2012 г. — 1622 чел.

Однако по другим статьям гл. 22 УК РФ ситуация по количественным показателям совершенных преступлений иная. Так, по ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции» за период с 2010 г. по июль 2013 г. было выявлено следующее количество лиц, совершивших преступления: в 2010 г. — 5 чел., в 2011 г. — 9 чел., в 2012 г. — 1 чел.; по ст. 197 «Фиктивное банкротство» в 2010 г. — 3 чел., в 2011 г. — 0, в 2012 г. — 1 чел.

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что по различным статьям гл. 22 УК РФ в разные годы выявляется неравномерное, несопоставимое количество виновных лиц в зависимости от вида экономических преступлений. Вместе с тем наметилась определенная тенденция к сокращению экономических преступлений в среднем на 20—25 %, а по некоторым статьям — до 60 % [2, с. 61].

В литературе по-разному оценивается процесс развития уголовного законодательства России в последние годы. Как отмечают специалисты, преобладающая часть вносимых в УК РФ изменений отражает реальные потребности общества и способствует повышению эффективности уголовного закона. Вместе с тем некоторые законодательные новеллы являются социально не обусловленным и теоретически не обоснованным вторжением в идеологию Уголовного кодекса РФ, поэтому они способны существенно подорвать его научные основы и оказать отрицательное влияние на качество уголовного законодательства.

Вопросам уголовно-правовой доктрины посвящена одна из работ А.Э. Жалинского, который отмечает, что пределами сохранения национальной уголовно-правовой системы, несмотря на мозаичность охраны правовых благ и соответственно уголовно-правовых запретов, образующих Особенную часть, является недопустимость изменения основных уголовно-правовых институтов и конструкций, осознанных в уголовно-правовой доктрине и признанных правоприменительной практикой. Эта система не должна и не может

изменяться под влиянием посторонних, случайных по своей природе законодательных актов или иных явлений.

Следует отметить, что по вопросам совершенствования гл. 22 УК РФ было достаточно много обсуждений и высказываний ученых, которые сводятся по существу к следующему: указанная глава УК РФ должна учитывать важные изменения, происходящие в экономической сфере отношений, т. е. реагировать как на позитивные, так и негативные последствия развития рыночной экономики в России, а именно: с одной стороны, защищать добросовестных хозяйственников, а с другой — принимать решительные меры, в том числе уголовно-правовые, в целях воздействия на лиц, злоупотребляющих и игнорирующих российские законы по организации и методам ведения бизнеса, хозяйствования в рамках правового поля.

К слову, если с середины 1990-х гг. после принятия УК РФ поправки в него вносились в целях расширения пределов уголовно-правового регулирования, в частности в гл. 22 УК РФ было внесено свыше 10 новых статей, которые сопровождалось ужесточением санкций за такие преступления, то с 2003 г. в данную главу вносились изменения и дополнения, по существу направленные на сужение уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших экономические преступления. Как уже было отмечено, утратили силу ст. 173, 182, 200 УК РФ, что означало декриминализацию таких деяний.

С позиции совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности законодателю следует действовать более осмотрительно, при этом необходимо уделять внимание тщательному анализу, ревизии действующих статей гл. 22 УК РФ, а также расчетам, касающимся экономии репрессивных уголовно-правовых мер воздействия.

К проблеме модернизации Уголовного кодекса РФ требуется подходить системно, комплексно, грамотно. Поэтому, безусловно, справедливо специалисты выдвигают идею создания такого акта, как Основы уголовной политики Российской Федерации, которые будут влиять на единую концепцию

и стратегию борьбы с преступностью. Отмечается, что предпринимаемые государством в настоящее время мероприятия относятся к элементам уголовной политики, а по содержанию в целом являются тактическими, при том что стратегический характер уголовной политики является ее обязательным свойством, обуславливающим достижения позитивных тенденций в борьбе с преступностью. Происходящие в последнее время либерализация уголовного законодательства, выраженная в депенализации ряда преступлений, снижение возможностей применения уголовно-правовых репрессий в отношении посягательств на сферу экономической деятельности не встроены в систему сопутствующих изменений в части доработки административного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, оперативно-розыскной и иной правоохранительной деятельности. Между тем необходимыми предпосылками успеха в противодействии криминальным посягательствам являются, в частности, скоординированность всех мероприятий, имеющих отношение к противодействию преступности, проработанность целей, определяемых общим результатом, и их согласованность с происходящими в стране преобразованиями в области социально-экономических и иных процессов.

В последние годы правописание эффективности уголовного закона в целях противодействия экономическим преступлениям сводилось к тому, что такие преступления часто совершались и продолжают совершаться посредством обмана или злоупотребления доверием, а именно посредством совершения мошеннических действий [2, с. 101]. Как уже было сказано, в гл. 21 УК РФ были внесены существенные поправки, устанавливающие ответственность за мошенничество в разных областях экономических отношений. При этом к экономической сфере, по сути, относятся только две уголовно-правовые нормы: мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1) и мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4).

Такая дифференциация ответственности за мошенничество, возможно, будет способствовать эффективному применению данных норм на практике.

Однако в литературе по данному вопросу имеется следующая позиция. Считается, что уголовная ответственность за мошенничество в экономических отношениях может наступить лишь в экстремальных случаях, требующих внимательной правовой оценки, например при разительном несоответствии полученного и возмещения за него, при нарушении обязанности защиты интересов партнера по обязательственным отношениям, при заведомом искажении содержания волеизъявления. Но во всех этих случаях должны быть установлены все признаки состава уголовно наказуемого мошенничества. Кроме того, соблюдение экономических и иных интересов государства и общества требует применительно к мошенничеству внимательного разграничения уголовной, частноправовой, а также публичной ответственности. Практика до настоящего времени не выработала определенной позиции о различных обманах в уголовном и гражданском законодательстве, что также отражается на квалификации действий субъектов при совершении различного рода сделок, извлечении выгоды из нее, нарушениях правил хозяйственного оборота.

Вообще, наличие в действиях виновного в совершении экономического преступления такого способа, как обман, еще не означает, что его следует квалифицировать как мошенничество. В подобных случаях следует избирать норму уголовного закона, предусматривающую ответственность за конкретное экономическое преступление. Однако на практике дело обстоит по-иному, т. е. специальная норма экономического содержания практически не применяется. Полагаем также, что в целях совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности их необходимо дополнить соответственно такими объективными признаками, которые указывают на способ совершения экономического преступления, а именно обман либо злоупотребление доверием. Таким образом, можно избежать ошибочности при квалификации экономических преступлений и усилить эффективность уголовно-правовых норм.

Подобное решение возможно и в отношении усиления ответственности за преступления коррупционного характера, совершаемые в сфере экономической деятельности. С этой целью следует ввести в экономические составы дополнительные признаки, указывающие на их коррупционность: связанные с подкупом, вымогательством взятки, злоупотреблением своими полномочиями и другими признаками коррупционного свойства.

Итак, по вопросам совершенствования гл. 22 УК РФ об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности можно сделать следующие выводы:

уголовный закон в сфере противодействия экономическим преступлениям неукоснительно должен применяться только в соответствии с Конституцией РФ и согласно его целям и задачам, определенным в ней;

важным является определение стратегии развития как уголовного законодательства РФ вообще, так и его норм об ответственности за экономические преступления в целях наиболее эффективного противодействия преступности;

необходимо повысить эффективность уголовного закона по противодействию «теневой экономике», организованной преступности, коррупции в сфере экономики;

следует установить уголовную ответственность за мошеннические действия в сфере экономической деятельности, при этом указать соответствующие признаки обмана и злоупотребления доверием непосредственно в статьях главы, учитывая, что объектом таких преступлений являются отношения в сфере экономической деятельности;

в качестве наказания необходимо восстановить в УК РФ конфискацию имущества, придав ей при этом, важное значение государственного уровня;

репрессивные меры уголовной ответственности за экономические преступления не должны перекрывать основной концептуальной идеи самого уголовного закона - предупреждение таких преступлений, при этом следует

учитывать другие направления государственной политики по противодействию посягательствам на интересы экономики.

Список литературы:

1. Кошаева Т.О. Коррупция и закон: перспективы противодействия. Уфа, 2013. — 126 с.
2. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. — 2013. — № 1. — 306 с.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП К РАССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ильин Андрей Васильевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Безусловным является то, что расследование — это всегда борьба за информацию. Успех расследования всецело зависит от объема и качества информации, которые находятся в распоряжении следователя. К сожалению, «расследование отдельных видов преступлений сталкивается с проблемой, когда правоохранительные органы испытывают острый дефицит информации». Особенно часто с таким дефицитом приходится сталкиваться на первоначальном этапе расследования. И это не вызывает удивления, особенно у практиков, поскольку многие из них считают, что такой дефицит — это один из признаков первоначального этапа расследования. Это представляется многим вполне понятным и естественным, поскольку расследование для того и проводится, чтобы в результате выполнения целого ряда следственных действий преодолеть этот информационный дефицит.

Такой информационный дефицит вполне обычен и при расследовании экономических преступлений. К сожалению, дефицит этот бывает иногда настолько острым, что ставит под угрозу само расследование, становится затруднительным, а то и невозможным установление обстоятельств совершенного преступления. Меры, принимаемые в экстренном порядке, далеко не всегда приносят желаемый результат — разрешение проблемы нехватки информации о совершенном преступлении [1, с. 41]. Тем более, что «...следственные действия могут являться источником недостоверной

информации, а в отдельных случаях информации, полезной для расследования, в результате их проведения может и не быть получено». То есть проблема часто встает не только в связи с отсутствием информации, но и в связи с ее качеством.

Выходом из такой проблемной ситуации может быть только создание достаточно большой информационной базы уже на момент начала расследования. Только в этом случае можно обеспечить уже на этом этапе правильный выбор стратегии расследования, которая способна обеспечить безошибочность действий следователя. Достигнуть этого возможно лишь благодаря действиям, с помощью которых, в соответствии с законом, можно собирать информацию о совершенном преступлении еще до возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий». Из этой нормы видны не только действия, с помощью которых может быть получена необходимая для решения о возбуждении уголовного дела информация, но и то, что эта информация может быть получена только при взаимодействии следователя с иными лицами. В соответствии, к примеру, с ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» «комплексные ревизии и тематические проверки проводятся по месту расположения проверяемых объектов. Сроки, объемы и способы их проведения устанавливаются Счетной палатой». То есть

ревизии могут проводиться Счетной палатой Российской Федерации. Причем в соответствии с ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» «об ущербе, причиненном государству, и о выявленных нарушениях закона Счетная палата информирует Совет Федерации и Государственную Думу, а при выявлении нарушения законов, влекущего за собой уголовную ответственность, передает соответствующие материалы в правоохранительные органы». То есть информация, необходимая для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, может быть получена правоохранительными органами из Счетной палаты Российской Федерации. Кроме того, в п. 119 Приказа Минфина РФ от 4 сентября 2007 г. № 75 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по осуществлению контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации при использовании средств федерального бюджета, средств государственных внебюджетных фондов, а также материальных ценностей, находящихся в федеральной собственности» сказано: «В докладе Росфиннадзора (территориального органа) в обобщенном виде приводятся сведения о проверенной организации, о проведенных документальных и фактических исследованиях, об основных видах и суммах выявленных нарушений законодательства Российской Федерации, а также приводятся предложения по принятию мер принуждения за выявленные нарушения, в т. ч. предложения об информировании соответствующих правоохранительных органов и органов прокуратуры Российской Федерации о выявленных в ходе проведения ревизии (проверки) правонарушениях в сфере экономики». То есть и здесь указывается на то, что информация, полученная в результате проведения ревизии, должна направляться в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Имеются и другие нормативные акты, в которых прямо указано на то, что результаты проведения ревизий должны направляться в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Вполне очевидно, что качество проведенных проверок и ревизий самым непосредственным образом влияет не только на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, но и на качество последующего расследования. При этом, как показывает практика, качество информации, получаемой в результате проведения ревизий и проверок, зависит от того, имело или нет место взаимодействие между правоохранительными органами и органами, проводившими соответствующие проверки и ревизии. Причем важным является качество такого взаимодействия, на каком этапе проведения соответствующей проверки или ревизии оно уже имело место.

Наиболее обычным, можно сказать стандартным, является получение результатов проверок и ревизий от соответствующих уполномоченных на их проведение государственных органов. Взаимодействие начинается, как правило, уже после получения названных результатов и чаще всего сводится к разъяснениям следователю этих результатов. И это вполне понятно и обосновано тем, что сами результаты еще не содержат соответствующей правовой оценки наличия или отсутствия преступления, эти выводы необходимо сделать следователю. Однако именно в этом имеются некоторые сложности, состоящие в том, что следователи сталкиваются с серьезными проблемами при переводе экономического языка результатов проверок и ревизий на юридический язык процессуальных решений. Для этого необходимым оказывается взаимодействие. То есть, по существу, оно сводится, во-первых, к получению результатов проверок и ревизий, а также иной информации, полученной от государственных органов, на которые возложены контрольные функции, и во-вторых, к трактовке полученной от названных органов информации. В связи с этим встает вопрос о возможности привлечения следователя к взаимодействию с названными контрольными органами на более ранних этапах для того, чтобы следователю была более понятной информация, которая в дальнейшем может быть положена в основу проводимого расследования. В настоящее время законодательство этот вопрос пока никак не решает. Это обусловлено отсутствием концепции взаимодействия между

следователем и государственными контрольными органами на этапе, предшествующем стадии возбуждения уголовного дела.

В настоящее время взаимодействие между следователем и органами, на которые возложена оперативно-розыскная деятельность, а также с контрольными органами начинается со стадии возбуждения уголовного дела.

Названное правило вполне справедливо распространять и на взаимодействие правоохранительных органов с другими государственными органами, на которые возложены надзорные и контрольные функции. Как показывает практика, правильно организованное взаимодействие на стадии возбуждения уголовного дела способствует формированию информационной базы, гарантирующей в последующем успех расследования. При этом представляется более правильным, с точки зрения теории криминалистики, рассматривать этап, предшествующий расследованию, как подготовительный [2, с. 210]. То есть следует согласиться с мнением Н.А. Подольного, который пишет, что уже из самого названия «становится понятным, что целью данного этапа является создание исходной информационной базы для последующего расследования преступлений». Выделение данного этапа имеет концептуальное значение для понимания проблем, встающих перед правоохранительными органами при расследовании экономических преступлений. И это обусловлено тем, что взаимодействие, как между различными правоохранительными органами, так и правоохранительными органами совместно с государственными контрольными органами должно осуществляться еще задолго до начала расследования с тем, чтобы добиться его успеха. Причем такое взаимодействие не должно ограничиваться лишь рамками стадии возбуждения уголовного дела. Это обусловлено тем, что информация о совершенном преступлении может быть предметом проверки правоохранительными или контрольными органами еще до начала данной стадии уголовного процесса. К примеру, прокурорские проверки, проверки, осуществляемые различными государственными контрольными органами, проводятся, как правило, задолго до начала стадии возбуждения уголовного дела.

Информация, которую получают в результате проведения этих проверок, представляет ценность для всего последующего расследования. На это, в частности, обращается в юридической литературе особое внимание, когда указывается, что к одному из «средств получения информации следует отнести прокурорские проверки, в результате которых получают сведения, необходимые не только для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, но и для определения направления расследования и даже его планирования». Это является еще одним обоснованием целесообразности выделения особого этапа — подготовительного этапа к расследованию преступлений.

Вполне очевидно, что еще до возбуждения уголовного дела встает проблема организации взаимодействия между правоохранительными органами, а также правоохранительными и контрольными органами. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 22 Федерального закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» «прокурор при осуществлении возложенных на него функций вправе: ...требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений; выделения специалистов для выяснения возникших вопросов; проведения проверок по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизий деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций». Из этого видно, что Закон предполагает не только возможность, но и необходимость взаимодействия между различными государственными органами в целях получения информации, которая в последующем может быть положена как в основу возбуждения уголовного дела, так и расследования преступлений. При этом такое взаимодействие возможно не только между правоохранительными органами, но и с другими государственными органами, причем не только контрольными.

В связи с этим встает вопрос о необходимости рассмотрения таких проверок в рамках частной методики расследования преступлений. Это обусловлено тем, что цель и названных проверок, и расследования по существу одна — выявление, а затем расследование преступлений

и изобличение виновных в их совершении лиц. Тем более что успешность проведения названных проверок позволяет сформировать такую информационную базу, которая способна обеспечить эффективность всего последующего расследования. Это имеет особенно большое значение для расследования экономических преступлений, поскольку взаимосвязь здесь между информационным обеспечением следователя о совершенном деянии и эффективностью последующего его расследования очевидна. Причем значение таких проверок и ревизий для последующего расследования несколько не меньше, чем значение результатов оперативно-розыскной деятельности. Справедливо то, что «опасность необъективных результатов оперативно-розыскной деятельности состоит не только в том, что они могут стать основой ошибочной стратегии расследования, но и в том, что они формируют достаточно стойкие установки у сотрудников правоохранительных органов, в т. ч. у следователей». Но не менее справедливо и то, что ложная стратегия может быть сформирована следователем и под влиянием недостоверной информации, полученной в результате проведения проверок и ревизий. По этой причине представляется правильным не только выделение подготовительного этапа к расследованию преступлений, но и, благодаря этому, включение в частные методики расследования экономических преступлений проверок и ревизий, которые проводятся задолго до стадии возбуждения уголовного дела [3, с. 302]. При этом взаимодействие между правоохранительными органами и контрольными должно рассматриваться как гарантия успеха последующего расследования, а потому механизм такого взаимодействия должен быть предметом особого рассмотрения.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о важности для расследования взаимодействия между правоохранительными и контрольными органами, осуществляемого еще до возбуждения уголовного дела, т. е. на подготовительном этапе к расследованию экономических преступлений. Это обусловлено ценностью информации, которая может быть получена в результате такого

взаимодействия. Такая информация является гарантом успеха последующего расследования.

Список литературы:

1. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2013. — 125 с.
2. Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд. перераб и доп. М.: Волтерс Клувер, 2013 г. — 604 с.
3. Петросян О.Ш. Экономические и финансовые преступления. / О.Ш. Петросян. М.: Книга, 2013 г. — 419 с.

УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА: ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА

Илюхина Елена Геннадьевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Практическое применение ст. 106 УК РФ связано с рядом сложностей в части толкования использованных законодателем терминов и, как следствие, обоснованной квалификации деяния и назначении справедливого наказания. Так, в 2001—2005 гг. регистрировалось порядка 200 преступлений в год, в 2007—2011 — 130. Количество выявленных лиц, совершивших рассматриваемое деяние, также уменьшилось. Если в 2001—2005 гг. данный показатель колебался в пределах до 130 лиц, то в последующие годы стремительно снижался — до 60 человек. При этом количество дел, направленных с обвинительным заключением в суд, в соотношении с количеством возбужденных по ст. 106 УК РФ не достигает даже 50 %. Некоторые исследователи полагают, что статистическая картина этого вида убийства неполно отражает современную криминальную ситуацию, так как не учтена высокая степень его латентности. В связи с этим масштабы скрытых насильственных преступлений, совершаемых в отношении новорожденных детей и направленных на прерывание их жизни, в точности не известны.

Одним из проблемных аспектов является закрепление в законе признаков объективной стороны, разграничивающих анализируемое преступление на четыре разновидности. Данная статья посвящена анализу теоретического содержания означенных признаков и сложностей их правоприменения.

На необходимость всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В частности, отмечается, что «по каждому делу должны быть исследованы все обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания».

Анализ диспозиции ст. 106 УК РФ позволяет выявить следующие разновидности данного преступного деяния — убийство матерью новорожденного ребенка, совершенное:

- во время родов;
- сразу после родов;
- в условиях психотравмирующей ситуации;
- в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Таким образом, в качестве обязательных признаков закрепляются время, условия и обстановка совершения данного преступного деяния.

Приведенное детализированное перечисление законодателем соответствующих элементов представляется излишним. Все указанные обстоятельства значимы для анализируемого привилегированного состава не сами по себе, а вкупе с особым психологическим состоянием женщины, обусловленным влиянием процесса родов и связанных с ним аспектов. Обособленная же их регламентация зачастую приводит к сложностям правопонимания и правоприменения ст. 106 УК РФ. Так, изначально закрепление критерия «во время или сразу же после родов» обусловлено именно его взаимосвязанностью с особым психическим состоянием женщины в этот период. Законодатель прямо не указывает на данный фактор, но, несомненно, именно его он и учел при отнесении рассматриваемого состава убийства к числу привилегированных, на что совершенно обоснованно указывают ряд исследователей. Отсутствие же каких-либо отклонений в психологическом состоянии роженицы, обусловленных влиянием родового процесса, при совер-

шении убийства младенца, напротив, должно исключать ответственность по ст. 106 УК РФ; деяние следует квалифицировать по ст. 105 Кодекса.

Время совершения преступления как признак объективной стороны присутствует во всех преступных деяниях, однако не всегда законодатель придает данному элементу значение обязательного, криминализирующего либо смягчающего обстоятельства [1, с. 53]. Включение указанного признака в диспозицию конкретной статьи обусловлено его значительным влиянием на характер и общественную опасность преступления в целом. Если рассматривать признак времени совершения преступления, предусмотренный ст. 106 УК РФ, в чистом виде он скорее характеризует повышение степени общественной опасности деяния, поскольку связан с периодом наиболее беспомощного состояния потерпевшего и никак не может обуславливать привилегированность данного состава. Значение имеет не время как таковое, а особые обстоятельства, которые с ним связаны (например, военное время, время исполнения служебных обязанностей и др.). Так и указание на данный признак в диспозиции ст. 106 УК РФ обусловлено не временем как таковым, а наличием в определенный период особого психологического состояния женщины, явившегося причиной совершения преступления [2, с. 98].

Однако нельзя также считать, что «определенные отклонения в психологическом состоянии роженицы, влияющие на возможность осознания ею своего поведения и на принятие решения, презюмируются законодателем, и эта презумпция объявляется неопровержимой». Сторонники изложенной позиции считают, что убийство матерью ребенка, совершенное во время или сразу после родов, должно в любом случае квалифицироваться по ст. 106 УК РФ вне зависимости от состояния женщины, отсутствия какого-либо психоэмоционального влияния на нее процесса родов. Во-первых, при таком подходе, как уже отмечалось выше, особое значение придается именно времени совершения преступления самому по себе, что явно противоречит логике и искажает позицию законодателя. Во-вторых, подобным образом можно было бы презюмировать состояние аффекта при совершении убийства,

предусмотренного ст. 107 УК РФ, во всех случаях наличия какого-либо критерия, указанного в законе: тяжкое оскорбление, аморальные действия потерпевшего и т. п. Однако психологические и эмоциональные особенности обуславливают различное восприятие одинаковых событий. Так, одно и то же поведение (поступок) для одного человека является аморальным, вызывающим эмоциональное потрясение, состояние аффекта, для другого — «нормой» жизни, к которой он относится равнодушно. Именно поэтому для квалификации содеянного по ст. 107 УК РФ необходимо проведение специальной экспертизы. Возвращаясь к убийству матерью новорожденного ребенка, вряд ли возможно квалифицировать по привилегированному составу заранее обдуманное убийство младенца женщиной неоднократно рожавшей, не испытывающей особого психологического дискомфорта от данного процесса, только на основании времени совершения деяния, не имеющего в указанной ситуации самостоятельного определяющего значения. В подобных случаях отсутствуют какие-либо смягчающие обстоятельства, совершение соответствующего деяния должно квалифицироваться на общих основаниях по ст. 105 УК РФ. Так, действия матери, перерезавшей горло своему новорожденному ребенку и выбросившей труп в мусорный контейнер, верно, были квалифицированы по ст. 105 УК РФ.

Еще одна разновидность рассматриваемого преступления — убийство матерью ребенка в условиях психотравмирующей ситуации. Наличие психотравмирующей ситуации, под воздействием которой роженица совершает убийство новорожденного ребенка, является обязательным признаком объективной стороны и подлежит доказыванию. Подобная ситуация может быть порождена различными психотравмирующими факторами: отказ отца ребенка признать его своим, непринятие ребенка со стороны родственников, отсутствие средств к существованию, получение известия о гибели отца ребенка или близких родственников, рождение ребенка в результате изнасилования и др. Таким образом, провоцирующими обстоятельствами могут быть не только напрямую связанные с ребенком, беременностью, родами,

но и любые другие, способствующие аккумуляции негативных эмоциональных переживаний у виновной. Тем не менее представляется, что указанные обстоятельства должны обуславливать совершение преступления вкупе с особым состоянием женщины, вызванным родами. Так, О. была осуждена за детоубийство. Родив ребенка дома, в тот же день она, завернув новорожденного в материю, выбросила его в мусорный контейнер, находящийся рядом с ее домом. Ребенок остался жив. Как было позже установлено судом, О. совершила данное преступление в условиях психотравмирующей ситуации (отсутствие достатка), и суд признал ее виновной в покушении на убийство своего новорожденного ребенка, назначив наказание в виде лишения свободы сроком на три года с отбытием в колонии-поселении.

Следует отметить нелогичность позиции законодателя в рассматриваемом аспекте. Как верно отмечает О.В. Лукичев, понятие «психотравмирующая ситуация» точно не определено и не имеет четких границ. Оно может быть определено специалистами в каждом конкретном случае, в ходе комплексного исследования конкретной личности, исходя из конкретных обстоятельств совершенного деяния». Психотравмирующая ситуация может иметь место до родов, в период родов, после них. Однако, исходя из редакции исследуемой нормы, таковая рассматривается в качестве смягчающего обстоятельства, лишь пока ребенок считается новорожденным, т. е. до достижения им четырехнедельного возраста. Следовательно, если убийство ребенка совершается в условиях психотравмирующей ситуации, но за пределами указанного срока, содеянное должно квалифицироваться по ст. 105 УК РФ. Хотя в подобных ситуациях «психотравмирующая ситуация приобретает хроническую форму, отрицательные эмоции не изживаются, и в конце концов все это приводит к аффективному поступку. В таких случаях убийство матерью своего ребенка совершается в состоянии аффекта, который вызывается провоцирующими обстоятельствами извне, третьими лицами». На определение соответствующего преступного поведения матери аффективной мотивацией указывают и другие исследователи. Квалификация содеянного по ст. 106 УК РФ исключается, если

убийство матерью ребенка произошло, когда условия психотравмирующей ситуации отпали. Но если соответствующие обстоятельства сохранились и именно под их влиянием женщина, находясь, по сути, в состоянии аффекта, совершает убийство ребенка за пределами периода новорожденности, никакого смягчения ответственности не предусматривается. В подобных ситуациях невозможно применить и ст. 107 УК РФ (убийство, совершенное в состоянии аффекта) в силу диспозиции данной нормы, где четко закреплён перечень обстоятельств, способствовавших возникновению состояния аффекта, все они обусловлены определенным поведением потерпевшего лица. Единственным способом смягчения ответственности для женщины в таком случае является возможность применения обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ. Однако с учетом того, что совершенное деяние подлежит квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, применение соответствующих смягчающих обстоятельств не особо повлияет на смягчение наказания. Разумеется, невозможно и нецелесообразно бесконечно продлевать возраст потерпевшего ребенка, по достижении которого нельзя будет применить анализируемый привилегированный состав. Выходом из подобных ситуаций могло бы послужить изменение диспозиции ч. 1 ст. 107 УК РФ.

Убийство матерью новорожденного ребенка признается привилегированным видом и в том случае, когда оно совершается женщиной, находящейся в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, при котором она во время совершения преступления не могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) по умерщвлению новорожденного ребенка либо руководить ими. Данное состояние нередко выражается в форме физиологического аффекта, вызванного психофизиологическими аномалиями в развитии организма женщины. Психические расстройства могут проявляться в послеродовых психозах, психопатиях, истерических припадках, бреде, навязчивых состояниях и др. Исходя из особенностей данного состава указанное психическое расстройство обуславливается именно родовым процессом и связанными

с ним обстоятельствами. Изложенный вывод обусловлен наличием общей нормы ст. 22 УК РФ о состоянии «ограниченной» вменяемости и его влиянии на ответственность. Таким образом, если законодатель придает особое значение такому психическому расстройству как привилегирующему обстоятельству, следовательно, связывает его с особым состоянием женщины-матери. Как отмечалось выше, именно особым психофизиологическим состоянием матери обусловлено смягчение наказания за умерщвление новорожденного во время или сразу после родов, а психотравмирующая ситуация выступает основой аффектированного поведения роженицы, одной из форм которого является психическое расстройство, не исключающее вменяемости. Редакция же ст. 106 УК РФ на практике зачастую обуславливает совершенно необоснованное применение привилегированного состава при отсутствии каких-либо смягчающих факторов.

Кроме того, подход российского законодателя приводит к совершенно противоречивым решениям по рассматриваемой категории дел. Интересна в свете рассматриваемой темы позиция зарубежного законодателя. Так, по особенностям регламентации уголовной ответственности за анализируемое преступное деяние можно условно выделить три группы государств:

1. убийство матерью новорожденного ребенка не выделяется в качестве самостоятельного состава, приравнивается к убийству взрослого человека (Бельгия, Япония);

2. ответственность за детоубийство устанавливается в рамках квалифицированного состава (Франция, США — штат Техас);

3. анализируемое преступление выделяется в качестве привилегированного состава (Латвия, Австрия, Швейцария).

Следует отметить, что в указанных странах условием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к числу составов со смягчающими обстоятельствами выступает учет негативного психофизического состояния женщины, обусловленного беременностью и родами. Именно на данном обстоятельстве делается акцент, подчеркивается его взаимосвязь с сопут-

ствующими факторами (время совершения преступления), не имеющими без обозначенного условия привилегирующего значения. Такой подход представляется абсолютно обоснованным.

Исходя из изложенного в целях обоснованной квалификации, во избежание правоприменительных сложностей представляется возможным изменить диспозицию ст. 106 УК РФ, упростив и конкретизировав ее. Убийство матерью новорожденных близнецов при наличии соответствующих условий также надлежит квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а не как убийство двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В данном случае имеет место конкуренция привилегированного и квалифицированного составов преступлений, и применению подлежит норма, содержащая привилегированный состав [3, с. 49].

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. детализация признаков объективной стороны в редакции ст. 106 УК РФ представляется излишней, влечет сложности толкования и правоприменения;

2. основанием отнесения убийства матерью новорожденного ребенка к числу привилегированных составов является учет психофизиологического состояния женщины, вызванного влиянием процесса родов и связанных с ним обстоятельств, которое обусловило совершение детоубийства;

3. изменение диспозиции ст. 106 УК РФ с акцентированием на основополагающем привилегирующем признаке (объединяющем по сути остальные) соответствует системности уголовного закона, позволит более точно трактовать позицию законодателя и минимизировать сложности правоприменения.

Список литературы:

1. Лысак Н.В. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка // История государства и права России, — 2012 г., — № 1, — 214 с.
2. Маляев К.В. Уголовно-правовая охрана жизни. Н. Новгород, 2005. — 117 с.
3. Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки. Российская юстиция. — 2013 г., — № 11, — с. 176.

О ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕРКЕ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПЫТКАХ

Карапетян Мисак Гарагенович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

К сожалению, в России к людям, задержанным сотрудниками правоохранительных органов, нередко применяются пытки, в том числе влекущие за собой смертельный исход. Пытки — это не только избивание задержанного или издевательства над ним, как, например, это было в потрясшем всю страну случае в Казани. Это также неоказание медицинской помощи лицам, содержащимся под стражей и имеющим тяжкие заболевания. По экспертным оценкам, это высоколатентный вид преступлений виду отсутствия должного расследования данной категории дел. Дела о пытках становятся известными общественности и расследуются в основном только в случае смерти людей. Одной из составляющих этой сложной проблемы является вопрос о допуске медицинского работника к подозреваемому и обвиняемому по инициативе защиты.

Общий запрет пыток содержится в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, ст. 9 УПК РФ и ст. 117 УК РФ. В статье 117 УК РФ говорится: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

В Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. закреплено более широкое понятие. Пытка — это любое действие, которым

какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия [1, с. 213].

В прецедентном праве Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) в целом используется приведенное определение пытки из названной Конвенции ООН. Определение пытки раскрывается в большом количестве дел, рассмотренных ЕСПЧ. В тексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержится только запрет, закрепленный в ст. 3 Конвенции, — никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

Комитет ООН против пыток в п. 7 заключительных замечаний к Пятому периодическому докладу Российской Федерации, принятых на 1130-м заседании, состоявшемся 22 ноября 2012 г., «вновь рекомендует государству-участнику привести определение пытки в полное соответствие со статьей 1 Конвенции, предусмотреть уголовную ответственность за пытки как самостоятельный состав преступления и обеспечить, чтобы сотрудников полиции, военнослужащих и других должностных лиц можно было привлечь к уголовной ответственности непосредственно за пытки и чтобы выносимые приговоры были соразмерны тяжести совершенных преступлений».

Сейчас в России существуют следующие уголовные нормы о пытках:

- ст. 117 «Истязание» УК РФ — не применяется против должностных лиц;
- ст. 302 «Принуждение к даче показаний» УК РФ — позволяет привлекать только следователя или дознавателя, если они использовали пытки для получения показаний. Однако эта статья не охватывает действия других

лиц по негласному поручению следователя или дознавателя, что позволяет им легко избегать ответственности;

- ст. 286 «Превышение полномочий» УК РФ. Именно по ч. 3 этой статьи при наличии квалифицирующего признака с применением физического насилия в отечественной правоприменительной практике чаще всего осуждают должностных лиц, применявших пытки.

К сожалению, статистический учет по ст. 286 УК РФ не отражает долю пыток в общем количестве данных о превышении должностных полномочий в России. Невозможно получить точную информацию о числе вынесенных обвинительных приговоров, в соответствии с которыми были осуждены за совершение пыток сотрудники полиции. В итоге мы имеем очень низкие возможности для эффективного анализа и предупреждения пыток и жестокого обращения в отношении лиц, задержанных полицией.

Официальная статистика по применению пыток в России в свободном доступе отсутствует (как, впрочем, практически во всех европейских государствах). Как ориентир представляется возможным использовать статистику ЕСПЧ. За 2011 г. им было вынесено 6 постановлений по жалобам, поступившим из России, о нарушении права не подвергаться пыткам (ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Всего за 2011 г. было вынесено 18 постановлений о нарушениях этой статьи в отношении 47 стран — участниц Конвенции, т. е. только в России произошло 33 % всех установленных и признанных нарушений. За тот же год ЕСПЧ было вынесено 66 постановлений по жалобам из России о нарушении права не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Всего за 2011 г. Суд вынес 186 постановлений в отношении всех европейских стран-участниц, т. е. Россия «обеспечила» 35 % нарушений. Кроме того, ЕСПЧ вынес 22 постановления по жалобам из России о нарушении права на эффективное расследование фактов пыток и нарушений права не подвергаться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Всего за указанный год было вынесено 92 постановления, т. е. за Россией —

24 % нарушений. При этом для общей оценки ситуации с пытками надо учитывать, что в 2011 г. 98 % жалоб из России были Судом отклонены в основном по причинам неверного составления или нарушения сроков подачи.

В научной среде вопросам противодействия пыткам в России уделяется недостаточно внимания. Статьи на эту тему носят в основном публицистический, исторический и материально-правовой характер. В области уголовно-процессуального права новых научных разработок и предложений об изменении законодательства в целях борьбы с пытками автору настоящей статьи вообще обнаружить не удалось.

Кроме того, данный вопрос очень политизирован, что мешает серьезной научной работе. В основном проблемами противодействия пыткам занимаются различные некоммерческие организации, работающие в сфере защиты прав человека. Так как большинство этих организаций финансируется из США и стран Западной Европы, их анализ ситуации, инициативы и рекомендации воспринимаются российским законодателем критически и с большим недоверием.

Анализ уголовно-процессуального законодательства России приводит к выводу, что у защитников отсутствуют адекватные способы реагирования на факты пыток. Нормативное регулирование в области проверки заявлений о пытках можно значительно улучшить, полностью реализовав минимальные международные стандарты ООН в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Комитет ООН против пыток в разделе об основных гарантиях, в подп. (а) п. 9 заключительных замечаний к Пятому периодическому докладу Российской Федерации 2012 г. рекомендует государству-участнику: обеспечить, чтобы всем задержанным предоставлялись, как по закону, так и на практике, право на доступ к адвокату, на контакт с членами семьи, на получение информации о выдвинутых против них обвинениях, а также по просьбе задержанного медицинский осмотр независимым врачом сразу же после фактического лишения свободы.

Почти все гарантии, рекомендуемые ООН, в нашем законодательстве закреплены, за исключением доступа к врачу, тем более независимому, выбранному задержанным самостоятельно. Доступ к врачу ограничен как решениями должностных лиц со стороны обвинения, так и общей политикой государства в этой сфере. В России исторически не принято тратить средства на здоровье заключенных, ныне в следственных изоляторах на одного врача часто приходится по 500—800 человек.

Например, по одному из дел, в котором принимал участие автор статьи осенью 2012 г., у человека, в период предварительного расследования неоднократно заявлявшего ходатайства о взятии анализов на ВИЧ для официального подтверждения диагноза, не только анализы не берут, к нему даже тюремный врач ни разу не зашел и не вызвал на беседу или обследование. Заметим, что обвиняемый о своей болезни знал точно, поскольку ранее, находясь на свободе, сдавал анализы анонимно, требовалось лишь официальное подтверждение диагноза.

Вышеуказанные ситуации возникают в прямой связи с исключительными правами должностных лиц стороны обвинения при собирании доказательств на стадии предварительного расследования. Нередко целью применения пыток является получение доказательств, необходимых стороне обвинения. Кроме того, рассмотрение заявлений о пытках часто происходит с участием лица, заинтересованного в сокрытии этих фактов [2, с. 110]. Например, следователи следственного комитета рассматривают заявления с требованием возбудить уголовное дело по факту пыток, произведенных оперативными сотрудниками полиции. Поскольку сотрудники полиции обеспечивают оперативное сопровождение расследования уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям, которое ведут следователи следственного комитета, последние, не желая портить отношения с полицией, чаще всего отказывают в возбуждении уголовного дела по формальным причинам.

Как показывает адвокатская практика, следственные органы и прокуратура часто не реагируют на ходатайства, жалобы адвокатов и лиц, задержанных

по подозрению в совершении преступления, о назначении судебно-медицинской, психологической, психиатрической экспертизы или освидетельствования, т. е. о производстве следственных действий, объективно необходимых и обязательных для установления фактов пыток или наличия тяжкого заболевания, препятствующего содержанию человека под стражей.

При участии управления Верховного комиссара ООН по правам человека был опубликован Стамбульский протокол. Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Над его созданием в течение трех лет работали 40 организаций из 15 стран мира (Германии, Дании, Чили, Франции, Швейцарии, ЮАР, Индии, Дании, Израиля, США, Нидерландов и др.). Это совместный труд юристов, врачей, психологов, других специалистов в области защиты прав человека и помощи людям, пострадавшим от пыток. Данное руководство на 130 страницах раскрывает необходимые способы, методы, этику, стандарты расследования и документирования фактов пыток и вводит определенные процессуальные гарантии. Руководящие принципы, изложенные в настоящем руководстве, даются не в качестве обязательных предписаний. Они скорее представляют собой основанные на вышеупомянутых принципах минимальные стандарты и должны применяться с учетом имеющихся возможностей.

Принципы эффективного расследования, документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания включены в качестве приложения в Резолюцию 55/89 (от 4 декабря 2000 г.) Генеральной Ассамблеи ООН и Резолюцию 2000/43 (от 20 апреля 2000 г.) Комиссии по правам человека, принятые без голосования.

В соответствии с п. 10 Стамбульского протокола у государств есть обязательства по обеспечению защиты от пыток. В подпункте "а" указано обязательство государства в виде необходимости "принятия эффективных законодательных, административных, судебных и других мер для предупреждения актов пыток (ст. 2 Конвенции против пыток и ст. 3 Декларации о защите

от пыток). Доступ к врачу, в том числе выбранному лицом, лишенным свободы, самостоятельно, — очень эффективная мера для предупреждения и независимого расследования актов пыток. В гуманном и правовом государстве, каким стремится стать Россия, эта процедура обязательно должна быть реализована. Факультативно доступ к врачу позволит улучшить общее состояние здоровья обвиняемых. Для бюджета государства затраты в этом отношении могут быть минимальными, поскольку оплата работы врача в уголовно-процессуальном статусе специалиста по законодательству оплачивается самим обвиняемым на договорной основе.

Одна из главных целей расследования пыток — «найти и сохранить доказательства, в том числе медицинские, в отношении предполагаемых пыток» (п. 77 Стамбульского протокола). К сожалению, эта цель обычно противоречит интересам стороны обвинения и может быть реализована только стороной защиты при наличии правовых возможностей. В дополнение к этому в п. 81 Стамбульского протокола указано, что «предполагаемые жертвы пыток или жестокого обращения и их законные представители должны... также иметь право представлять другие доказательства».

В Руководстве содержится еще несколько важных процессуальных гарантий: «Задержанные имеют право на повторную или альтернативную медицинскую экспертизу, проводимую квалифицированным врачом во время пребывания под стражей и после него» (п. 123); «Если просьба о психологической экспертизе поступает от подвергшегося пытке лица, эксперт должен соблюдать врачебную тайну» (п. 264), в отличие от эксперта, проводящего экспертизу по решению государственного органа осуществляющего расследование [3, с. 129].

По нашему мнению, для эффективности борьбы с пытками в России необходимо обеспечить доступ задержанных к врачу в процессуальном статусе специалиста, а также ввести обязательность производства судебно-медицинских экспертиз и освидетельствования при наличии ходатайства стороны защиты. С этой целью целесообразно закрепить в уголовно-

процессуальном законодательстве обязательность назначения судебно-медицинской, психологической, психиатрической экспертиз и освидетельствования в отношении подозреваемого или обвиняемого, если об этом в течение пяти суток с момента задержания ходатайствует защитник или сам подозреваемый (обвиняемый). Срок в пять суток с момента задержания будет мешать злоупотреблению этим правом со стороны защитника или подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, именно в эти сроки установить или опровергнуть факт пыток можно наиболее эффективно. В случае подтверждения факта пыток материалы экспертиз и (или) освидетельствования должны направляться через прокурора по подследственности в следственный комитет для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, причем в специальный отдел, занимающийся только расследованием пыток.

В этих целях врачам в уголовно-процессуальном статусе специалиста также необходимо разрешить:

- обследовать подозреваемых и обвиняемых, подсудимых и осужденных в следственных изоляторах, изоляторах временного содержания, колониях и тюрьмах;
- исследовать состояние здоровья задержанного человека;
- проводить опрос задержанного о телесных повреждениях и обстоятельствах их получения, сбор анализов, фотографирование, видеозапись, изъятие для исследования образцов или предметов одежды задержанного;
- назначать производство компьютерной томографии, рентгенологического, ультразвукового, магнитно-резонансного исследования, различных анализов, которые могут проводиться за счет задержанного;
- проводить самостоятельные исследования, с помощью медицинской сестры собирать материалы, предметы, анализы для специального исследования.

В пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано: «Специалист не проводит исследование вещественных доказательств

и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза». Мы глубоко убеждены, что позиция Верховного Суда РФ ошибочна, поскольку нигде в законодательстве нет запрета на проведение исследований специалистом, как нет утверждений о том, что доказательство в виде заключения или показаний эксперта имеет большую силу по сравнению с заключением или показаниями специалиста. Только специалист в состязательном судопроизводстве имеет возможность аргументированно спорить с выводами эксперта. Соответственно, урезание возможностей специалиста ведет к прямому нарушению принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым приблизить статус, права и обязанности врача-специалиста, требования к его заключению, к закрепленному в законе статусу эксперта, за исключением необходимости соблюдения врачебной тайны. Решение об использовании в уголовном процессе заключения врача-специалиста и полученной в ходе исследования информации должно приниматься только самим подозреваемым (обвиняемым) и его защитником.

В случае изменения уголовно-процессуального законодательства в предложенном направлении, наконец, появится возможность объективно анализировать ситуацию с пытками в России по количеству и итогам проведенных в отношении задержанных экспертиз, а также по результатам заключений врачей-специалистов. Данные изменения помогут организовать эффективную работу правоохранительных органов в целях реализации одной из целей уголовного судопроизводства — защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Список литературы:

1. Лукашева Е.А. Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: Политические, экономические, социально-психологические аспекты // Государство и право. — 2013 г., — № 10., — 151 с.
2. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 2012 г., — 417 с.
3. Орлова О.В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. М., 2012 г., — 365 с.

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Кришалович Елена Генриковна

*студент 4 курса, Кафедра гражданско-правовых дисциплин
НОУ «Институт мировой экономики и информатизации»,
ёРФ, г. Москва*

E-mail: e-kryshalovich@bk.ru

Авторское право представляет собой совокупность гражданских и иных правовых норм, которыми регулируются отношения, возникающие в результате создания произведений науки и иной интеллектуальной собственности.

Авторское право применительно к конкретному лицу определяет принадлежащее ему имущественные и неимущественные права по отношению к созданному творческому труду, произведению науки, обладающего новизной и оригинальностью.

Субъектом авторского права изначально является физическое лицо, творческими усилиями которого и создается интеллектуальная собственность.

Объектом авторского права выступает произведение науки, искусства и иная интеллектуальная собственность или ее часть, что отражено в ГКРФ ст. 1259 [3].

Создание нормативно-правовых регуляторов для эффективного творчества в сфере науки, образования, искусства и т. д., является основной проблемой авторского права, сложности в обеспечении реальных возможностей для признания и защиты авторского права на созданное творческим трудом произведение.

Вместе с тем не меньшей проблемой авторского права является создание правовых, условий для использования произведения интеллектуальной собственности в широком кругу. Наиболее часто подобная проблема встречается в академической практике.

В современном мире орудием труда, документирующим научное достояние, является компьютер, заменивший перо. Право интеллектуальной собственности регулирующееся авторским правом наиболее часто нарушается в

научном сообществе, а особенно часто — обучающимися в высших учебных заведениях.

Наиболее частой формой нарушения авторских прав является присвоение чужого произведения либо творческой идеи, а также ее части. Издание чужого произведения под своим именем является плагиатом.

Также, плагиат это дословное использование фрагментов чужих работ, представленное как оригинальное свое.

Нередки случаи, когда при рецензировании работ студентов, преподаватели в состоянии приготовить подборку фрагментов оригинальных работ, использованных в якобы авторской работе студента. Естественно, такая работа студента немедленно возвращается на доработку.

Однако бывают случаи, когда о совершении плагиата общественность узнает после опубликования произведения, либо после его академической защиты.

Это может повлечь за собой не только юридическую ответственность, но и быть причиной повторного выставления работы на рассмотрение комиссии, которая может отозвать ранее признанный титул, в связи с нарушением авторских прав при написании академической работы.

Тем не менее, можно цитировать фрагменты чужих работ либо использовать результаты чужих исследований, но только при условии обязательной ссылки на источник [2, с. 129].

Этическая оценка плагиата в академической среде однозначна — данный факт не приемлем и вреден, так как отрицательно отражается на научных идеях, исследованиях и методах, кроме того, многократно клонированный научный труд не будет являться двигателем научного прогресса.

Нарушение авторского права это не только нарушение добрых традиций, а также уголовное преступление, которое может означать окончание карьеры, независимо от предыдущих достижений.

Хотя, в общественном мнении кража интеллектуальной собственности принимается с большей толерантностью, чем кража материальных ценностей,

механизм регулирования и защиты интеллектуальных и авторских прав разработан в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [3], а также в Уголовном кодексе Российской Федерации, в частности ст. 146 «Нарушение авторских и смежных прав» [6].

В то же время, характер кражи не несет в себе автоплагиат. Это многократное использование собственного произведения без указания этого в тексте.

Например, издание той же научной работы с незначительными изменениями в содержании под разными названиями.

Тем не менее, автоплагиат является введением в заблуждение касательно фактического научного достояния автора, а также серьезным нарушением традиций в научных публикациях.

Возвращаясь к теме защиты авторского права, хотелось бы поднять болезненную тему авторского участия научного руководителя в публикации научной работы либо ее фрагментов.

Ни научный руководитель, ни рецензент не должны углубляться в научную работу настолько, чтобы иметь право на соавторство и тем паче полного или фрагментарного присвоения студенческих работ без какой-либо ссылки на истинный источник. К сожалению, в образовательных учреждениях имеют место быть вышеназванные прецеденты.

В случае выявления нарушения авторских (интеллектуальных) прав, академическая дисциплинарная комиссия начинает следствие по установлению факта присвоения авторских прав, либо введению в заблуждение касательно авторства произведения, либо части произведения.

Нарушение авторских прав является международной проблемой и все страны, входящие в международную конвенцию по охране авторских прав, в том числе и Россия, принимают меры по пресечению подобной практики.

Однако, несмотря на положительные моменты, заключающиеся в приведении внутреннего российского законодательства в соответствие

с нормами международного права в области авторских прав, Россия по-прежнему занимает одно из лидирующих мест в мире.

В последнее время наблюдается волна переводов иностранных статей, дипломов, диссертаций с небольшой доработкой и выдача их за собственную работу [5, с. 277].

Данное явление также относится к пиратству, называемое переводческим плагиатом. Хотя, даже в законе оно не отражено.

Для искоренения проблемы нарушения авторских (интеллектуальных) прав необходимы не только меры юридического характера, в качестве дополнительных карательных статей в кодексы, но и повышение морального уровня образовательной среды, пропаганда высокой образовательной морали, чести и достоинства в образовательных учреждениях.

Развитие нравственных принципов в образовании неизбежно приведет к высокому его уровню. В этом случае сам процесс приобретения системы научных знаний станет качественно выше. Тогда ни у кого не возникнет мысли и желания внедриться (присвоить) чужое творчество или исследование.

Кроме того, в помощь развития научной мысли в образовательной среде и защиты авторских, а также соавторских прав [4, с. 166], хотелось бы подчеркнуть необходимость разделения обязанностей при написании работы на исследовательские и творческие. Только участие в творческих действиях дает право на авторство (соавторство).

В творческих действиях заключается постановка гипотезы и исследовательских вопросов, разработка методики научных исследований (в зависимости от характера исследований их самостоятельное исполнение, либо управление их исполнением), анализ и разработка выводов, проведение дискуссий с предыдущими авторами, затронувшими ту же тематику, подведение итогов [1, с. 63].

Правильное исполнение вышеперечисленных действий признает автора научной работы, способным самостоятельно вести научные исследования и признаваться автором с юридической точки зрения (согласно Гражданского

кодекса ст. 1257 «Автор произведения»), а также в общественном и нравственном аспекте.

Кроме того, механизм нормативно-правового регулирования авторского права оптимально решает проблему разумного сочетания прав автора интеллектуальной собственности с возможностью использования его обществом.

Список литературы:

1. Авторское право и смежные права: Учебник / Близнац И.А., Леонтьев К.Б., под ред. И.А. Близнаца. Проспект: 2011. — 261 с.
2. Варганиян А.М. Основы управления интеллектуальной собственностью: учеб. пособие / А.М. Варганиян, Д.А. Кудель. Мн.: 2012. — 328 с.
3. Гражданский кодекс РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ Часть 4.
4. Гражданское право: учебник в 3-х т.: Том 3 / А.П. Сергеев, Н.Д. Егоров. М.: Проспект, 2011. — 768 с.
5. Леанович Е.Б. Международная охрана интеллектуальной собственности: учеб. пособие / Е.Б. Леанович. Мн.: ИВЦ Минфина, 2011. — 400 с.
6. Уголовный кодекс РФ (УК РФ) от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРИЗНАКИ И ФОРМЫ

Лосева Анна Валерьевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Ванин Виталий Владимирович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Рассматриваются признаки малозначительных деяний, к которым, по мнению автора, относятся деяния, совершенные умышленно или неосторожно, содержащие все признаки состава преступления, наказуемые только в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации и не влекущие административной или материальной ответственности. Условно к формам малозначительности относятся совершение деяний, посягающих на такие личные неимущественные права, как свобода передвижения, неприкосновенность жилища и частной жизни; выражающихся в совершении действий с предметами материального мира; причиняющих нематериальный вред, когда последствия описаны посредством оценочных признаков.

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Для признания деяния малозначительным необходимо, чтобы оно обладало всеми признаками состава преступления (формальное основание) и не представляло общественной опасности (социальное основание). А.П. Козлов, полагая, что понятие малозначительности приводит к злоупотреблениям на практике, предлагает отказаться от него, поскольку есть иные способы реагировать на малозначительные деяния, например положения ст. 64, 73, 75—76 УК РФ. Однако применение ч. 2 ст. 14 УК РФ по правовым последствиям отличается от применения положений,

предусмотренных ст. 64, 73, 76 УК РФ. Поэтому вряд ли стоит отказываться от наличия в УК РФ понятия малозначительности деяния, но при этом следует четко определить его границы.

В теории выделяют два вида малозначительности деяния: во-первых, когда совершенное деяние является административным правонарушением и, во-вторых, когда совершенное деяние не является административным правонарушением. Представляется, что отнесение к малозначительному деянию административных правонарушений не совсем обоснованно, поскольку такое широкое понимание малозначительности деяния размывает границы преступного и не преступного поведения [1, с. 376]. Более обоснованно относить к малозначительным деяния, не влекущие административной ответственности.

Малозначительность деяния определяется тем, запрещено ли оно только УК РФ или также и КоАП РФ. Преступление нарушает как общие правила (установленные только в УК РФ), например убийство, изнасилование, грабеж, получение взятки (ст. 105, 131, 161, 290), так и правила, наказание за нарушение которых предусмотрено в КоАП РФ, например незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ и ст. 14.11 КоАП РФ), нарушение безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ и ст. 12.5—12.17 КоАП РФ). Следовательно, можно говорить о двух ситуациях запрещенности деяния. Первая, когда есть правомерное, административно-противоправное и уголовно-противоправное поведение, где административное правонарушение выступает «буфером» между не преступным поведением и преступлением. Во второй ситуации такого «буфера» между преступлением и не преступным поведением нет, деяние либо преступно, либо нет. Представляется, что малозначительность деяния возникает только при второй ситуации, поскольку, являясь не преступным, малозначительное деяние не влечет правовой ответственности (административной и гражданско-правовой) в силу абсолютно не общественно опасного характера малозначительного деяния, но может быть моральной. До мая 1998 г. ч. 2 ст. 14 УК РФ

содержала следующую формулировку: «...то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству». В данном случае речь шла о причинении фактического вреда - имущественного ущерба или физического вреда.

Верховный Суд РФ понимает малозначительность деяния в широком смысле. В частности, в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)» отмечается, что, если действия, связанные с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, совершенные лицом с применением самоходного транспортного плавающего средства либо в местах нереста или на миграционных путях к ним или на особо охраняемых природных территориях, хотя формально и содержали признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 253 или ст. 256 УК РФ, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, когда не использовались способы массового истребления водных животных и растений, суд вправе прекратить уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ. При этом основанием для признания действий подсудимого малозначительными может служить, например, незначительное количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не является опасным для биологических, в том числе рыбных, ресурсов.

Представляется, что такое преступление, как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), не может быть малозначительным, поскольку оно окончено с момента начала вылова водных биологических ресурсов, и в КоАП РФ есть ст. 8.37, устанавливающая наказание за нарушение правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 253 УК РФ, также не может быть малозначительным, поскольку исследование, поиск, разведка, разработка природных ресурсов будут считаться оконченными преступлениями с момента

совершения указанных действий без соответствующего разрешения. Кроме того, в ч. 1 ст. 8.17 КоАП РФ предусмотрено наказание за нарушение стандартов (правил) безопасного проведения поиска, разведки или разработки минеральных ресурсов. При наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ, где обязательны способ и место преступления, действия лица уже являются преступными. А в зависимости от обстоятельств произошедшего к нему могут быть применены меры уголовно-правового воздействия: от назначения наказания в виде штрафа до условного осуждения. Если же такие действия не являются преступлением, то тогда виновный должен быть привлечен к административной ответственности [2, с. 211]. Следование рекомендациям ВС РФ приведет к неоднозначному применению норм уголовного права, когда в одних случаях действия лица, совершившего указанные деяния, будут признаны преступными, а в других — малозначительными.

В то же время, как отмечено в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», преступления, предусмотренные в п. «б», «в» и «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, признаются оконченными с момента начала совершения действий, непосредственно направленных на поиск, отслеживание, преследование в целях добычи охотничьих ресурсов, а также на их добычу. В этом случае ВС РФ ничего не говорит о малозначительности деяния в зависимости от средств, используемых при незаконной охоте.

Малозначительности нет, если условием привлечения к уголовной ответственности является наступление строго формализованных последствий, например определенной суммы ущерба. Так, уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ) признается преступлением, только если налоги были не уплачены в крупном размере. Поэтому при уклонении от уплаты налогов в меньшем размере, чем предусмотрено в примечании к ст. 198 УК РФ, речь идет не о малозначительности деяния, а об отсутствии состава преступления,

поскольку нет одного из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 198 УК РФ, — последствий. В этом случае говорится о совершении административного (налогового) правонарушения, предусмотренного ст. 119—122 Налогового кодекса РФ.

Нет малозначительности деяния и при совершении хищения малоценного имущества из помещения и жилища, поскольку действие ст. 7.27 КоАП РФ согласно примечанию к этой статье не распространяется на совершение хищения, предусмотренного ч. 2 ст. 158 УК РФ. В то же время действующая редакция ст. 7.27 КоАП РФ порождает ситуацию, противоречащую основам квалификации преступлений, когда квалифицированный состав не содержит всех признаков основного состава. Поэтому в теории обоснованно предложено решить эту проблему, включив в ч. 2 ст. 158 УК РФ, предусматривающую наказание за квалифицированные виды кражи, формулировку «кража чужого имущества вне зависимости от его стоимости, совершенная». Аналогичным образом следует сформулировать ч. 2 ст. 159 и 160 УК РФ.

Малозначительность деяния невозможна и при неоконченном деянии, совершенном с неконкретизированным умыслом. Первоначально суд квалифицировал его действия по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как тайное хищение чужого имущества, совершенное с незаконным проникновением в помещение. В соответствии с действующим законодательством чужим имуществом как предметом хищения признаются вещи, по поводу которых существуют отношения собственности, обладающие ценностью и стоимостью. Как установлено судом в приговоре, похищенные осужденным ножницы не представляют материальной ценности. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. При таких обстоятельствах, когда Н. приговором суда первой инстанции не был осужден за хищение оргтехники, его действия в части хищения из библиотеки, вопреки доводам надзорного представления, не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2

ст. 158 УК РФ как покушение на кражу, совершенное с проникновением в помещение, а материалы дела в этой части подлежат прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ ввиду отсутствия состава преступления. В данном случае квалифицирующий признак, характеризующий место преступления, и неконкретизированный умысел не позволяют говорить о малозначительности деяния.

Поскольку стоимость похищенного незначительна, то можно говорить о малозначительности деяния, однако сам факт проникновения в жилище следует квалифицировать по ст. 139 УК РФ. Действительно, осуждать бывшего мужа даже условно по ч. 3 ст. 158 УК РФ за совершение кражи семейного альбома вряд ли справедливо, и, возможно, здесь речь идет о малозначительности деяния, однако такие ситуации встречаются крайне редко.

Одним из критериев разграничения преступного поведения от непроступного, выступает и способ преступления. В связи с этим определимся с правовой оценкой открытого хищения чужого имущества на сумму менее 1000 руб., поскольку согласно ст. 7.27 КоАП РФ уголовной ответственности за грабеж лицо подлежит независимо от стоимости похищенного. Ряд авторов считают, что такие деяния являются малозначительными, поэтому в ст. 7.27 КоАП РФ следует внести изменения о том, что открытое хищение чужого имущества на сумму менее 1000 руб. влечет административное наказание.

Малозначительность возможна при посягательстве на личные неимущественные права, например, когда человек, проходя по улице, из любопытства заглядывает в окно квартиры, находящейся на первом этаже, и тем самым визуально проникает в жилище (ст. 139 УК РФ), нарушая неприкосновенность частной жизни (ст. 137 УК РФ). К малозначительному деянию может быть отнесено и кратковременное, на несколько минут, незаконное лишение свободы. Малозначительности нет при посягательстве на жизнь и здоровье человека. В теории предложено дополнить ст. 14 УК РФ частью 3, где содержался бы перечень деяний, совершение которых нельзя признавать малозначительными.

Следовательно, под малозначительностью следует понимать совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, не причинившего фактического вреда, наказание за которое предусмотрено только в УК РФ.

Наиболее типичными ситуациями малозначительности деяния являются случаи, когда деяние характеризуется не воздействием на предметы материального мира, а совершением действий с этими предметами, поскольку в УК РФ не указаны их размер и количество и в КоАП РФ отсутствует норма, предусматривающая наказание за их совершение. Например, в ст. 191 УК РФ нет указания на массу и стоимость драгоценных металлов, совершение незаконных сделок с которыми преступно. Поэтому разграничение преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ, и малозначительного деяния происходит в каждом конкретном случае. Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ прекратила в отношении Г. уголовное дело в силу малозначительности деяния, поскольку в сентябре 1997 г. он был задержан при попытке сбыть сплав металлов, где доля серебра была 60 %. Стоимость одного грамма серебра на тот момент равнялась 1,142 руб., соответственно, цена серебра, находившегося в сплаве, составляла 164 руб., что было менее двух минимальных оплат труда на момент совершения преступления.

Учитывая, что в диспозиции ст. 290 УК РФ нет указания на размер взятки и в КоАП РФ нет нормы, устанавливающей наказание за дачу взятки, малозначительность деяния возможна, если сумма вознаграждения незначительна, его получение не было оговорено заранее и оно было передано после и за совершение законных действий должностного лица.

Малозначительность деяния возможна и при совершении такого преступления, как использование подложного документа, поскольку в ч. 3 ст. 327 УК РФ нет указания на то, что документ должен быть официальным, что не всегда учитывается при квалификации.

Рассмотрим возможность малозначительности в деяниях с материальным составом. В теории отмечают невозможность малозначительности деяния, когда наличие состава связано с фактом наступления вреда, например

«существенное нарушение прав и законных интересов» при злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Представляется, что эта позиция справедлива, лишь, если последствия как условие признания деяния преступлением материализованы, т.е. поддаются учету, поскольку на практике встречаются ситуации, когда суды полагают, что должностные лица существенно нарушили права и законные интересы граждан и государства.

Так, преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, окончено с момента фальсификации доказательств.

Представляется, что если какое-либо событие, которое необходимо установить в рамках уголовного дела, подтверждается другими доказательствами, то фальсификацию доказательств, лишь подтверждающих это событие, но не надлежаще оформленных, следует рассматривать как малозначительное деяние, хотя оно и влечет для лица, осуществляющего расследование, дисциплинарную ответственность.

Для разграничения преступной и не преступной фальсификации доказательств В. Борков предложил указать в диспозиции ч. 2 ст. 303 УК РФ цель — «фальсификация доказательств по уголовному делу с целью их последующего использования», поскольку только так можно причинить вред интересам правосудия (например, посягательство на финансовую систему государства не может состоять только лишь в подделке денег без цели их сбыта (ст. 186 УК РФ). Обоснованность указания на цель фальсификации доказательств определяется тем, что государство существует не для самого себя, когда нарушение установленного им запрета признается преступным, а для обеспечения интересов граждан в определенных сферах жизнедеятельности [3, с. 269].

Итак, малозначительные деяния — это деяния, совершенные умышленно или неосторожно, содержащие все признаки состава преступления, наказуемые только в соответствии с УК РФ и не влекущие административной или материальной ответственности. Условно к формам малозначительности

можно отнести совершение деяний, посягающих на такие личные неимущественные права, как свобода передвижения, неприкосновенность жилища и частной жизни; выражающихся в совершении действий с предметами материального мира; причиняющих нематериальный вред, когда последствия описаны посредством оценочных признаков.

Список литературы:

1. Александров А.С., С.П. Сереброва // Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров и др.; науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2013 г., — 601 с.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ // под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. М., 2014 г., — 498 с.
3. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд. СПб., 2012 г., — 552 с.

КООРДИНАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО НАЧАЛ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Марченко Елена Викторовна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Иванов Владимир Дмитриевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Конституция РФ (ст. 2) провозглашает приоритет прав и свобод человека высшей ценностью нашего государства. Иными словами, в современной России, как в правовом государстве, интересы личности, их защита представляют собой центр притяжения всех сил и возможностей органов государственной власти и органов местного самоуправления. В соответствии со ст. 6 УПК РФ защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, с одной стороны, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения — с другой, становятся основными задачами уголовного судопроизводства.

Анализ законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что по делам частного обвинения частноправовой элемент правового регулирования, состоящий в инициировании уголовного преследования непосредственно потерпевшим, необходим для обеспечения юридического равенства фактически неравных участников уголовного судопроизводства — дознавателя, следователя, прокурора, с одной стороны, и частного обвинителя — с другой. При этом обладателями частных интересов выступают только граждане и юридические лица. Государство, его органы не могут иметь частного интереса участия в уголовном судопроизводстве. Являясь носителем публичного интереса, государство: 1) регулирует посредством принятия, изменения, дополнения уголовно-процессуальных норм общественные отношения, составляющие предмет уголовно-процессуального права; 2) в лице

уполномоченных на то органов и должностных лиц принимает участие в качестве субъекта в уголовно-процессуальных отношениях. Эти органы обязываются, действуя строго в правовом поле, неуклонно обеспечивать охрану законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, т. е. лиц, наделенных уголовно-процессуальным законом, правами и обязанностями сообразно их процессуальному положению. В настоящее время российское уголовно-процессуальное право обнаруживает достаточно глубокое проникновение частноправовых начал в его правовое регулирование. Вместе с тем данная отрасль не приобретает комплексный характер, не утрачивает самобытность. Различные модели сочетания публичных и частных начал в уголовном процессе не отменяют того очевидного факта, что для обеспечения эффективной защиты, как частных, так и публичных интересов от преступных деяний должны применяться публичные средства механизма уголовно-процессуального регулирования [1, с. 213].

Публичные и частные интересы как система поведенческих стимулов участников уголовно-процессуальных отношений. Каждый исследователь, стремящийся внести посильный вклад в исповедуемую им отрасль науки, первоначально определяется с необходимым для этого теоретико-методологическим инструментарием. Содержание и комбинации составляющих этот инструментарий элементов весьма специфичны, варьируются в зависимости от предмета исследования, его целей и задач. Однако глубокая проработка научной материи (и материя права не исключение) невозможна без обращения к органическому, неотъемлемому элементу любого исследования — понятийно-категориальному аппарату. Для уяснения соотношения публичного и частного начал в уголовно-процессуальном регулировании определяющей представляется правовая категория интереса. Он (интерес) не просто потребность, а потребность осознанная, получившая импульс побудительного мотива к конкретному поведению физического или юридического лица, государства в определенной ситуации; это стимул действия. Именно интересы отдельного субъекта и интересы публично-

правового свойства становятся объективной основой существования таких правовых феноменов, глобальных активных правопорядков, как публичное и частное право.

Проблема сочетания публично-правовых и частноправовых начал в уголовном процессе — площадка неутихающих научных дискуссий, диапазон мнений в которых порой обнаруживает диаметрально противоположные позиции. Законодательные гарантии защиты прав личности (ее жизни, здоровья, имущества и т. д.), провозглашенные в ст. 6 УПК РФ, свидетельствуют о том, что ведущие частноправовые ценности охраняются публичными методами и средствами. В.А. Семенцов и О.В. Гладышева полагают, что уголовное судопроизводство осуществляется в публичном порядке по всем делам, за исключением тех, для которых установлен иной (частно-публичный или частный) порядок. По их мнению, идея публичности включает следующие элементы: официальность ведения производства по уголовным делам; выполнение государственными органами такой задачи, как обеспечение неотвратимости уголовной репрессии для виновных в совершении преступления. По нашему мнению, если вся идея публичности сводится к этим двум элементам, то она без труда прослеживается в ранее исключенных В.А. Семенцовым и О.В. Гладышевой делах частного обвинения, поскольку, во-первых, производство по ним осуществляется не кулуарно, а официально — *ex officio*, т. е. от имени государства — в общем порядке с изъятиями, установленными главой 41 УПК РФ. Во-вторых, по делам частного обвинения частноправовой элемент правового регулирования, состоящий в инициировании уголовного преследования непосредственно потерпевшим, необходим для обеспечения юридического равенства фактически неравных участников уголовного судопроизводства — дознавателя, следователя, прокурора, с одной стороны, и частного обвинителя — с другой [2, с. 104]. В этом смысле выполнение судом задачи обеспечения неотвратимости уголовной репрессии преступника при отказе потерпевшего от примирения (ч. 5, 6 ст. 319 УПК РФ) очевидно.

Изучая правовые интересы участников уголовного судопроизводства, О. Соломина считает необходимым обратить внимание на наличие у государства частного интереса по обеспечению частных интересов лиц, потерпевших от преступления. Считаем, что обладателями частных интересов выступают только граждане и юридические лица. Государство, его органы не могут иметь частного интереса участия в уголовном судопроизводстве. Являясь носителем публичного интереса, государство: 1) регулирует посредством принятия, изменения, дополнения уголовно-процессуальных норм общественные отношения, составляющие предмет уголовно-процессуального права; 2) в лице уполномоченных на то органов и должностных лиц принимает участие в качестве субъекта в уголовно-процессуальных отношениях. Эти органы обязываются, действуя строго в правовом поле, неуклонно обеспечивать охрану законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, т. е. лиц, наделенных уголовно-процессуальными законом правами и обязанностями сообразно их процессуальному положению.

Формы координации публичного и частного в уголовно-процессуальном регулировании. 1. Публичные и частноправовые начала выполняют равнозначные функции в процессе уголовно-процессуального регулирования. Потерпевший, являясь лицом, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ) наделен правами стороны в судебном процессе. Такой подход к регламентации прав потерпевшего корреспондирует с положениями Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Эти требования совпадают и с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы N R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», в которой подчеркивается, что важной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего, повышение

доверия потерпевшего к уголовному правосудию, в связи, с чем необходимо в большей степени учитывать запросы потерпевшего на всех стадиях уголовного процесса, в частности пересмотреть внутреннее законодательство и практику в соответствии с принципом предоставления потерпевшему права просить о пересмотре компетентным органом решения о непреследовании или права возбуждать частное разбирательство (преамбула, пункт 7 раздела I.A.). Следовательно, интересы потерпевшего в уголовном судопроизводстве не могут быть сведены исключительно к возмещению причиненного ему вреда — они в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о состоятельности, доказанности обвинения.

По делам частного обвинения принципиально важно установить ту грань, до которой допустимо использование частноправовых начал в организации уголовно-процессуальных отношений и за которой, соответственно, реализация основного критерия такой допустимости — интереса потерпевшего — может превратиться в произвол [3, с. 98]. Например, реализация частного интереса (защиты здоровья гражданина) неправомерными действиями, скажем, посредством обвинения в умышленном причинении легкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 115 УК РФ) не действительного преступника, а иного лица создает предпосылки для функционирования соответствующих публичных охранительных норм — ст. 306 УК РФ (Заведомо ложный донос). Более того, в предусмотренных УПК РФ случаях (ч. 4 ст. 20) свобода усмотрения сторон при реализации предоставленных им диспозитивных прав ограничена публичными методами.

Регулирование уголовно-процессуальных отношений с использованием элементов частноправового инструментария. Поступательное развитие форм социального общения между людьми всегда диктовало потребность в предоставлении им возможности по согласованной воле, даже в условиях уголовно-правового конфликта, использовать определенные модели его преодоления. Одной из таких моделей явились договоры, в черед которых для уголовно-процессуального права немаловажными являются междуна-

родные договоры Российской Федерации (ч. 3 ст. 1 УПК РФ). При этом следует учитывать, что термин договор Российской Федерации носит в значительной степени условный характер. Несмотря на его ратификацию, он не трансформируется во внутригосударственный акт Российской Федерацией, а сохраняет статус международного договора — соглашения, в котором Россия участвует в качестве стороны. Так, примером применения договорного метода в регулировании уголовно-процессуальных отношений являются договоры Российской Федерации с иностранными государствами о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

3. Публичный акт (приговор суда) порождает и (или) прекращает гражданские правоотношения. Обусловлено ли обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве формальным признанием лица участником производства по уголовному делу? Несмотря на наличие на этот счет разнообразных мнений, ответ на этот вопрос, как представляется, должен быть отрицательным. Как подчеркнул в своем Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» Конституционный Суд Российской Федерации, обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Итак, гражданско-правовая регламентация оснований прекращения права собственности всецело направлена, прежде всего, на обеспечение неприкосновенности частной собственности граждан и юридических лиц. При разрешении уголовно-правового конфликта переход имущества из частной собственности в собственность публичную возможен только при условии строгого

соблюдения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства — ст. 104.1 УК РФ и ч. 3 ст. 81 УПК РФ.

4. Частноправовые формы выполняют публичные функции. Одним из основных субъектов гражданского права является юридическое лицо, которое в зависимости от целей создания и деятельности может быть, соответственно, организацией коммерческой или некоммерческой (ст. 50 ГК РФ). Главой 23 УК РФ предусмотрено привлечение к ответственности лиц, совершивших преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Решая вопрос о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, судам, как указал Пленум Верховного Суда РФ в п. 7, 8 Постановления от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», следует исходить из положений ГК РФ о юридических лицах (ст. 50, 130, 120 ГК РФ).

Важным условием правильного применения статей данной главы является учет условий осуществления уголовного преследования, содержащихся в п. 2, 3 примечания к ст. 201 УК РФ: если деяние, предусмотренное статьями главы 23, причинило вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. По мнению К. Енова, исключение, сделанное законодателем для государственных и муниципальных предприятий, необоснованно, поскольку не отражает современных реалий. Далее Е. Енов настаивает на том, что эти предприятия, как и любые коммерческие организации, обладают общей гражданской правоспособностью, а в случае причинения им вреда в уголовно-процессуальных отношениях потерпевшими выступают их собственники. Вот и все. К таким высказываниям, построенным по принципу знаменитой сентенции Гегеля: Если факты против меня, тем хуже для этих фактов, действительно трудно что-либо добавить. К сожалению, невежество в общетеоретических вопросах в последние годы стало весьма распространенным явлением и нередко выдается едва ли не за достоинство того или иного

псевдонаучного подхода. Нельзя сказать, что трансформация научного духа совершается сама по себе, не волнует ученых; тревога по поводу беспрепятственного распространения в обществе псевдонаучных взглядов высказывалась неоднократно. Отрадно осознавать, что научные постулаты в большинстве случаев объективно продолжают действовать независимо от неквалифицированной критики.

Определенная государством и формализованная в гражданском законодательстве (ст. 49 ГК РФ) общая или специальная правоспособность юридического лица обусловлена социальной значимостью осуществляемой им деятельности. Унитарное предприятие, а именно о нем фактически ведет речь К. Енов, обладает не общей, а специальной правоспособностью (абз. 2 п. 1 ст. 49 ГК РФ). Создавший такое предприятие публичный собственник сохраняет право собственности на переданное предприятию и приобретенное им в процессе осуществления производственной деятельности имущество. Само предприятие, по сути, использует чужое имущество, за целостность и сохранность которого отвечает перед собственником. Поэтому, когда вред причинен имуществу, закрепленному за государственным или муниципальным предприятием во владение, пользование и распоряжение (п. 4 ст. 214 и п. 3 ст. 215 ГК РФ), такое предприятие признается потерпевшим (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»). В случае совершения преступления, предусмотренного нормами статей главы 23 УК РФ при отсутствии заявления потерпевшего — государственного или муниципального предприятия, — уголовное преследование осуществляется на общих основаниях, т. е. так как производится при причинении вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства (п. 3 примечания к ст. 201 УК РФ).

Подытоживая сказанное, заключим: в настоящее время российское уголовно-процессуальное право обнаруживает достаточно глубокое

проникновение частноправовых начал в его правовое регулирование. Вместе с тем данная отрасль не приобретает комплексный характер, не утрачивает самобытность. Различные модели сочетания публичных и частных начал в уголовном процессе не отменяют того очевидного факта, что для обеспечения эффективной защиты от преступных деяний, как частных, так и публичных интересов должны применяться публичные средства механизма уголовно-процессуального регулирования.

Список литературы:

1. Алиев Т.Т., Громов Н.А. Основные начала уголовного судопроизводства. М.: Юристъ, 2013 г. — 345 с.
2. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства: уголовно-процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 2013 г. — 459 с.
3. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт : Высшее образование, 2013 г. — 623 с.

БОРЬБА С НЕЗАКОННОЙ ТОРГОВЛЕЙ ОРУЖИЕМ

Миронова Дарья Дмитриевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Кириленко Виктория Сергеевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры «ТП и ПСО»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Одним из основных направлений в борьбе с насильственной преступностью является организация эффективного противодействия незаконному обороту оружия. Несмотря на отсутствие единодушия относительно объемов предметов вооружения, находящихся незаконно у населения России, соответствующие цифры не могут не вызывать тревоги. Заставляют задуматься и сведения о совершении с использованием оружия преступных посягательств. Так, по данным МВД РФ, только в январе-июле 2012 г. было совершено 4,4 тыс. таких преступлений, что на 9,9 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

В этих условиях нормы уголовного права, устанавливающие уголовную ответственность за противоправное обращение с оружием и другими предметами вооружения, небезосновательно рассматриваются в качестве положений с «двойной превенцией», позволяющих не только пресекать незаконные действия, предметами которых оружие выступает, но и предупреждать совершение более опасных посягательств, чреватых тяжкими последствиями [1, с. 123].

Двойного эффекта, надо полагать, следует ожидать и от тех положений уголовного закона, которые содержат указания на основания и условия освобождения от уголовной ответственности. Однако подобный эффект не достигим без того, чтобы соответствующие обстоятельства были описаны в уголовном законе с особой тщательностью, позволяющей применять норму

в соответствии с теми задачами, которые возложены на уголовное законодательство (ст. 2 УК РФ).

Освобождение от уголовной ответственности, о котором идет речь в примечаниях к ст. ст. 222 и 223 УК РФ, означает полное избавление лица от тех юридически неблагоприятных последствий преступных действий, которые могли бы наступить для него, не будь они нейтрализованы позитивным посткриминальным поведением, суть которого заключается отнюдь не в простом сотрудничестве с органами правосудия. Добровольная сдача изъятых из свободного оборота предметов поощряется законодателем, поскольку она связана с сознательным прекращением виновным лицом своей преступной деятельности и предотвращением ее дальнейших негативных последствий, в том числе предупреждением новых преступлений. В этой связи мы не видим необходимости в том, чтобы в законе предусматривалось дополнительно такое условие освобождения, как содействие в раскрытии преступления, применительно к основным составам, описанным в ч. 1 и 4 ст. 222 и ч. 1 и 4 ст. 223 УК РФ. Однако требование способствовать раскрытию и расследованию преступления, изобличению других его участников было бы, на наш взгляд, целесообразно предъявлять к освобождаемым от уголовной ответственности членам и соучастникам преступных групп, занимающимся оружейным бизнесом.

Используя поощрительные нормы в борьбе с незаконной торговлей оружием, законодатель должен исходить из того, что дальнейшее масштабное разрастание данной криминальной деятельности нельзя предотвратить без привлечения к уголовной ответственности, прежде всего наиболее активных ее участников, то есть организаторов, руководителей, крупных изготовителей, оптовых поставщиков и т. п. И здесь без сотрудничества с другими, менее опасными участниками незаконного оборота оружия правоохранительным органам не обойтись. Именно в ответ на такую помощь, а не только на разоружение следовало бы гарантировать этим лицам освобождение от уголовной ответственности. Напротив, в подобной ситуации

требование добровольной сдачи оружия должно относиться лишь к тем участникам преступных групп, которые в данный момент таковым располагают.

Сказанное, на наш взгляд, предопределяет необходимость определения самостоятельных оснований и условий освобождения от уголовной ответственности за простые и квалифицированные виды незаконного оборота оружия.

Примечание к ст. 222 УК РФ обладает, думается, и другими не менее существенными недостатками. Так, по-прежнему затруднения у практических работников вызывает уяснение содержания самого понятия «добровольная сдача». В самом деле, запретив признавать добровольной сдачей предметов, указанных в упомянутых статьях, их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию, правотворец косвенно подталкивает практических работников к ошибочным по сути суждениям.

Во-первых, этот запрет вполне может быть воспринят как разрешение признавать во всех случаях добровольной сдачей оружия выдачу последнего по предложению властей перед началом следственного действия.

Наличие в примечании к ст. 222 УК РФ упомянутой оговорки усиливает опасность отождествления предусмотренного в данном примечании основания освобождения от уголовной ответственности с добровольной выдачей предметов, о которой идет речь в процессуальном законодательстве (ч. 5, 13 ст. 182 и ч. 5 ст. 183 УПК РФ).

Но этот ли смысл заложен законодателем в термине «добровольная сдача»? На этот вопрос в научной литературе даются различные ответы.

Мы же полагаем, что одного лишь терминологического сходства недостаточно для отождествления обозначенных с помощью соответствующих терминов понятий. Целевое назначение у примечаний к ст. ст. 222, 223 УК РФ и упомянутых положений уголовно-процессуального закона различно. Последние призваны, думается, прежде всего, обеспечить экономию средств процессуального принуждения. А роль уголовно-правового поощрения в данном случае более весомая. С его помощью предполагается исключить

из незаконного оборота также опасные предметы, которые, возможно, нельзя будет изъять даже в случае применения к лицу мер уголовной репрессии, не говоря уж о мерах процессуального принуждения.

Этот тонкий момент, думается, учтен при разъяснении понятия «добровольная сдача» Пленумом Верховного Суда РФ в его Постановлении от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. от 6 февраля 2007 г.). В п. 19 названного Постановления Пленум предписывает судам признавать добровольной сдачей огнестрельного оружия, его основных частей либо комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, предусмотренной примечаниями к ст. 222 и 223 УК РФ, «выдачу лицом указанных предметов по своей воле или сообщение органам власти о месте их нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения вышеуказанных предметов».

Во-вторых, рассматриваемое ограничение, по сути дела, лишает правоприменителя права признавать основанием для освобождения от уголовной ответственности любую сдачу огнестрельного оружия, осуществленную в процессе поисковых следственных действий, даже если она носила отнюдь не вынужденный характер.

Вполне реалистичной нам представляется следующая ситуация.

На основании полученных данных о месте нахождения запрещенных в свободном обороте предметов следователь принимает постановление о производстве обыска в данном месте с целью их обнаружения и изъятия. Однако при производстве обыска лицо, в незаконном владении которого находятся соответствующие предметы, сообщает, что они находятся в другом месте. Если руководствоваться примечаниями к ст. ст. 222 и 223 Уголовного кодекса РФ, такая выдача предметов не может быть признана их добровольной сдачей, поскольку она осуществлена при производстве следственного действия по их обнаружению и изъятию. Вместе с тем в данной ситуации у виновного

лица, несмотря на производство следственного действия, имеется реальная возможность продолжать скрывать изъятые из оборота предметы, не сообщать об их действительном месте нахождения, а по окончании обыска распорядиться ими иным способом [2, с. 320].

На наш взгляд, примечание к ст. 222 УК РФ необходимо изменить, исключив из них указание на то, что не может признаваться добровольной сдачей соответствующих предметов их изъятие при задержании лица, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Получить двойной профилактический эффект от рассматриваемого примечания мешает, на наш взгляд, и формулировка другого ограничения действия соответствующей поощрительной нормы. На небыстречность указания в законе на отсутствие в действиях лица иного состава преступления как на обязательное условие освобождения от уголовной ответственности в соответствии с некоторыми примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, обращают внимание многие исследователи. При этом наблюдается редкое единодушие в понимании оговариваемого условия. Совершение лицом иного состава преступления вовсе не признается препятствием для освобождения его от уголовной ответственности по соответствующему примечанию.

Такого единодушия, по всей видимости, не было достигнуто на практике. Не случайно Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 мая 2012 г. № 8 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен на рассмотрение проект Федерального закона РФ «О внесении изменений в статьи 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым предлагается из примечаний к ст. 222 и 223 УК РФ исключить слова «если в его действиях не содержится иного состава преступления» и конкретизировать текст примечаний уточнением о том, что лицо освобождается от уголовной ответственности именно по данным статьям, как это имеет место, например, в примечании к ст. 228 УК РФ.

Вместе с тем представляется, что такое решение обозначенной выше проблемы является не совсем верным, ибо такое условие освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 222, 223 УК РФ, как отсутствие в действиях виновного лица признаков иного состава преступления, установлено законодателем, на наш взгляд, не случайно. Добровольная сдача виновным лицом предметов, перечисленных в ст. ст. 222, 223 УК РФ, приводит к их изъятию из нелегального обращения, а значит, исключает возможность их дальнейшего использования, а также предотвращает совершение преступлений с применением оружия в будущем.

Однако данное утверждение подходит только для тех ситуаций, когда добровольно выдаваемое виновным лицом оружие не использовалось им при совершении других преступлений. Если же с использованием оружия совершались иные преступления, последовавшая за этим добровольная сдача оружия предотвращает совершение новых преступных посягательств с его использованием, но не устраняет негативные последствия незаконного владения таким оружием [3, с. 122].

Полагаем также, что добровольную сдачу оружия, даже если оно было использовано в совершении преступлений, тем не менее, следует поощрять. Однако в подобной ситуации поощрение должно быть меньшего объема. В связи с этим примечания к ст. 222, 223 УК РФ следует дополнить следующим предложением:

«в случае добровольной сдачи предметов, указанных в настоящей статье, лицом, в действиях которого содержится иной состав преступления, связанного с применением данных предметов, срок или размер наказания, назначаемого такому лицу по ч. 1 или ч. 4 ст. 222 УК РФ либо по ч. 1 или ч. 4 ст. 223 УК РФ настоящего Кодекса, не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строго вида наказания, предусмотренного соответствующей частью применяемой статьи Особенной части УК РФ».

При освещении заявленной тематики уместным представляется затронуть и проблему реализации так называемой «оружейной амнистии», под которой

понимается освобождение виновного лица от уголовной ответственности за добровольную сдачу находящегося в его незаконном владении оружия с выплатой ему установленного денежного вознаграждения (компенсации).

Порядок и условия проведения «оружейной амнистии», как правило, устанавливаются подзаконными нормативными правовыми актами, принятыми органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Однако в некоторых регионах такая мера не используется.

Вместе с тем существующая практика показывает, что материальная заинтересованность играет далеко не последнюю роль в принятии виновным лицом решения о добровольной сдаче оружия, находящегося в его незаконном владении. Так, только в 2011 году жители Волгоградской области на возмездной основе сдали 308 гранат, 293 взрывных устройства, 79 единиц гладкоствольного и 10 единиц нарезного оружия. Учитывая это, полагаем целесообразным внести в действующее федеральное законодательство (в частности, в Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии») изменения, устанавливающие обязательную выплату денежного вознаграждения всем гражданам, добровольно сдавшим оружие и подобные ему предметы, а также упомянуть о возможности получения подобного вознаграждения (компенсации) в примечании к ст. 222 УК РФ. С этой целью в нем следовало бы поместить соответствующую норму отсылочного характера.

Все изложенное позволяет нам предложить новую формулировку анализируемого примечания:

«Лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, а также в ст. 223 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного частью 1 или частью 4 настоящей статьи либо частью 1 или частью 4 ст. 223 настоящего Кодекса при условии, если оно не было исполнителем или соучастником другого преступления, совершенного с использованием данных предметов.

В случае добровольной сдачи предметов, указанных в настоящей статье, лицом, в действиях которого содержится иной состав преступления, связанного с использованием данных предметов, срок или размер наказания, назначаемого такому лицу по части 1 или 4 настоящей статьи либо части 1 или 4 статьи 223 настоящего Кодекса, не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей частью применяемой статьи Особенной части настоящего Кодекса.

Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью 2 или 3 настоящей статьи либо частью 2 или 3 статьи 223 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности за соответствующее преступное деяние, если оно активно содействовало его раскрытию и (или) расследованию, обнаружению предметов вооружения, находящихся в незаконном обороте, а также изобличению лиц, в нем участвующих.

Основания и условия выплаты материальной компенсации за добровольную сдачу предметов, указанных в настоящей статье, а также ст. 223 настоящего Кодекса, устанавливаются федеральными законами.

Примечание к ст. 223 УК РФ следует исключить.

Список литературы:

1. Долгова А.И. Криминология-учебник, М., 2013, — 345 с.
2. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2013 г., — 683 с.
3. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник» под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан, «Статут», 2012 г., — 534 с.

«САМООБОРОНА» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Москвитин Евгений Юрьевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Спектор Людмила Александровна

*научный руководитель, канд. экон. наук, доцент, зав. кафедрой «ТГиП»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В последнее время на страницах журналов и газет, по телевидению неоднократно и порой весьма эмоционально освещались различные житейские ситуации, связанные с тем, что в народе обычно называют «самообороной». При этом регулярно анонсировалось ожидаемое кардинальное решение связанных с ней вопросов Верховным Судом РФ, причем в пользу обороняющегося. 27 сентября 2012 г. высшая судебная инстанция страны откликнулась на эти ожидания, приняв Постановление № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Насколько же ожидания оправдались?

Учитывая многочисленные публикации по рассматриваемой проблематике, вряд ли есть смысл комментировать те условия правомерности необходимой обороны, которые в них называются и которые в названном Постановлении Пленума получили современное звучание. Они хорошо известны специалистам, поэтому обратим внимание на другие, наиболее значимые, на наш взгляд, положения этого документа.

1. В преамбуле нового Постановления Пленума содержится положение о том, что институты, закрепленные в ст. ст. 37, 38 УК РФ, «призваны обеспечить баланс интересов, связанных с реализацией предусмотренных в части 1 статьи 2 УК РФ задач уголовного законодательства по охране социальных ценностей, с одной стороны, и с возможностью правомерного причинения им вреда —

с другой». Это крайне важное и принципиальное положение для понимания места и роли названных (а также предусмотренных в других статьях главы 8 УК РФ) институтов в механизме уголовно-правового регулирования и охраны. Здесь также отмечается: «В этих целях в статьях 37, 38 УК РФ установлены условия, при наличии которых действия, причинившие тот или иной вред объектам уголовно-правовой охраны, не образуют преступления». Между тем реалии таковы, что ряд таких условий вообще не упоминается в уголовном законе (например, о реальности и наличности посягательства при необходимой обороне).

2. В отличие от прежнего Постановления Пленума о необходимой обороне в новом на первый взгляд принципиально по-другому трактуется основание необходимой обороны: в нем нет прямого указания на то, что «под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима в пределах ст. 13 Основ уголовного законодательства, следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона...» (п. 2). Однако фактически через весь текст нового Постановления красной нитью проходит эта же идея, квинтэссенцией которой является жесткий императив о недопустимости необходимой обороны против малозначительных деяний (п. 5 Постановления от 27 сентября 2012 г.). Но в существующей редакции ст. 37 УК РФ никаких корреляций основания необходимой обороны с его формальной уголовной противоправностью, в отличие, например, от ч. 2 ст. 14 УК РФ, не установлено.

3. В новом Постановлении Пленума предпринята попытка разрешить ситуацию, связанную с применением средств защиты от общественно опасного посягательства в так называемом «автономном режиме»: «правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягавшему лицу вред явно не соответствовал характеру

и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие) таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях» (п. 17). Данное положение, приведенное без каких-либо иллюстраций, нуждается, по нашему мнению, в уточнении (по крайней мере, в части трактовки «не запрещенных законом средств или приспособлений»). Например, можно ли признать правомерным использование капканов при защите жилых помещений от проникновения посторонних лиц с целью кражи, когда результатом этого стало причинение вреда здоровью средней тяжести?

Попытаемся, однако, посмотреть на данный документ с другой стороны.

Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, подчеркнем: необходимая оборона является необходимой в том смысле, что частному лицу без нее не обойтись, она необходима, прежде всего, в интересах обороняющегося. При такой постановке вопроса государству в лице компетентных органов следует оценивать уже реализованное право обороны не с точки зрения необходимости, а с точки зрения законности, правомерности. Подтверждением этого выступает положение, предусмотренное в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Из этого положения следует, что право на необходимую оборону — есть субъективное право, реализуемое в рамках государственно-правовых отношений. В свою очередь, гарантии и пределы его реализации должны быть предусмотрены в иных отраслях законодательства [1, с. 212].

На первый взгляд законодатель последовал конституционному императиву, предусмотрев такие гарантии в уголовном (ст. 37, п. «ж» ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ) и гражданском (ст. 1066 ГК РФ) законодательстве. В Уголовном кодексе законодатель пошел даже дальше Конституции РФ, предоставив каждому (ст. 13 УК РСФСР в редакции 1994 г.) право защищать

не только свои права и свободы, но и права и свободы других лиц. По-своему откликнулся на эту законодательную новеллу и Пленум Верховного Суда РФ, когда в п. 1 нового Постановления распространил ст. 37 УК РФ «на всех лиц, находящихся в пределах действия Уголовного кодекса Российской Федерации». Правда, при этом как бы незамеченным осталось то, что слово «каждый» просуществовало в уголовном законе всего лишь около трех лет (в период 1994—1996 гг.), а в период 1997—2002 гг. редакция ст. 37 УК РФ по большому счету мало, чем отличалась от ст. 13 УК РСФСР в первоначальной редакции.

Однако никакого внимания законодатель не уделял и не уделяет другой, пожалуй, наиболее значимой идее, прямо предусмотренной в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ. Суть проблемы в том, что ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» в зависимости от того, на что направлено общественно опасное посягательство — на жизнь обороняющегося или другого лица либо на иные менее значимые блага, чем жизнь, — устанавливает соответствующие этой направленности два вида (режима) необходимой обороны: в ч. 1 — беспредельный, если можно так выразиться, т. е. неограниченный характер оборонительных действий, допускающий причинение посягающему любого вреда, в том числе лишение его жизни; в ч. 2 — оборону, подчиняющуюся обычным требованиям, в том числе действию правил о превышении пределов необходимой обороны [2, с. 98]. Предположим, обороняющийся, определив для себя направленность посягательства, избрал первый вариант защиты с убежденностью, что она не преступна с точки зрения ч. 1 ст. 37 УК РФ. Но проникнется ли позднее такой же убежденностью, например, следователь, применяющий уголовный закон? По нашему мнению, это — вопрос, положительный ответ на который в рамках и прежнего, и действующего уголовного законодательства гарантировать никто не может. Были надежды на то, что данная проблема найдет свое отражение в новом Постановлении Пленума. Однако то, как это сделано в п. 2 Постановления, вряд ли «работает» на обороняющегося. По крайней мере, представляется сомнительной рекомендация Пленума о том, что для обороны в режиме, предусмотренном ч. 1

ст. 37 УК РФ, необходимо, например, «дождаться» «ранения жизненно важных органов, применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушения, поджога».

Тем не менее, оценивая новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне, следует признать, что причина неудовлетворенности от него заключается не в нерешительности или в излишней осторожности разработчиков его проекта, а в несовершенстве самого предмета толкования, т. е. в состоянии уголовного законодательства о необходимой обороне и, прежде всего, существующей редакции ст. 37 УК РФ. Разграничив однажды (в 1994 г.) необходимую оборону на беспредельную и подчиняющуюся правилам о превышении пределов обороны в зависимости от направленности общественно опасного посягательства на жизнь и другие менее значимые блага, законодатель тем самым поставил препятствие, например, для беспредельной защиты практически от всех видов сексуальных посягательств (за исключением, пожалуй, изнасилования, соединенного с угрозой убийством). Соответственно, возникает вопрос: насколько это справедливо и обоснованно опять же с точки зрения ч. 2 ст. 45 Конституции РФ?

Нужно признать, что, провозгласив однажды в Конституции РФ 1993 г. право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45), законодатель, несмотря на свою видимую активность, за истекшие почти двадцать лет так и не создал соответствующих гарантий реализации этого права. На первый взгляд, разрешив использовать при защите любые способы, не запрещенные законом, законодатель «развязал руки» обороняющемуся. На самом же деле, гарантируя реализацию конституционного права на оборону в уголовном законе, в Особенной части которого запрещены практически все возможные способы защиты, законодатель поставил субъекта необходимой обороны в положение, при котором необходимо защищаться сначала от посягающего, а затем — от органа, применяющего уголовный закон [3, с. 45].

Для правоприменителя любой вред, в том числе и причиненный в результате правомерной необходимой обороны, всегда представляет собой вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Иначе как через призму норм-запретов Особенной части УК РФ он изначально оцениваться не может. Принимая во внимание это обстоятельство, именно законодателю, а не правоприменителю даже в форме Постановления Пленума необходимо назвать конкретные способы, ситуации, при которых может быть реализовано право обороны в рамках ч. 1 ст. 37 УК РФ, имея в виду при этом, что они уже запрещены в Особенной части того же самого закона.

Конкретные предложения по практической реализации этой идеи имеются в отечественной литературе (например, в работах С.В. Пархоменко, Д.А. Гарбатовича, В.В. Мальцева). Целесообразно в этом плане было бы проанализировать и имеющийся опыт зарубежного уголовного законодательства (в частности, Франции, США). Такого рода законодательство о необходимой обороне должно быть не только известно потенциальным ее субъектам, но и понятно им. До настоящего же времени знание условий правомерности необходимой обороны — это удел специалистов и правоприменителя. Потенциальные субъекты необходимой обороны, скрываемые в ч. 2 ст. 45 Конституции РФ за словом «каждый», играют с уголовным законом «вслепую».

Список литературы:

1. Питецкий В.В. Уголовно-правовое значение автоматически срабатывающих средств при осуществлении права на необходимую оборону // Российская юстиция. 2011. № 7.
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт : Высшее образование, 2013 г., — 623 с.
3. Чудиновских А.О., Игнатов С.Д. К вопросу об особенностях доказывания по делам о превышении пределов необходимой обороны // Российский следователь. 2013. № 23.

К ВОПРОСУ О ПРИМИРЕНИИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Науменко Михаил Владимирович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Цечоев Валерий Кулиевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением сторон появилась в Российском уголовном законодательстве более десяти лет назад, что стало важным шагом в развитии как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства, в развитии более гуманных и в то же время действенных способов разрешения конфликтов, порождаемых преступлением. Практика применения указанной нормы показала, что примирение с потерпевшим — весьма эффективный инструмент современной уголовной политики [1; с. 76—77]. С принятием в 2002 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации указанная норма освобождения от уголовной ответственности стала применяться в судебной практике значительно шире.

Однако действующая редакция статьи 25 УПК РФ, устанавливающая порядок прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, порождает целый ряд проблем. Рассмотрим некоторые из них.

Законодатель в самом общем виде определяет, что освобождение в связи с примирением с потерпевшим возможно при совершении преступления небольшой или средней тяжести, не конкретизируя круг деяний, по уголовным делам о которых было бы возможно применение данного установления. В связи с этим в научной литературе нередко поднимается вопрос: по делам о любых ли преступлениях, относящихся к указанным статьями 25 УПК РФ и 76 УК РФ категориям, возможно освобождение от уголовной ответственности в связи

с примирением или перечень таких преступлений носит ограниченный характер? Возможна ли реализация процедуры примирения по таким делам, где потерпевший является элементом не основного, а дополнительного объекта, в то время как в качестве основного объекта выступают общественные или государственные интересы?

Ни уголовный, ни уголовно-процессуальный законы не содержат прямых запретов на прекращение в связи с примирением сторон уголовных дел о так называемых двухобъектных преступлениях, а также дел, по которым отсутствует потерпевший, поэтому судьи довольно активно следуют данной практике в своей судебной деятельности при прекращении уголовных дел.

Среди ученых по поводу указанной проблемы получили распространение два различных мнения. Первое — о необходимости четкого определения круга деяний, по которым возможно примирение сторон; о запрете прекращения уголовных дел в случае, когда объектом преступного посягательства явились публичные интересы. Приверженцы другой точки зрения считают невозможным введение подобного ограничения [4; с. 56].

Однако если в ситуации с возможностью примирения по делам о преступлениях, объектами которых являются общественный порядок, здоровье населения, экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта и т.п., можно так или иначе прийти к единому решению, то в случае примирения сторон по уголовным делам о преступных деяниях, предусмотренных, например, по части 1 статьи 318 УК РФ (применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей), возникает более серьезная проблема (в том смысле, что решение в данном случае найти намного сложнее).

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос вытекает из положений закона. Согласно статьям 25 УПК РФ и 76 УК РФ при наличии указанных в них условий уголовные дела могут быть прекращены в связи с примирением

по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Таким образом, прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. В тех случаях, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах УК РФ, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительный объект этого посягательства, примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства. Значит, в этом случае преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено.

Вместе с тем представляется, что если по делам о «двухобъектных» преступлениях посягательство на основной, приоритетный объект в силу малозначительности может быть признано формальным, а с потерпевшим достигнуто примирение, то и они также могут быть прекращены за примирением сторон. Однако признавать или не признавать посягательство малозначительным, будет решать лицо, в производстве которого находится уголовное дело. Данное решение суд, следователь, дознаватель должны будут мотивировать в постановлении.

На наш взгляд, примирение возможно всегда, когда преступление обращено против частных интересов потерпевшего, т. е. в случае причинения вреда конкретному потерпевшему. Если же речь идет о «двухобъектных преступлениях», а вред причиняется не только потерпевшему, но и обществу, суду необходимо оценивать объем вреда, причиненного интересам общества. Мы полагаем, что, если объем значительный, примирение состояться не может.

Среди проблем института примирения с потерпевшим, поднимаемых в научной литературе, существует и вопрос о том, возможно ли примирение сторон в случае гибели потерпевшего. Казалось бы, в данном случае не должно возникать каких-либо вопросов. Часть 8 статьи 42 УПК РФ четко закрепляет, что по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась

смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников. Выходит, что законный представитель потерпевшего также может изъявить желание примириться с лицом, совершившим преступление. Однако решение данной проблемы носит не столь однозначный характер. Статья 25 УПК РФ именуется «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон». Обратимся к уголовно-процессуальным понятиям, закрепленным в статье 5 УПК РФ. Пункт 45 статьи 5 УПК РФ закрепляет, что сторонами в уголовном процессе являются участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения. Таким образом, во-первых, законный представитель (представитель), так же как и потерпевший, относится к одной из сторон уголовного процесса — стороне обвинения (пункт 47 статьи 5 УПК РФ). Во-вторых, часть 3 статьи 45 УПК РФ наделяет законных представителей и представителей потерпевшего теми же процессуальными правами, что и потерпевшего. В-третьих, согласно части 1 статьи 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда. Как уже говорилось, согласно части 8 статьи 42 УПК РФ, если последствием преступления является смерть лица, то права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников. В таком случае близкий родственник погибшего приобретает процессуальный статус потерпевшего. Таким образом, близкому родственнику лица, погибшего в результате совершенного преступления (например, в случае нарушения лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшего по неосторожности смерть человека — часть 2 статьи 264 УК РФ), признанному постановлением дознавателя, следователя или суда потерпевшим либо его представителем, закон позволяет являться одной из сторон примирения по уголовному делу [7; с. 18].

Однако справедливо ли подобное положение вещей, допустимо ли с морально-этической точки зрения? На наш взгляд, нет. Поэтому предлагаем ввести ограничение на применение статьи 25 УПК РФ в случае гибели потерпевшего. Подобные предложения уже поступали к законодателю. Так, в феврале 2011 года в Государственную Думу Российской Федерации поступила инициатива «ограничить возможность уйти от уголовной ответственности тем, кто убил человека за рулем». В качестве своих аргументов инициаторы изменений приводят примеры из практики по ряду уголовных дел, вызвавших широкий общественный резонанс, прекращенных производством за примирением сторон. «Возможность примирения без уголовного дела — это довольно удобный способ откупиться от наказания. Однако зачастую он оказывается спорным. На каком основании родные идут на примирение с убийцей, кто им дал право прощать или не прощать, если пострадавший погиб? В практике применения норм о примирении лица, совершившего преступление, с потерпевшим часто встает еще один вопрос: нужно ли привлекать лицо, совершившее преступление, в качестве обвиняемого или допустимо примирение сторон, минуя данное процессуальное действие? Статья 25 УПК РФ допускает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Статья 76 УК РФ вообще не говорит о процессуальном статусе лица, освобождаемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. На мой взгляд, правильнее было бы закрепить обязанность органов следствия привлекать лицо в качестве обвиняемого, прежде чем прекращать уголовное дело в связи с примирением сторон. Подобная точка зрения разделяется многими учеными. Ни уголовно-правовые, ни уголовно-процессуальные нормы не закрепляют, возможно ли прекращение уголовного дела за примирением сторон в случае, если лицо, совершившее преступление, уже участвовало в примирительной процедуре ранее, по другому уголовному делу. Статьи 25 УПК РФ и 76 УК РФ говорят о лице, совершившем преступление небольшой или средней тяжести впервые.

Но что означает «совершение лицом преступления впервые»? Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу. Таким образом, даже если данный обвиняемый уже проходил через процедуру примирительного правосудия и был освобожден от уголовной ответственности, но потом вновь совершил преступное деяние небольшой или средней тяжести, он, тем не менее, может вновь примириться с потерпевшим, загладить причиненный ему вред и уголовное дело в отношении его будет снова прекращено.

Однако даже если будут решены все вышеобозначенные проблемы, потерпевший примирится с лицом, совершившим преступление, последний загладит причиненный ему ущерб, это еще не означает, что дело будет прекращено за примирением сторон. Довольно часто ставится на обсуждение вопрос о том, вправе или обязан государственный орган принять решение об освобождении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, от уголовной ответственности в случае примирения его с потерпевшим. Как уголовное, так и уголовно-процессуальное законодательство России закрепляет за судом, следователем, дознавателем право на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Таким образом, окончательное решение по прекращению дела остается за властными органами, которые могут посчитать, что заявление пострадавшего о примирении с лицом, преследуемым в уголовном порядке, не является достаточным основанием для прекращения процедуры уголовного преследования. В таком случае

производство по делу будет продолжено так, словно потерпевший и не подавал никакого заявления.

Законодательство РФ не содержит четких критериев, по которым должна оцениваться допустимость освобождения от ответственности лица, совершившего преступление, и прекращения в отношении его уголовного преследования в связи с примирением с потерпевшим. По сути, стороны конфликта, порожденного преступлением (потерпевший и обвиняемый), если и могут что-то изменить в движении процесса во благо себе, то лишь при условии, что государство позволит им это. С одной стороны, у потерпевшего и обвиняемого имеется юридическая возможность путем достижения примирения прекратить не только имевший место между ними криминальный конфликт, но и преодолеть каждый для себя негативные последствия последнего. Но, с другой стороны, эта возможность для них ограничена тем, что итоговое решение о дальнейшей судьбе дела по достигнутому примирению остается именно за правоприменителем. Как уже говорилось выше, в последнее время процент уголовных дел, прекращенных за примирением сторон, по отношению к общему количеству прекращенных уголовных дел остается на довольно высоком уровне — около 80 %. Органами внутренних дел юга Ростовской области за примирением сторон в 2010 г. прекращено 41,3 % по отношению к общему количеству прекращенных уголовных дел. При этом всего было прекращено уголовных дел: в 2008 г. — 567, в 2009 г. — 553, в 2010 г. — 564. При ежегодном уменьшении общего количества прекращенных уголовных дел в органах внутренних дел количество уголовных дел, прекращенных по ст. 25 УПК, остается примерно одинаковым. Таким образом, следует вывод: примирение сторон — наиболее распространенное основание прекращения уголовных дел (как в судах, так и в органах внутренних дел).

Надлежащее оформление прекращения уголовного дела за примирением сторон, на наш взгляд, предполагает:

- наличие заявления потерпевшего о прекращении уголовного дела, о примирении с обвиняемым (подозреваемым) и заявление обвиняемого о том, что он примирился с потерпевшим и не возражает против прекращения уголовного дела;

- проверку следователем добровольности подачи потерпевшим такого заявления (например, с помощью проведения допроса, путем изучения личности потерпевшего и обвиняемого (подозреваемого), характер их межличностных отношений);

- наличие факта возмещения ущерба подтверждается соответствующими документами (квитанцией, распиской).

Обобщение материалов судебной практики показывает, что в судах не сложилось единого механизма прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Всевозможные нарушения, допущенные судами, полярно различные позиции по многим моментам свидетельствуют о необходимости подробной регламентации процедуры примирения по уголовным делам.

Институт примирения сторон имеет большой потенциал, он мог бы стать весьма эффективным способом решения конфликтной ситуации, порожденной преступлением. Однако существующая редакция статьи 25 УПК РФ вызывает множество спорных моментов. Законодателю стоит прислушаться к рекомендациям правоведов и практиков, воспользоваться предложениями по совершенствованию нормы о примирении сторон и принять новую редакцию статьи 25 УПК РФ.

Список литературы:

1. Артеменко Н.В., Минькова А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Рос. судья. 2007. № 6.
2. Белоусов В., Анастасов С. Реализация потерпевшим права на отказ от уголовного преследования // Уголовный процесс. 2007. № 4.
3. Восканян М. Примирение сторон портит статистику правоохранителей // Адвокат. газета. 2009. № 9.
4. Куприянов А.А. Освобождение от ответственности за примирением обвиняемого с потерпевшим по части 1 статьи 318 УК РФ // Уголовный процесс. 2008. № 4.
5. Малышева О.А. О критериях оценки деятельности органов предварительного расследования // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 15-летию образования следственного аппарата в России): Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: В 3 ч. М.: Акад. управления МВД России, 2010. Ч. 1.
6. Чурилов Ю.Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2.
7. Шамардин А.А. Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Рос. юстиция. 2011. № 2.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ: АНТИЧНОСТЬ, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ, НОВОЕ ВРЕМЯ

Нигматулин Тимур Маликович

*студент 5 курса кафедры гражданского права, ЮИ ТГУ,
РФ, г. Томск
E-mail: ntm_rebel@mail.ru*

Татаркина Ксения Павловна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент ЮИ ТГУ,
РФ, г. Томск*

Предпринимательская и профессиональная деятельность являются неотъемлемой частью общественных отношений в любом государстве. Саморегулирование — важный элемент в регулировании этой части отношений, заключающийся в альтернативе государственным механизмам, что особенно значимо в контексте отечественной рыночной экономики. Саморегулирование естественно для предпринимательской среды. Кроме того, оно позволяет повысить эффективность регулирования рыночных процессов, снизив при этом затраты на последнее.

Цель настоящего исследования заключается не только в поиске фактов, отвечающих на вопрос, когда возникло и оформилось саморегулирование в предпринимательском праве, но и в демонстрации потенциала данного явления как возможного альтернативного варианта регулирования отношений, наряду с государственным регулированием. Кроме того, анализ исторического опыта позволяет выявить связи саморегулирования и других категорий. Примером этого, может служить предположение о том, что уровень развития саморегулирования находится во взаимосвязи с уровнем развития предпринимательства и хозяйства в государстве.

Однако прежде чем, отвечать на поставленные вопросы необходимо обратить внимание на следующее. Исследование исторического пути развития саморегулирования и саморегулируемых организаций с древнейших времен и до нашего времени следует проводить во взаимосвязи, поскольку это категории тесно связанные между собой. Кроме того, саморегулирование

как правовая категория появилось лишь в недавнее время, и не было известно до нового времени. Однако, как явление оно или, по крайней мере, отдельные его признаки начали появляться еще в античное время.

Современное понятие саморегулирования дается законодателем в Федеральном законе от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» [4]: под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

Античность — наиболее ранний этап, свидетельствующий о зарождении саморегулирования и его начал. В этот период следует говорить именно о зарождении и появлении начал этого явления, поскольку окончательное формирование саморегулирования, как думается происходит гораздо позднее. Впервые элементы саморегулирования появляются в сельских общинах некоторых государств, например, таких как Древняя Армения V—IV веков до н. э. [6] Вместе с тем, в римском обществе, в классический и постклассический периоды, создаются профессиональные союзы ремесленников, объединяющихся по своей собственной инициативе и инициативе власти. Хотя, союзы и характеризуются обязательным и наследственным членством, в тоже время, членство в них дает определённые преимущества, нашедшие своё выражение в освобождении членов союзов от несения ряда обязанностей.

Основная цель подобных объединений в разных государствах этого периода состоит не в защите прав и интересов участников, а в более удобном для власти способе контроля над ремесленниками, работниками и торговцами [3]. Для государства в целях стабилизации хозяйства и его развития союзы представляются лучшей формой, чем разрозненные ремесленники вообще. В тоже время собственная инициатива ремесленников по созданию союзов, и не высокий уровень развития публичного права

(по сравнению с частным) может также свидетельствовать о проявлении отдельных начал саморегулирования в таких объединениях.

В средневековье на территории Древней Руси возникают первые торговые профессиональные объединения [6]. Однако, прообраз СРО в этот период воплощается в германских гильдиях известных с VIII века. Эти союзы берут свое начало из военных и религиозных братств, с добровольным членством, и назначением — защитой и осуществлением прав своих членов [3]. Стоит согласиться с высказыванием И.Г. Морозовой, что, как и в период античности, цель таких союзов, заключалась в более удобном для государства способе контроля ремесленников. Об этом может свидетельствовать распространение дисциплины и субординации, которые вытекают из военного и религиозного характера братств. В итоге это приводит в большей степени к сохранению централизации, чем к развитию децентрализации и саморегулирования.

В дальнейшем на территории Европы появляются объединения, характеризующиеся большей самостоятельностью, а также более сложной системой организации в регулировании своей деятельности — цехи. Их члены это башмачники, юристы, ювелиры, судьи, т. е. светские профессии. Следует отметить, что не религиозный характер их деятельности является причиной большей свободы — гильдии самостоятельно регулировали такие вопросы как обучение, членство и особенности производственной, трудовой и торговой деятельности. Секуляризм, открывшая путь для такой свободы, открыла путь и для усиления самостоятельности, и усложнения системы организации объединений.

По мнению И.Г. Морозовой, саморегулирование непосредственно предпринимательских отношений появляется именно в средние века в Западной Европе, где возникают первые объединения купцов. «Отдельные сословия вырабатывали самостоятельно порядок юридических отношений между своими членами. В каждом городе купцы разделялись на корпорации сообразно предмету своей торговли» [7, с. 54]. Однако, одно регулирование сословиями внутреннего порядка не является единственно существенным признаком

саморегулирования. Согласно существующему легальному определению, саморегулирование означает кроме создания правил, еще и осуществление контроля за их соблюдением, при условии самостоятельности и инициативности. Обращая внимание, таким образом, что в этом случае не все признаки учтены, говорить об окончательном формировании саморегулирования в это время также не следует.

Вместе с тем, на данном этапе важно отметить тот факт, что в некоторых городах Германии цехи получали реальную публичную власть, так «в Кёльне Большой совет города составлялся из выборных 22 цехов и обществ» [5, с. 419]. Подобное обстоятельство подчеркивает не только частно-правовой потенциал саморегулирования, но одновременно и публично-правовой, поднимая вместе с тем вопрос соотношения рассматриваемой категории с самоуправлением.

В новое время проявление механизма и отдельных черт саморегулирования обнаруживается в образованном в 1770 г. Английском клубе в Санкт-Петербурге, в 1872 г. в общественных организациях представителей кредитных учреждений [1], в адвокатуре, и в 1870 году Московской бирже [6].

Наибольшее значение для всей истории становления саморегулирования имеет конец первой половины нового времени.

«Первой саморегулируемой организацией в современном понимании считается Нью-Йоркская фондовая биржа. Её возникновение связано с подписанием 17 мая 1792 г. 24 брокерами соглашения (Buttonwood Agreement) об установлении фиксированного размера комиссионных и предоставлении друг другу льгот во время переговоров, связанных с продажей ценных бумаг».

Таким образом, история возникновения и оформления саморегулирования насчитывает более двух тысяч лет, и только подходя к рубежу нового и новейшего времени, стоит говорить о возникновении саморегулирования в праве и как его формы воплощения — СРО. Также важно, обратить внимание, и на следующий факт. В античное время, средние века, и новое время о саморегулировании следует говорить только как о явлении, имеющем только

некоторые признаки современной правовой категории саморегулирования. Развитие механизма саморегулирования происходило естественным путем, после накопления исторического опыта, а с заключением соглашения между американскими брокерами был закреплён результат формирования данного механизма.

Конечно, история саморегулирования не заканчивается периодами, рассматриваемыми в настоящем исследовании. Тем не менее, затрагивая период новейшего времени, следует отметить, что на этом этапе речь идет уже о становлении саморегулирования в мире и оформлении и становлении его в России.

Список литературы:

1. Зенькович Е.В. Рынок ценных бумаг: административно-правовое регулирование. / под ред. Л.Л. Попова. М.: Волтерс Клувер, 2007. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 08.08.2014).
2. Герасимов А.А. Зарубежный опыт регулирования деятельности саморегулируемых организаций. Адвокат. 2010. № 6 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 29.08.2014).
3. Морозова И.Г. Некоторые вопросы исторического развития саморегулируемых организаций // Законодательство и экономика. 2012. № 11 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 29.08.2014).
4. О саморегулируемых организациях : федер. закон Рос. Федерации от 1 дек. 2007 г. № 162-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2007. — № 49, — Ст. 6076.
5. Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. Т. 1: учебник. М.: Эксмо, 2005. — 592 с.
6. Чекулаев М. Эволюция гильдий. Аналитика и комментарии./ Национальный банковский журнал — NBJ. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.nbj.ru/publs/banki-i-vlast/2006/06/07/archive-publ-8991/index.html> (дата обращения 15.08.2014).
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: т. 1. (в 4 т.) Статут, 2005. — 478 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПЕРСОНАЛА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Орзулова Кристина Вячеславовна

*студент юридического факультета НАЧОУ ВПО СГА,
РФ, г. Уссурийск
E-mail: orz-kristina@mail.ru*

Майстренко Григорий Александрович

*научный руководитель, канд. юрид. наук,
ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России,
РФ, г. Москва*

Становление Российского правового государства на основе общепризнанных принципов и норм международного права вызывает необходимость реформирования правоохранительных органов, обеспечивающих защиту интересов личности, общества, государства. В правоохранительной сфере особое место занимает уголовно-исполнительная система, деятельность которой подчинена достижению цели исправления лиц, преступивших закон, решения задач частного и общего предупреждения преступности. Выполнение вышеуказанных задач возлагается на работников уголовно-исполнительной системы.

К работникам уголовно-исполнительной системы, относятся лица, имеющие специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — сотрудники уголовно-исполнительной системы), рабочие и служащие учреждений, исполняющих наказания, объединений учреждений с особыми условиями хозяйственной деятельности, федеральных государственных унитарных предприятий уголовно-исполнительной системы, федерального органа уголовно-исполнительной системы и его территориальных органов, а также следственных изоляторов, предприятий, научно-исследовательских, проектных, медицинских, образовательных и иных организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему (далее — учреждения УИС) [1, статья 24]

Работники уголовно-исполнительной системы, состоящие в штатах учреждений УИС являются персоналом учреждений, исполняющих наказания.

Правовой статус персонала уголовно-исполнительной системы можно сформулировать как систему закрепленных в нормативно-правовых актах прав, обязанностей, гарантий установленных прав и ответственности за неисполнение обязанностей для работников уголовно-исполнительной системы.

На данный момент порядок и условия прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы регламентируются Трудовым Кодексом РФ, Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» и Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Удивительно, но передача пенитенциарной системы из Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации (далее — Минюст России) произошла еще в 1998 году, а закона о прохождении службы в УИС до сих пор нет.

В целях совершенствования системы исполнения уголовных наказаний, а так же повышения статуса службы в УИС необходимость разработки и принятия законопроекта о службе в уголовно-исполнительной системе очевидна.

Министерством юстиции России в соответствии со статьей 21 ФЗ от 21.07.1998 № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ в связи с реформированием УИС» в 2000 году был подготовлен проект Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции РФ». Проект был внесен депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ Абельцевым С.Н. и Илюхиным В.И. и состоял из преамбулы и девяти глав, включающих 74 статьи, основная часть которых являются нормами прямого действия. Но законопроект 15.02.2001 был отклонен Президентом РФ [5].

Стоит отметить, что Министерством Юстиции РФ подготовлен новый проект Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе», который с 25.10.2013 по 09.12.2013 прошел публичное обсуждение и планируемый срок вступления в законную силу данного нормативного акта

01.01.2015. Однако проект Федерального закона еще не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ.

Проект федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» подготовлен в целях регламентации вопросов прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Законопроектом устанавливаются правовые, организационные и финансово-экономические основы прохождения службы в уголовно-исполнительной системе [6].

В данном законопроекте правовому положению (статусу) сотрудника УИС посвящена 3 глава, в которой расшифровывается понятие «сотрудник», устанавливаются основные права и обязанности сотрудников, а также ограничения и запреты, связанные со службой в уголовно-исполнительной системе, требования к служебному поведению сотрудников.

Предлагаемое к законодательному урегулированию количество запретов и ограничений на службе в уголовно-исполнительной системе превышает в силу ее специфики количество запретов и ограничений на государственной гражданской службе и на военной службе.

В целях компенсации вводимых запретов и ограничений, а также в целях обеспечения исполнения сотрудником его должностных обязанностей законопроектом закрепляется право сотрудника на дополнительные социальные гарантии, устанавливаемые федеральным законодательством. К примеру, дополнительный отпуск за ненормированный служебный день продолжительностью не менее 3 и не более 10 календарных дней, или сотруднику при стаже службы в уголовно-исполнительной системе в календарном исчислении 20 лет и более в любой год из последних трех лет до достижения им предельного возраста пребывания на службе в уголовно-исполнительной системе либо в год увольнения со службы в связи с состоянием здоровья или в связи с сокращением должности в уголовно-исполнительной системе предоставляется по его желанию отпуск по личным обстоятельствам

продолжительностью 30 календарных дней с сохранением денежного довольствия [6, статьи 58, 63].

Следует разделить персонал исправительных учреждений на две категории, решающие различные задачи и имеющие неодинаковый правовой статус: сотрудники, имеющие специальные звания; рабочие и служащие исправительных учреждений.

Сотрудники составляют большинство персонала исправительного учреждения, они несут основную нагрузку по достижению поставленных перед учреждениями УИС задач. При этом сотрудники исправительных учреждений имеют свой отличительный правовой статус.

Правовой статус рабочих и служащих исправительных учреждений не имеет разительных отличий от правового статуса работников гражданских учреждений и организаций России.

Реальность такова, что в одном отделе учреждения УИС работают бок о бок сотрудники и рабочие и служащие, бывает с одинаковым объемом служебных задач, например один заместитель главного бухгалтера сотрудник, а другой — служащий, а в соседнем учреждении только один заместитель главного бухгалтера — служащий. Хотя так однозначно об объеме задач нельзя заявлять, потому что на сотрудника возлагаются специально прописанные обязанности и ограничения, которых нет для рабочих и служащих.

Все сотрудники УИС принимают присягу, им присваиваются специальные звания «внутренней службы», выдаются служебные удостоверения и присваиваются личные номера с указанием их на специальных жетонах. Сотрудники обязаны обеспечить сохранность служебных удостоверений и жетонов [7, статья 1].

При исполнении служебных обязанностей сотрудник УИС находится под защитой государства. Никто, кроме органов и должностных лиц, прямо уполномоченных на то законом, не вправе вмешиваться в его деятельность.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы в своей служебной деятельности руководствуется требованиями законов и не может быть

ограничен решениями политических партий, общественных объединений и массовых общественных движений, преследующих политические цели. За противоправные действия или бездействие при исполнении служебных обязанностей, ненадлежащее исполнение служебных обязанностей сотрудник УИС несет ответственность в соответствии с действующим законодательством [7, статья 4].

Важной обязанностью сотрудников уголовно-исполнительной системы является обязанность на территории России, независимо от занимаемой должности, времени суток, и места нахождения, в случае обнаружения событий, угрожающих личной или общественной безопасности, принимать меры для спасения людей, предотвращению и пресечению правонарушений, задержанию лиц по подозрению в совершении преступлений и сообщить об этом в ближайший орган внутренних дел Российской Федерации [1, статья 26].

Все сотрудники УИС должны уметь действовать в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. В этих целях, а также для укомплектования УИС высококвалифицированными специалистами Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет профессиональную подготовку сотрудников УИС, которая включает в себя: прохождение стажировки по месту службы (как правило, 3 месяца); специальное первоначальное обучение в специализированных ведомственных учебных центрах; периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; подготовку специалистов в высших учебных заведениях ФСИН России; повышение квалификации и переподготовку.

За образцовое исполнение обязанностей и достигнутые высокие результаты в службе для сотрудников предусматриваются конкретные виды поощрений, закрепленные в статье 36 Положения о службе в ОВД,

а за нарушение служебной дисциплины налагаются взыскания, предусмотренные статьей 38 того же Положения.

Служба в уголовно-исполнительной системе требует полной самоотдачи, терпения, хорошей физической и психологической подготовки, знания законодательства РФ и т. п.

К персоналу УИС предъявляются повышенные требования, так как они являются государственными служащими и исполняют свои обязанности в интересах государства. Так приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 11.01.2012 № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» устанавливаются нравственно-этические и профессиональные требования, которыми работники руководствуются во время службы и в свободное от работы время. Например, ведется мониторинг наложения административных наказаний на сотрудников УИС.

В последние годы политика государства направлена на улучшение правового статуса сотрудников уголовно-исполнительной системы. Так, в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудникам УИС увеличено денежное довольствие, введены гарантии, пособия и другие денежные выплаты в связи с прохождением службы, предусмотрены гарантии по решению жилищных вопросов, медицинскому обслуживанию, санаторно-курортному лечению и т. п.

Но хотелось бы отметить, что данные улучшения стали возможны в результате проведенной оптимизации кадров уголовно-исполнительной системы. В связи с чем произошли сокращения сотрудников, которые негативно отразились на службе, а именно, объем службы, выполняемый сотрудниками возрос.

В системе УИС произошло много событий, в том числе и повышающих престиж службы: утверждена Концепция развития УИС в период до 2020 года, указом Президента Российской Федерации утверждено знамя Федеральной службы исполнения наказаний, знамена ее территориальных органов и образовательных учреждений профессионального образования, принят новый ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Министерством Юстиции РФ разработан проект Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе».

Общественное мнение и престиж службы повышается. И, я надеюсь, что правовой статус персонала УИС будет повышаться и в дальнейшем, а сотрудник УИС будет примером для подражания.

Те, кто работает в УИС или поступает на службу, считают престижной службу в уголовно-исполнительной системе.

Список литературы:

1. Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» [Электронный ресурс]: Дата обновления: 02.04.2014. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Федеральный закон от 21.07.1998 № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты РФ в связи с реформированием УИС» [Электронный ресурс] : Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Постановление ГД ФС РФ от 02.06.2000 № 447-III ГД «О проекте Федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции РФ». Паспорт проекта Федерального закона № 99041910-2 «О службе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы компании «Консультант Плюс».

6. Проект ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» / ID проекта: 00/04-8159/10-13/46-13-4 [Единый портал]: Дата обновления: 25.10.2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://regulation.gov.ru/project/8159.html>
7. Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденное постановлением Верховного Совета РФ от 23.12.1992 № 4202-1 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г.» [Электронный ресурс]: С изменениями и дополнениями от 31.05.2012. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

СТРУКТУРА АЛГОРИТМА ТАКТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СИТУАЦИЙ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Осипов Роман Викторович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Иванов Владимир Дмитриевич

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

В рамках криминалистической адвокатологии алгоритм разрешения ситуации защиты от уголовного преследования представляет собой систему выполняемых в заданном порядке действий и операций профессионального защитника, направленных на определение конкретного вида защитной ситуации и избрание наиболее результативных способов и методов воздействия на нее с целью преобразования в ситуацию, более благоприятную для достижения конечной цели осуществления защитительной деятельности, а также решения промежуточных тактических задач защиты.

Определение сущности рассматриваемого вида криминалистического алгоритма выступает лишь первым шагом на пути к созданию эффективной концепции успешного тактического разрешения ситуаций защиты по уголовным делам. Осознавая специфическую направленность таких алгоритмов и их отличительные свойства, необходимо установить их четкую структуру, позволяющую оптимальными способами разрешать поставленные задачи.

В целом алгоритмы разрешения различных видов криминалистических ситуаций в настоящее время еще недостаточно исследованы. На современном этапе разработано две основные структурные схемы таких алгоритмов.

Так, например, по мнению И.Л. Ландау, данный алгоритм применительно к технико-криминалистическим ситуациям представлен следующими основными этапами [1; с. 7]:

1. Анализ конкретной технико-криминалистической ситуации;
2. Сравнение данной ситуации с типовой;
3. Определение возможных путей разрешения ситуации;
4. Выбор наиболее оптимального из них.

Предложенный алгоритм носит весьма общий характер, не предоставляя конкретизирующих указаний, позволяющих субъекту правильно применить его на практике. Он не определяет преимущественных методов реализации каждого из перечисленных этапов, что может негативно отразиться на процессе решения соответствующих задач алгоритма. В то же время несомненным его достоинством является безоговорочная универсальность, отсутствие привязки к какому-либо специфическому виду технико-криминалистических ситуаций. По сути, составленный автором алгоритм применим к абсолютному большинству ситуаций, изучаемых криминалистикой, т. к. описывает структуру тактически верной ситуационной трансформации.

В отличие от весьма сжатого алгоритма эффективного ситуационного преобразования, составленного И.Л. Ландау, И.В. Румянцева предлагает гораздо более подробный алгоритм диагностики и разрешения ситуации судебного следствия. Он представлен восемью основными этапами:

1 этап. Диагностика ситуации судебного следствия (по мнению автора, в нее входят: выявление барьера в компоненте ситуации, определяющего ее характер; общая диагностика типа ситуации и выявление истоков появления барьеров в данном компоненте);

2 этап. Предварительный выбор способа воздействия на типовую ситуацию (зависит от конкретных истоков появления барьеров в компоненте);

3 этап. Учет субъективных и объективных факторов, способных повлиять на изменение данной ситуации (автором приводится примерный перечень таких факторов);

4 этап. Предварительный выбор алгоритма;

5 этап. Прогнозирование действия выбранного алгоритма на данную ситуацию (включает учет изменения поведения участвующих в данной ситуации лиц и вариантов их отражения на характере видоизмененной ситуации судебного следствия, а также оценку эффективности алгоритма);

6 этап. Окончательный выбор алгоритма разрешения ситуации;

7 этап. Применение алгоритма;

8 этап. Принятие решения.

Несмотря на достаточно подробный характер составленного алгоритма, его четкую ориентированность на разрешение конкретного вида криминалистических ситуаций, наличие комментариев и дополнительных авторских рекомендаций, изложенный алгоритм все же видится нам не вполне бесспорным. В частности, формулировка шестого и седьмого его этапов допускает подмену термина, согласно которой алгоритм диагностики и разрешения ситуации в качестве самостоятельных этапов включает в себя выбор алгоритма разрешения ситуации и его применение. На наш взгляд, более корректно говорить о выборе системы средств, методов и приемов ситуационной трансформации, прогнозировании их потенциально возможного влияния на ситуацию и последующем применении. В остальном же предложенный И.В. Румянцевой алгоритм ситуационного разрешения представляется нам достаточно полным и развернутым, что позволяет рассматривать его в качестве модельного при конструировании алгоритма диагностики и разрешения ситуации защиты от уголовного преследования [2; с. 46].

При этом, однако, специфика субъекта защитных ситуаций и наличествующих в его распоряжении средств и способов ситуационной трансформации может потребовать внесения в базовый алгоритм ряда корректировок с целью повышения общей результативности его применения в практике осуществления защитительной деятельности по уголовным делам.

Так, например, исследуя структурное строение криминалистического алгоритма разрешения ситуаций защиты от уголовного преследования, нам представляется возможным выделить в качестве ее самостоятельных элементов два относительно обособленных алгоритма:

- алгоритм оценки (диагностирования) ситуации;
- алгоритм целенаправленного ситуационного преобразования.

Оба они выступают неотъемлемыми составляющими единого алгоритма разрешения конкретной защитной ситуации, исполняемыми последовательно и циклично. Диагностирование ситуационных особенностей, характеристика основных элементов ситуации и выявление факторов, определяющих их специфику, всегда предшествуют избранию конкретных процессуальных или тактических средств трансформации наличествующей ситуации в более благоприятную. На основании произведенной оценки ситуации профессиональный защитник выстраивает схему собственных последовательных действий, которая, по сути, и представляет собой алгоритм целенаправленного ситуационного преобразования и полностью детерминируется результатами ситуационной диагностики. Таким образом, алгоритм разрешения отдельно взятой защитной ситуации, на наш взгляд, всегда представлен совокупностью алгоритмов ситуационного диагностирования и ситуационного преобразования, выполняемых в строго определенной последовательности. Цикличный же характер их применения обуславливается тем, что сама сущность деятельности защитника в уголовном судопроизводстве заключается в последовательном разрешении различных ситуаций, возникающих в ходе его участия в процессе расследования уголовного дела и разрешения его по существу.

Каждому из предложенных алгоритмов присуща определенная специфика, существенно отличающая их друг от друга. По нашему мнению, алгоритм диагностирования конкретной защитной ситуации имеет достаточно жесткую привязку к теоретическим разработкам криминалистической адвокатологии. В результате его применения практические задачи защитительной деятельности по конкретному уголовному делу решаются посредством проведения

со сложившейся защитной ситуацией мысленных операций, основывающихся на теоретических выкладках криминалистики в части исследования ситуационных основ защиты от уголовного преследования. По своей сути процесс диагностирования защитной ситуации представляет собой предварительный анализ ее составляющих, для успешного проведения которого адвокату-защитнику необходимо глубокое понимание разработанной теорией криминалистики ситуационной структуры, а также — последующее отнесение сложившейся по делу ситуации к одному из видов защитных ситуаций, охарактеризованных криминалистической наукой. Именно поэтому применение данного алгоритма не влечет за собой видимых практических результатов, однако прикладное его значение огромно и является необходимым условием эффективного ситуационного преобразования.

В свою очередь, алгоритм целенаправленной ситуационной трансформации представляет собой реальное воплощение избранной профессиональным защитником тактики разрешения конкретной защитной ситуации, выраженное в системной последовательности тех или иных действий субъектов осуществления защитительной деятельности. Определение конкретных действий, позволяющих наиболее оперативно разрешить стоящие перед субъектами тактические задачи, осуществляется ими с учетом вида существующей защитной ситуации на основе исследования благоприятных и неблагоприятных факторов ее формирования и развития. Результатом же применения данного алгоритма выступает возникновение принципиально новой защитной ситуации, сложившейся под влиянием целенаправленной совместной деятельности субъекта и участников ситуации защиты от уголовного преследования.

С учетом изложенного, для успешного разрешения разного рода защитных ситуаций представляется необходимым построение в теории криминалистической адвокатологии двух самостоятельных, но при этом взаимосвязанных алгоритмов: алгоритма ситуационной диагностики и алгоритма целенаправленного ситуационного преобразования.

Основным предназначением алгоритма ситуационной диагностики выступает упорядочение процесса восприятия и исследования адвокатом сложившейся ситуации защиты от уголовного преследования, а также определение принадлежности ее к тому или иному виду защитных ситуаций, разработанному в рамках криминалистической науки. При этом, однако, следует помнить, что в структуре конкретной, реально существующей ситуации защиты зачастую наличествуют признаки, характерные для разных ситуационных видов. Важнейшими из них являются те, что в наибольшей степени влияют на процесс решения текущих задач защиты, требуют наиболее оперативного вмешательства и преобразования. Именно эти признаки определяют видовую принадлежность защитной ситуации, сформировавшейся на том или ином этапе производства по уголовному делу, именно их правильное вычленение является залогом успешного диагностирования ситуации профессиональным защитником.

С этой точки зрения алгоритм ситуационной диагностики в контексте исследования защитных ситуаций может быть представлен в следующем виде:

1. выявление, анализ и характеристика основных элементов ситуационной структуры;
2. вычленение характеристик ситуации, обладающих наибольшим влиянием на процесс разрешения текущих и конечных задач защиты;
3. сравнение отмеченных характеристик с характеристиками схожих видов защитных ситуаций, предложенных в теории криминалистики;
4. определение ситуационно-образующих характеристик, требующих наиболее оперативного преобразования;
5. отнесение текущей ситуации к конкретному виду ситуаций защиты по уголовным делам;
6. исследование специфических особенностей данного вида защитных ситуаций.

Реализация адвокатом-защитником алгоритма ситуационной диагностики является своего рода подготовительным этапом, на котором адвокат закла-

дывает необходимую основу для принятия объективно детерминированных тактических решений по целенаправленному преобразованию наличествующей защитной ситуации, осуществляемому в рамках решения актуальных задач защиты от уголовного преследования.

Само по себе диагностирование ситуации, установление ее принадлежности к какому-либо конкретному виду бессмысленно, если не влечет за собой совершения активных действий, направленных на уменьшение негативного влияния либо полное устранение тех или иных элементов ситуационной структуры, препятствующих получению необходимых защите результатов.

В этой связи разработка эффективного алгоритма целенаправленной ситуационной трансформации, выступающего важнейшей и неотъемлемой составляющей алгоритма разрешения ситуации защиты в уголовном судопроизводстве, также представляется нам необходимым условием повышения результативности защитительной деятельности.

Внутренний арсенал доступных профессиональному защитнику методов, средств и способов защиты, трудности, возникающие на практике при выборе наиболее предпочтительного из них, обуславливают высокую степень детализации такого алгоритма, позволяющую не только произвести предварительную выборку соответствующих приемов, но и убедиться в ее правильности посредством проведения необходимых модельных экспериментов.

На наш взгляд, в структуре алгоритма целенаправленного ситуационного преобразования можно выделить следующие этапы:

1 этап. Прогнозирование возможного исхода и путей разрешения защитной ситуации;

2 этап. Определение желаемого результата (т. е. вида ситуации, в которую должна трансформироваться исходная ситуация защиты после целенаправленных усилий защитника);

3 этап. Предварительный отбор действий и приемов, позволяющих его достигнуть. Оценка их возможного влияния на ситуацию в целом;

4 этап. Учет субъективных и объективных факторов, способных повлиять на эффективность приемов и последствия их применения;

5 этап. Окончательный выбор средств, способов и приемов разрешения конкретной ситуации защиты, определение последовательности их применения;

6 этап. Модельные эксперименты с защитной ситуацией, направленные на установление изменений в ее характеристиках, которые могут наступить в результате совершения отобранных действий в определенной ранее последовательности;

7 этап. Реализация задуманной последовательности;

8 этап. Оценка результатов.

Последовательная реализация профессиональным защитником приведенных алгоритмов, по сути, представляет собой алгоритм тактического ситуационного преобразования и способствует максимально успешному разрешению поставленных на определенном этапе задач защиты от уголовного преследования, равно как и повышению ее общей результативности в рамках производства по конкретному уголовному делу.

Список литературы:

1. Ландау И.Л. Ситуационный подход в технико-криминалистическом обеспечении предварительного расследования и судебного следствия: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. — 574 с.
2. Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2014. — 642 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Самоделов Антон Николаевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Шишкин Алексей Александрович

*научный руководитель, канд. юрид. наук, и.о. зав. кафедрой «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Ведя речь о правовой природе и о предназначении представления доказательств, стоит отметить, что оно служит не только средством и способом защиты, но и целям достижения уголовно-процессуальных задач, для отстаивания своей процессуальной (гражданской) позиции любым из участников уголовного процесса независимо от его процессуального статуса. Субъекты, имеющие личный гражданско-правовой, уголовно-правовой интерес в уголовном деле, вправе своими действиями отстаивать свои законные права и интересы, а значит, и существенно влиять на ход и исход уголовного процесса. Представление доказательств является одним из этапов доказывания, а также и эффективным рычагом воздействия, обеспечивающим возникновение, изменение, прекращение правоотношений. «В отечественной уголовно-процессуальной науке обращается внимание на следующие аспекты доказывания: доказывание-познание, доказывание-коммуникация, доказывание-удостоверение, доказывание-обоснование» [3; с. 322].

В рамках представления доказательств следует констатировать возможное, а в отдельных случаях и обязательное присутствие всех вышеуказанных аспектов доказывания. Следственное действие есть предусмотренный уголовно-процессуальным законом вид познавательно-удостоверительной деятельности компетентных должностных лиц, ведущих уголовный процесс, по собиранию, проверке, оценке и использованию доказательств в целях достижения задач уголовного судопроизводства. Представление доказательств

как нельзя лучше отражает сущность, предназначение следственного действия, обладает всеми его признаками и свойствами.

«Представление доказательств является важным каналом получения доказательственной информации, но в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует детальная регламентация порядка получения от граждан предметов и документов». «Под представлением доказательств понимается добровольная передача лицом предметов или документов, относящихся к делу, и здесь нет оснований говорить, что человек принуждается к определенному поведению, так как в основе его поступков лежит познанная необходимость».

Так, обвиняемый (ст. 42 УПК РБ), подозреваемый, защитник (ст. 48 УПК РБ), потерпевший (ст. 50 УПК РБ), гражданский истец (ст. 53 УПК РБ), ответчик (ст. 54 УПК РБ), законный представитель (ст. 57 УПК РБ), представитель потерпевшего, гражданского истца и ответчика (ст. 59 УПК РБ) имеют право представлять доказательства в уголовном процессе. В соответствии со ст. 103 УПК РБ «защитник вправе представлять доказательства и собирать сведения, необходимые для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и оказания им юридической помощи, путем опроса физических лиц, а также запрашивать справки, характеристики и иные документы или их копии; запрашивать с согласия подозреваемого, обвиняемого мнения специалистов для разъяснения возникающих в связи с осуществлением защиты вопросов, требующих специальных знаний. При этом защитник не вправе оказывать незаконное воздействие на лиц при получении сведений в интересах защищаемого им лица». Свидетель правом представления доказательств не наделен [1; с. 233].

В отличие от следственных действий, проведение которых четко регламентировано УПК, основания и порядок представления доказательств, в том числе и до возбуждения уголовного дела, форма закрепления этого действия и его результатов законом не определены. Неясно, каким документом оформляется представление доказательств, какими правами и обязанностями

наделены следователь и другие лица в связи с представлением предметов и документов и т. д. Очевидно, что следственным данное процессуальное действие не является, хотя направленность его на собирание доказательственной информации несомненна. При изучении уголовных дел иногда невозможно понять, откуда в материалах появились тот или иной предмет или документ, кем они представлены. В некоторых случаях о приобщении к материалам уголовного дела документа или предмета говорится в объяснении того лица, которое представило доказательство». Правовая оценка хода и результатов представления доказательств в силу вышеуказанных причин значительно осложняется.

Понятно, что его инициатором чаще выступает субъект, изъявляющий желание представить предметы материального мира для приобщения к материалам уголовного дела. В настоящее время исследуемое процессуальное действие традиционно на практике укладывается в содержание выемки. Причем это происходит независимо от вида следственного действия, в ходе которого возникает желание того или иного субъекта представить доказательство. Все одно. Все увенчается выемкой. И здесь, с одной стороны, законодатель прав. Ибо без осмотра представленных предметов (доказательств) и приобщения их к материалам уголовного дела здесь никак не обойтись. С другой стороны, регламентируя порядок производства выемки, законодатель, игнорируя процедуру представления доказательств, упускает из поля зрения процессуальную форму, как, собственно, и ее содержание (если угодно, условия и основания полученных результатов). Осуществляя выемку, орган уголовного преследования, сам того не желая, как бы исключает инициативу, проявленную субъектом уголовно-процессуальных правоотношений. И здесь необходимо исходить из поставленных законодателем целей и задач перед следственным действием «выемка». Выемка, как известно, осуществляется в тех случаях, когда органу, ведущему уголовный процесс, заведомо известно, какие именно предметы материального мира необходимо изъять, а также где и у кого они находятся. Из смысла заданных условий инициатива выемки

всего принадлежит именно органу уголовного преследования. В случае представления доказательств вышеуказанные условия по понятным причинам не соблюдаются. Таким образом, в случаях реализации процедуры представления доказательства изначально о выемке и речи быть не может. Подмену надлежащих задач того или иного следственного действия ненадлежащими следует рассматривать в качестве существенного уголовно-процессуального нарушения. Подмена надлежащего следственного действия ненадлежащим является недопустимой.

Условиями производства представления доказательств являются, во-первых, исключительно добровольный характер его выполнения по инициативе заявителя и, во-вторых, то, что о местонахождении предметов материального мира известно исключительно последнему. Данному субъекту должны разъясняться права и обязанности как участнику следственного действия «представление доказательств». По всей видимости, он должен предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи и за дачу заведомо ложных показаний. Ну а поскольку избежать сей процедуры мы не можем, значит, данному участнику необходимо предоставить право дачи показаний в ходе процедуры представления доказательств.

В следственной практике автора имел место следующий случай. При расследовании уголовного дела о ДТП законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего представил следователю вне следственного действия световозвращательный элемент от велосипеда, который, по его показаниям, он же и нашел на месте происшествия в целях приобщения в качестве вещественного доказательства. После первоначального осмотра места происшествия указанный световозвращательный элемент не был обнаружен. Законный представитель по своей инициативе привлек к осмотру места происшествия несколько несовершеннолетних, которые помогали ему отыскивать предметы, которые могли иметь значение для уголовного дела и могли выступать фрагментами велосипеда. Из показаний законного представителя следовало, что в результате выполненного им осмотра катафот

от велосипеда был обнаружен им в районе места происшествия. Вследствие сложившейся ситуации возникла необходимость производства повторного осмотра места происшествия, в ходе которого со слов представителя составлена схема, на которой было отмечено место обнаружения катафота от велосипеда. В результате обнаруженный световозвращательный элемент, относящийся к велосипеду потерпевшего, был представлен в качестве доказательства для приобщения его к материалам уголовного дела. Следователь произвел выемку указанного предмета, приобщил к делу в качестве вещественного доказательства и осмотрел его в качестве вещественного доказательства. Данный случай свидетельствует, во-первых, о том, что представление доказательств следует рассматривать в качестве самостоятельного следственного действия. Во-вторых, представление доказательств может осуществляться по инициативе любого субъекта независимо от его процессуального статуса [1; с. 56].

Предлагает следующую интерпретацию нормы УПК, регламентирующую процедуру представления доказательств: «Предметы и документы, имеющие значение для уголовного дела, могут быть представлены организациями, должностными лицами, гражданами, а также органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность по собственной инициативе либо по требованию органа уголовного преследования. Представление доказательств состоит в предъявлении органом уголовного преследования требования о представлении предметов или документов либо принятии от организаций, должностных лиц, граждан или органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, ходатайства об их принятии, а также в принятии представленных предметов или документов». «Содержание представления доказательств как познавательного приема в настоящее время исчерпывается доставлением объекта (предмета или документа) без предварительного требования об этом. Поэтому представление доказательств включает в себя, кроме непосредственного представления объекта, и ходатайство о приобщении его к делу в качестве такового. Лица же, не являющиеся участниками процесса,

не имеют права заявлять ходатайства, а могут ставить вопрос о приобщении объекта путем подачи соответствующего заявления. Без рассмотрения заявленного лицом, доставившим данный объект, ходатайства или заявления и принятия по нему решения указанный прием теряет свою доказательственную значимость». Полагаем, что представление доказательств должно осуществляться в условиях присутствия понятых, могущих впоследствии подтвердить устанавливаемые признаки и свойства объекта, приобщаемого к материалам уголовного дела, равно как и факт их осмотра органом уголовного преследования. В процессе представления доказательств может участвовать специалист по усмотрению органа уголовного преследования либо по ходатайству заявителя. Производство представления доказательств должно стать допустимым как до возбуждения уголовного дела, так и после его возбуждения.

При этом в нормах УПК необходимо закрепить положение, в соответствии с которым представление доказательств следует отнести к следственному действию, осуществляемому в добровольной форме по ходатайству заявителей независимо от их процессуального статуса. Применение видеозаписи либо фотосъемки выполняется по усмотрению органа уголовного преследования либо по ходатайству заявителя. Необходимо определить процессуальные документы, которые способствовали бы обеспечению соблюдения внешней формы исследуемой процессуальной процедуры. В ходе следственного действия составляется протокол представления доказательств. Лица, представляющие доказательства, обязаны свидетельствовать об обстоятельствах, касающихся относимости их к материалам уголовного дела, а также степени их значения для решения задач уголовного процесса и установления объективной истины.

Данные сведения необходимо закреплять исключительно посредством показаний. При этом устанавливаются следующие обстоятельства:

- время, место нахождения субъектом представленных доказательств;
- условия извлечения с места их обнаружения;

- условия и сроки хранения субъектом обнаруженных им доказательств до момента их представления в орган уголовного преследования;
- круг лиц, которым стало известно о факте обнаружения и представления доказательств;
- иные сведения о фактических данных, способствующие установлению причинно-следственных и пространственно-временных связей между представленным доказательством и обстоятельствами исследуемого криминального события.

«Необходимость расширения содержания деятельности по доказыванию субъектов выявления преступлений неизбежно влечет необходимость изменения ее процессуальной формы. Данный процесс взаимообусловлен и взаимозависим.

Во-первых, в настоящее время расширилось не только содержание, но и количество субъектов данной деятельности, которая должна быть облечена в соответствующую процессуальную форму.

Во-вторых, решение поставленных на данной стадии задач зачастую упирается в нехватку процессуальных средств, что ограничивает процесс выявления и исследования систем его отражения.

В-третьих, некоторые предусмотренные в данной стадии средства собирания исследования и фиксации фактических данных носят противоречивый и непоследовательный характер».

На основании изложенного необходимо сделать следующие выводы:

- полагаем необходимым отнести процедуру представления доказательств к категории следственных действий;
- в процессе выполнения следственного действия «представление доказательств» должен быть составлен одноименный протокол;
- в ходе данного следственного действия могут участвовать специалист, эксперт, а также присутствуют понятые;
- участникам следственного действия должны разъясняться их права и обязанности;

- участники следственного действия «представление доказательств» должны быть наделены правом дачи показаний в ходе его производства;

- инициаторами представления доказательств вправе выступать субъекты уголовно-процессуальных правоотношений независимо от их процессуального статуса.

Совершенствование правового регулирования процедуры представления доказательств позволит оптимизировать состязательность сторон и в целом повысить эффективность и качество уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Кондратьева Т.Х. Представление доказательств участниками уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ..канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2009. — 676 с.
2. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе: Монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2009. — 456 с
3. Рубис А.С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью: Монография. Минск: Харвест, 2006. — 502 с.

О НЕДОСТАТКАХ ВОПЛОЩЕНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ

Смоляков Роман Сергеевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Кириленко Виктория Сергеевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры «ТПиПСО»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Под принципом вообще принято понимать основополагающее, ведущее, определяющее начало. Применительно к уголовному праву принципами следует считать основополагающие идеи, которые закреплены в нормах уголовного права и определяют его содержание в целом и отдельных институтов, составляющих его систему [2; с. 16]. Представляется очевидным, что принципы, провозглашенные законодателем и закрепленные в тексте закона, должны проходить «красной нитью» через все его нормы, а также через всю правоприменительную деятельность при их практической реализации.

В философии справедливость принято рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это должное воздаяние за причиненное зло, с другой — соответствующая награда за совершенное добро. Применительно к уголовному праву справедливость проявляется преимущественно в первом из приведенных аспектов — должное воздаяние за причиненное зло. Этому посвящено большинство его норм, его цели и задачи. Вместе с тем в уголовном законодательстве можно обнаружить проявление и второго из приведенных выше аспектов. Он реализуется в так называемых «поощрительных нормах», когда субъект получает либо определенные «послабления» в части уголовной ответственности, либо вообще освобождается от нее. В качестве примера можно привести различные варианты посткриминального поведения лица, когда оно может быть условно-досрочно освобождено от наказания либо вообще освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным

раскаянием, в связи с примирением с потерпевшим и т. п. Примером проявления второго аспекта справедливости может быть и норма о крайней необходимости, когда лицо, причинившее криминально значимый вред, спасает более существенные ценности. В связи с этим вспоминается известный случай, когда командир воздушного судна посадил его на взлетно-посадочную полосу заброшенного аэропорта, за что получил государственную награду.

По мнению В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной, принцип справедливости в уголовном праве проявляется в основном в трех значениях: справедливость назначения наказания, справедливость определения санкций, справедливость формирования круга преступных деяний [1; с. 29]. С этим утверждением, в целом, можно согласиться, но не в полной мере. Последнее из указанных значений справедливости в рамках данной статьи мы не рассматриваем, хотя очевидно, что декриминализация, допустим, кражи и криминализация, с другой стороны, супружеской измены будут со стороны государства явно несправедливыми акциями. Однако это отдельная проблема, требующая специального рассмотрения в рамках криминологии и уголовной политики.

Анализ санкций статей Особенной части УК, их сопоставление между собой показывают во многих случаях явное нарушение принципа справедливости. Приведем в связи с этим лишь некоторые фрагменты из УК. Так, в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 163 УК лицо, совершившее вымогательство в целях получения имущества в особо крупном размере (1 миллион руб.), может быть лишено свободы на срок от 7 до 15 лет со штрафом в размере одного миллиона рублей или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Санкция довольно суровая. В то же время санкция за простое умышленное убийство (ч. 1 ст. 105 УК) предусматривает лишение свободы от 6 до 15 лет. Из сопоставления приведенных санкций следует, что лицо, потребовавшее у потерпевшего один миллион рублей и высказавшее при этом соответствующие угрозы, может быть наказано более строго, чем лицо, реально совершившее умышленное убийство! Другой пример. Лицо, совершившее

развратные действия в отношении двух лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости (ч. 3 ст. 135 УК), подлежит наказанию в виде лишения свободы от 5 до 12 лет. В то же время, если бы это же лицо вместо развратных действий лишило бы тех же потерпевших зрения либо способности к деторождению (п. «б», ч. 3 ст. 111 УК РФ), то оно бы подлежало в соответствии с санкцией данной статьи лишению свободы от двух месяцев до двенадцати лет! То есть за лишение двух лиц зрения по закону возможно лишение свободы на два месяца! За требование же миллиона рублей (даже по телефону либо в письменном виде) вымогателю грозит минимум 7 лет лишения свободы! Как это не прискорбно констатировать, но в рамках действующего УК это, в принципе, возможно. То есть принцип справедливости в части установления санкций за совершенные преступления в действующем УК во многих случаях далек от его реального воплощения.

Некоторые очевидные причины приведенного выше положения вещей лежат прямо на поверхности. Речь, в частности, идет о Законе РФ от 7 марта 2011 г., в соответствии с которым за целый ряд преступлений, в том числе и за особо тяжкие, минимальный срок лишения свободы был сокращен до двух месяцев (ч. 4 ст. 111, чч. 2 и 3 ст. 186, ч. 2 ст. 162 и др.). Эта «гуманная акция» не поддается разумному объяснению. В чем, по образному выражению К. Маркса, проявилась мудрость законодателя при ее осуществлении? Какие социальные и криминологические основания ее породили?

Философский постулат о справедливости, как должном воздаянии за причиненное зло, непосредственно воплощен в ст. 6 УК РФ. В соответствии с этой статьей «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Частным случаем рассматриваемого нами принципа является специально не обозначенный в законе, но широко известный науке и практике принцип «индивидуализации наказания». По сути дела он закреплен в ст. 60 УК «Общие

начала назначения наказания». Указанные в ней критерии, а также правила, установленные в ст. ст. 61—70 УК, дают возможность суду назначить вполне справедливое наказание за совершенное преступление. Назначение иных мер уголовно-правового характера, указанных в ст. 6 УК, также может быть произведено в соответствии с принципом справедливости.

Вместе с тем следует констатировать, что один из важных уголовно-правовых аспектов справедливости вообще не отражен в ст. 6 УК, не упомянут он также в статье уважаемых В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной. Речь идет об иных уголовно-правовых последствиях совершенного преступления и назначенного за него наказания. К числу этих последствий относятся, в частности, вид и режим колонии отбывания наказания, сроки погашения судимости, основания условно-досрочного освобождения и ряд других. О справедливости этих уголовно-правовых последствий совершенного преступления и назначенного за него наказания в ст. 6 УК вообще не упоминается. Означает ли это, что иные уголовно-правовые последствия совершенного преступления, указанные выше, не должны быть справедливыми либо это просто упущение законодателя? Первый вариант ответа на этот вопрос трудно объяснить. В связи с этим полагаем, что ст. 6 УК РФ должна быть дополнена указанием на справедливость и иных уголовно-правовых последствий совершенного лицом преступления. Как обстоит дело с этим аспектом справедливости в настоящее время?

Прежде чем дать ответ на этот вопрос и сделать соответствующие выводы, приведем два основных исходных положения: 1) типовая общественная опасность преступления определяется пределами санкции за него, 2) общественная опасность конкретно совершенного преступления определяется назначенным за него судом наказанием. Несмотря на известную условность этих положений, они являются в уголовном праве аксиомами. Других критериев определения общественной опасности в уголовном праве просто не существует. Если исходить из этих положений, то следует констатировать, что воплощение в законе и реальное соблюдение принципа справедливости

в отношении иных уголовно-правовых последствий совершенного преступления обнаруживает большие погрешности, упущения и недоработки.

Прежде чем перейти к доказательствам этого утверждения, подчеркнем, что справедливость в анализируемом значении должна рассматриваться применительно к совершенному деянию, а не к чему-либо иному. По действующему же УК РФ приведенные выше иные уголовно-правовые последствия зависят от категории преступления. Это и вид рецидива, сроки погашения судимости, вид и режим колонии, основания условно-досрочного освобождения и др. Вместе с тем общественная опасность конкретно совершенного преступления далеко не всегда совпадает с законодательной категорией этого преступления. Примеров тому можно привести множество. Допустим, некто А. по ч. 4 ст. 111 УК был осужден к одному году лишения свободы. Это в пределах санкции этой статьи. В соответствии со ст. 15 УК А. совершил преступление особо тяжкое! Он отбыл наказание в колонии строгого режима, как это и положено в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 58 УК, и получил в связи с этим судимость сроком на 8 лет! Все вроде бы по закону. Но в части судимости его приравнивали к реальному убийце, отбывшему 20 лет лишения свободы! Как писал известный классик марксизма-ленинизма (В.И. Ленин) — «формально правильно, а по существу — издевательство». И с этим трудно не согласиться. Если этот А. до истечения 8 лет совершит хотя бы приготовление к любому особо тяжкому преступлению, то у него появится уже особо опасный рецидив со всеми вытекающими последствиями (размер наказания, колония особого режима и др.).

В чем же причины вышеприведенных несправедливых акций со стороны государства в отношении этого А.? Причин здесь несколько. Главной из них, по нашему мнению, является неверная методология определения категории преступлений в ст. 15 УК. Эта статья хотя и названа «Категории преступлений», но по своей сути она представляет их классификацию в зависимости от общественной опасности. Но в ней нарушено одно из главных правил теории классификации, в соответствии с которым одно и то же явление

(предмет) не могут быть одновременно принадлежностью нескольких классов. В соответствии же со ст. 15 УК преступление, наказуемое, допустим, в 1 год лишения свободы, может быть признано преступлением любой категории вплоть до особо тяжкого! Это доказывает вышеприведенный пример с А.

В связи с этим следует констатировать, что в ст. 15 УК приведена классификация не реально совершаемых преступлений, а составов преступлений, причем по признаку максимальных санкций за них предусмотренных. Реальная же опасность конкретно совершаемых преступлений, если исходить из назначенных за них наказаний, далеко не всегда совпадает с их законодательной принадлежностью к соответствующей категории. В связи с этим можно даже сформулировать общее правило: во всех случаях, когда общественная опасность конкретного совершенного преступления, определенная назначенным за него судом наказанием, будет не соответствовать его законодательной категории, то все иные уголовно-правовые последствия этого преступления будут несправедливыми. Например, В. совершил разбой с применением иных предметов, использованных в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК). Это тяжкое преступление. Суд за это преступление назначил В. Три года лишения свободы, оценив его по сути как преступление небольшой тяжести. Правовые же последствия для В. (УДО, судимость и др.) последуют как за совершение тяжкого преступления. И таких примеров можно привести множество.

То есть во многих случаях иные уголовно-правовые последствия вытекают не из реальной общественной опасности конкретно совершенного преступления, то есть из его сущности, а из его формальной принадлежности к той или иной категории. Но ведь лицо должно нести ответственность не за категорию, а за совершенное им деяние! Об этом прямо говорится в ст. 6 УК.

Как попытку исправить создавшееся положение следует расценить включение в ст. 15 УК части шестой, в соответствии с которой суду при определенных условиях дано право изменить категорию совершенного

преступления в сторону ее смягчения, но не более, чем на одну ступень. Условиями для такого смягчения являются определенные размеры назначенного судом наказания, наличие смягчающих обстоятельств и отсутствие обстоятельств, его отягчающих. В определенных случаях применение данной нормы может действительно привести к соблюдению принципа справедливости, но далеко не всегда. Эта законодательная новелла вызывает ряд вопросов. Например, почему категория преступления может быть понижена только на одну ступень? Если вернуться к вышеприведенному примеру с А., осужденному за особо тяжкое преступление к 1 году лишения свободы, то применение указанной новеллы будет означать, что он совершил преступление тяжкое. На много ли это смягчит его дальнейшее уголовно-правовое положение? Немного смягчит в части режима колонии (ему назначат колонию не строгого, а общего режима), несколько сократятся сроки погашения судимости (вместо 8—6 лет). Однако, будет ли соблюден принцип справедливости в отношении А. даже с применением ч. 6 ст. 15 УК в полном объеме? Очевидно, что нет, поскольку по своей сущности им было совершено преступление небольшой тяжести.

Другим недостатком ч. 6 ст. 15 является то, что она позволяет снизить категорию преступления лишь при отсутствии отягчающих обстоятельств. Это условие представляется ошибочным. Оно противоречит известному правилу, в соответствии с которым отягчающее обстоятельство не может учитываться дважды. Если отягчающее обстоятельство имело место, то оно должно было быть учтено при назначении наказания. На каком основании суд должен учитывать его второй раз при изменении категории преступления? Полагаем, что рассматриваемое условие понижения категории преступления из ч. 6 ст. 15 УК должно быть исключено.

Анализ указанной новеллы порождает еще один важный вопрос, непосредственно связанный с воплощением в законе принципа справедливости: почему суду дано лишь право, а не возложена на него обязанность установить категорию совершенного лицом преступления в соответствии с его реальной

общественной опасностью и воплотить принцип справедливости в каждом конкретном случае в полном объеме? Полагаем, что при вышеприведенных погрешностях законодательных конструкций суд не только имеет право, но и обязан это сделать. Кто, если не суд, должен устранять возможные дисбалансы между общественной опасностью конкретно совершенного деяния и формальной принадлежностью его к более тяжелой категории, обеспечивая при этом соблюдение принципа справедливости в полном объеме?

В связи с вышеизложенным считаем необходимым предоставлять не право, а обязать суд изменять категорию преступления в соответствующих случаях на более мягкую, причем не на одну ступень, а на ту категорию, которая соответствует опасности совершенного деяния и отражена в его приговоре. Так, если суд за особо тяжкое преступление назначил 3 года лишения свободы и убедительно обосновал этот срок, то он обязан изменить категорию на преступление небольшой тяжести со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями. Полагаем, что это было бы правильно и справедливо.

Автор сознает, что предложение об обязанности, а не о праве изменять категорию реально совершенного преступления, причем не только на одну ступень, а на любую, более мягкую, является дискуссионным, может вызвать вопросы и аргументы против. В частности, может быть высказано опасение о возможных злоупотреблениях со стороны судов при определении категории преступления. Не слишком ли большие права автор предлагает дать суду? В качестве критики может быть упомянута и коррупционная составляющая (актуальный для настоящего времени аргумент) в правильности выдвинутых предложений. Для постановки таких вопросов и опасений определенные основания есть. Но такие же претензии можно предъявить и законодателю, который привел Уголовный кодекс в такое состояние по обеспечению принципа справедливости, установив, в частности, лишение свободы за особо тяжкое преступление от 2 месяцев до 15 лет.

В ответ на возможную критику сделанных в данной статье предложений отметим, что суду дано важнейшее право — назначить преступнику справедливое наказание за совершенное им преступление (в том числе и в рамках санкции от 2 месяцев до 15 лет лишения свободы). Это центральный момент при отправлении правосудия по уголовным делам и главная задача суда. Приговор суда, вступивший в законную силу, приравнивается к закону. Почему же суд лишается возможности воплотить принцип справедливости в отношении всех иных уголовно-правовых последствий совершенного преступления и назначенного за него наказания в полном объеме?

Относительно возможных злоупотреблений со стороны суда и коррупционной составляющей заметим, что эти явления вполне возможны и заложены изначально в самом совершенном законе, поскольку деятельность суда в значительной ее части носит оценочный характер. Но если не доверять суду, то какому еще органу в государстве можно тогда доверять?! В государстве существует целая система контроля за законностью всех правоохранительных органов, в том числе и судов. Задачей всей этой системы и является пресечение и нейтрализация возможных злоупотреблений.

В заключение хотелось бы еще раз обратить внимание на устранение из УК санкций за тяжкие и особо тяжкие преступления до двух месяцев лишения свободы. Эта акция со стороны законодателя по их введению в УК противоречит как научно разработанным правилам построения санкций, так и элементарному здравому смыслу. Как уже отмечалось выше, в санкции должна быть отражена типовая, социально обусловленная опасность деяния. Поэтому и минимальные их размеры по тяжким, а особенно по особо тяжким преступлениям должны содержать серьезную и реальную карательную нагрузку, которая отсутствует при двух месяцах лишения свободы. Возможен ли вообще в реальной судебной практике приговор в два месяца (или даже 1 год) лишения свободы по ч. 4 ст. 111 УК?! У какого судьи «поднимется рука» на вынесение такого приговора и как он будет его обосновывать? Считаем уместным также напомнить о реально существующей проблеме разграничения

этой нормы с умышленным убийством. Считаем, что снижение санкции по многим преступлениям до двух месяцев лишения свободы ошибочным и оно должно быть устранено.

Автор выражает надежду на то, что восприятие законодателем сделанных в данной статье предложений будет способствовать воплощению принципа справедливости при отправлении правосудия по уголовным делам в полном объеме.

Список литературы:

1. Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. Принципы советского уголовного права. М., 2008. — 823 с.
2. Уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. проф. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 2012. — 765 с.

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СУДЕБНОМУ ПОДЛОГУ

Страданченко Сергей Георгиевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Кириленко Виктория Сергеевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Исключительная значимость правосудия как гаранта прав и свобод человека, роль суда как арбитра в спорах граждан с государством, острая конфликтность интересов (а нередко и популярность) субъектов, вовлекаемых в орбиту судебной деятельности, предопределяют и повышенную уязвимость правосудия, его способность становиться мишенью криминального воздействия [3; с. 67].

Вполне закономерным поэтому выглядит существование в Особенной части действующего Уголовного кодекса РФ главы 31 «Преступления правосудия», запреты которой призваны «обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательной-правоприменительной, процессуально-упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц».

Вместе с тем тщательный анализ содержания названной главы позволяет заметить некоторый перекос в уголовно-правовой охране правосудия, заключающийся в том, что таковое защищается преимущественно от внешнего общественно опасного на него воздействия. На наш взгляд, нетрудно связать подобное положение с результатами начавшейся в начале 90-х гг. XX в. судебной реформы. Вероятно, на заре таковой ее авторы и идеологи менее всего были озабочены проблемой противодействия злоупотреблениям судебной властью. Выдвигались несколько иные задачи — создать, по сути, с нуля «независимый, свободный от корыстных интересов, политических симпатий

и идеологических предубеждений суд, выступающий гарантом законности и справедливости». Одним из средств создания такого суда в свете планируемой тогда судебной реформы должно было стать в перспективе «создание независимой и влиятельной судейской корпорации, гарантирование процессуальной самостоятельности работников юстиции и их достойного материально-бытового и социального обеспечения».

Неудивительно, что в отсутствие независимого суда молодая российская демократия в начале 90-х гг. прошлого века была занята его созданием и построением, а не защитой правосудия от различных форм его разложения изнутри и отнюдь не охраной его авторитета от профессиональных деформаций служителей Фемиды. Неслучайно в одном из вариантов проекта УК РФ предлагалось исключить из уголовного законодательства даже состав вынесения заведомо неправосудного судебного акта.

Сыграли ли свою роль законодательные традиции, возобладал ли здравый смысл, но соответствующая норма нашла все же закрепление в ст. 305 теперь уже функционирующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Но она остается чуть ли не единственной статьей, специально рассчитанной на случаи судебного злоупотребления, притом что последние далеко не исчерпываются вынесением неправосудных судебных решений.

Так, в главе 31 УК РФ не предусмотрено каких-либо специальных мер воздействия на судей, виновных в фальсификации доказательств, подделке протоколов судебных заседаний, иных материалов дела. В то же время в ходе проведенного нами опроса среди лиц, имеющих юридическое образование, выяснилось, что 15 % респондентов считают подобные деяния одной из самых распространенных форм дисфункции правосудия <5>. О типичности и распространенности фактов судебных подлогов свидетельствуют и данные практики привлечения судей к дисциплинарной ответственности <6>.

Причем, если при оценке тяжести проступка судьи, выразившегося в грубом нарушении процессуальных сроков рассмотрения гражданско-правовых и иных категорий споров, для выбора к нему меры дисциплинарного

воздействия квалификационные коллегии учитывают наличие или отсутствие существенного нарушения прав участвующих в деле лиц и уже в зависимости от этого налагают предупреждение или досрочно прекращают полномочия, то фальсификация стабильно оценивается в качестве действия, не совместимого с высоким званием судьи.

Эти данные, однако, подтверждают и то, что реакцией на допущенные судьями подлоги в основном является привлечение их лишь к дисциплинарной ответственности. К данному выводу позволяют прийти и некоторые официальные заявления руководителей органов судейского сообщества.

Так, выступая с отчетным докладом о деятельности Высшей квалификационной коллегии судей РФ на VI Всероссийском съезде судей, ее Председатель судья Верховного Суда РФ В.В. Кузнецов сообщил, что «в большинстве случаев дисциплинарными проступками судей и руководителей судов признавались грубые или систематические нарушения процессуальных законов, повлекшие волокиту при рассмотрении судебных дел, фальсификация правовых актов, недостойное поведение».

В подобных условиях такого рода проявления дисфункции правосудия, как судебный подлог, неизбежно порождают убеждение в недостаточности уголовно-правовых средств реагирования на противодействие правосудию изнутри.

По непонятным причинам российский законодатель даже не включает представителей судейского корпуса в число субъектов, подлежащих ответственности за фальсификацию доказательств. Не отвечает он и на сигналы представителей отраслевой науки, призывающих его дать должную оценку такого рода общественно опасным деяниям вершителей правосудия, внося коррективы в редакцию ст. 303 УК РФ (в основном в ее часть 2).

Конечно же, у правоприменителя в резерве для случаев судебного подлога имеется запрет, предусмотренный ст. 292 УК РФ, устанавливающий ответственность за служебный подлог для любого должностного лица, безотносительно от характера выполняемой им функции в механизме

функционирования публичной власти, и в этом смысле являющийся общей нормой по отношению к ст. 303 Кодекса. Однако нельзя забывать о том, что ч. 1 ст. 292 УК РФ устанавливает более жесткие требования для привлечения к уголовной ответственности, указывая в качестве обязательных признаков основного состава служебного подлога наличие в деянии виновного корыстной или иной личной заинтересованности. Запреты же главы 31 Кодекса построены по совершенно иной логике — в силу того, что их нарушение затрагивает крайне важные интересы личности, общества и государства. Сам по себе умышленный характер посягательства на интересы правосудия уже в большинстве случаев является достаточным для признания его преступным, независимо от мотивов или целей поведения виновного, выведенных за рамки оснований наступления уголовной ответственности по нормам указанной главы. Подобное наблюдается и в случае конструирования ответственности за фальсификацию доказательств по гражданскому (ч. 1 ст. 303) или уголовному (ч.ч. 2, 3 ст. 303) делу. Отсюда непонятным и необъяснимым становится усложнение (в виде увеличения числа обязательных признаков состава) и тем самым установление более льготного режима ответственности для тех лиц, аналогичные деяния которых в глазах профессионального сообщества и населения в целом объективно оцениваются как наиболее опасные [1; с. 78].

Несправедливость регламентации ответственности за фальсификацию доказательств проявляется не только в неравенстве оснований уголовной ответственности за подобное деяние для различных участников судопроизводства.

Не менее рельефно она отражается в разнице типового наказания, которое может быть назначено за фальсификацию доказательств судьей по ч. 2 ст. 292 и следователю по ч.ч. 2 либо 3 ст. 303 УК РФ. Диссонанс стал особенно заметным после внесения в ч. 2 ст. 303 УК РФ изменений Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-

процессуальный кодекс Российской Федерации» [2; с. 45] Согласно этому Закону, даже за неквалифицированную фальсификацию доказательств по уголовному делу, совершенную следователем, может быть назначено основное наказание до пяти лет лишения свободы, в то время как максимальное основное наказание за служебный подлог по ч. 2 ст. 292 УК РФ осталось прежним — до четырех лет лишения свободы.

Еще менее адекватной выглядит законодательная оценка совершенной судьей фальсификации доказательств, повлекшей тяжкие последствия, поскольку ч. 3 ст. 303 УК РФ, позволяющая назначить отдельным участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты за такого рода деяние до семи лет лишения свободы, к судье-фальсификатору также неприменима.

Более прогрессивным представляется в данном отношении Уголовный кодекс Латвийской Республики, который в ст. 289 «Фальсификация доказательств» относит к специальным субъектам фальсификации не только лиц, производящих досудебное расследование, но и судей.

Судья назван в числе лиц, подлежащих ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу, и в УК Республики Беларусь (ч. 2 ст. 395).

Но все же заметим, что даже реализация вышеуказанного предложения ученых о дополнении ст. 303 УК РФ не решила бы всех проблем уголовно-правовой оценки судебного подлога. Последний, будучи во всех случаях подрывом правосудия изнутри, не всегда связан с искажением доказательственной информации. Судьями подделываются и иные документы вплоть до самих судебных решений. А это не менее опасно, чем фальсификация доказательств, в т. ч. и по уголовному делу. Считаем поэтому вполне уместной постановку перед законодателем и научной общественностью вопроса о целесообразности конструирования самостоятельного состава судебного подлога.

Отсутствие такого состава в современном УК порождает гораздо более серьезные проблемы, не исчерпываемые только очевидной несправедливостью

оценки искажений судьями доказательственной информации по ст. 292 УК РФ вместо требуемой ст. 303 УК РФ. Так, например, пробельность регулирования уголовной ответственности судей за подлог любых материалов дела, включая и судебные акты, порождает на практике и более опасное явление — расширение сферы действия ст. 305 УК РФ и ее применение при оценке тех ситуаций судебных злоупотреблений, для которых она явно не рассчитана.

Так, Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 мая 2010 г. был оставлен без изменения приговор Алтайского краевого суда, которым судья районного суда Л. была осуждена за совокупность двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 305 УК РФ. В обоих случаях осужденной без возбуждения гражданских дел, без проведения судебных разбирательств были полностью сфальсифицированы материалы таких дел, включая и два судебных решения, по одному из которых был установлен факт владения гражданином трактором на праве собственности, а по другому признано право собственности на самособранные из узлов и агрегатов автомобиля с возложением на органы ГИБДД обязанности по их постановке на регистрационный учет с выдачей государственных номерных знаков. Обосновывая абсолютную подложность материалов гражданских дел, суд сослался в приговоре на доказательства, свидетельствующие о том, что сфальсифицированные Л. дела в архиве районного суда отсутствовали, равно как отсутствовали в журналах учета суда сведения о поступлении исковых заявлений, факт рассмотрения которых был отражен в изготовленных судьей фальшивых решениях.

Думается, с точки зрения здравого смысла оценка действий осужденной в приведенном примере по двум эпизодам ч. 1 ст. 305 УК является социально оправданной, потому что уж слишком несправедливой и явно недостаточной была бы квалификация содеянного по ч. 1 ст. 292 УК РФ. Но возможно ли в угоду здравому смыслу и житейской логике отступление от принципа законности, который является ведущим принципом права вообще и отрасли уголовного права в частности (ст. 3 УК РФ)? И возможно ли оправдать

аналогию норм Особенной части какими-то рациональными аргументами? Бесспорно, ответы на поставленные вопросы должны быть отрицательными.

В приведенном примере ч. 1 ст. 305 УК РФ при квалификации деяний осужденной была применена явно по аналогии, поскольку вынесение заведомо неправосудного судебного акта, как справедливо замечено в юридической литературе, представляет собой его несоответствие «фактическим обстоятельствам юридического конфликта, подлежащего судебному разрешению, и выраженного в неправильном применении норм материального и (или) процессуального права», но при принципиальном использовании судебной процедуры. При подлоге судебная процедура не используется вовсе. При неправосудии виновный эксплуатирует свое положение при отправлении правосудия. Однако при подлоге происходит эксплуатация властных и технических возможностей доступа к тем или иным ресурсам органа судебной системы — например, доступ к бланкам судебных документов, печатям суда и проч.

При неправосудии необходимым условием констатации такового выступает отмена вышестоящим судом того судебного Постановления, о заведомой незаконности которого поднимается вопрос в отдельно взятом случае, на что, кстати, абсолютно правильно было обращено внимание в письме Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 21 июля 2010 г. № ВКК-ИП 389/10 и Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 октября 2011 г. № 23-П, которым были признаны не соответствующим Конституции РФ взаимосвязанные положения ст. ст. 144, 145 и 448 УПК РФ, п. 8 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» в той мере, в какой этими положениями допускается возбуждение в отношении судьи уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 305 УК РФ, в случае, когда соответствующий судебный акт, вынесенный этим судьей, вступил в законную силу и не отменен в установленном процессуальным законом порядке.

Примечательно, что в приведенном выше случае осужденная указывала в кассационной жалобе на то, что неправосудные судебные акты, вынесение

которых было ей инкриминировано по двум эпизодам ст. 305 УК РФ, не отменены. Но отмены фальшивых судебных актов для вменения соответствующего деяния судье и не требуется, поскольку они, не будучи промежуточными или итоговыми результатами отправления правосудия, изначально, априори не имеют юридической силы. Другое дело — объективированный вовне результат неправосудия.

Приведенный конкретный пример из практики высшего органа системы судов общей юрисдикции наиболее наглядно иллюстрирует ущербность отсутствия в рамках главы 31 УК РФ специальной нормы, посвященной судебному подлогу. Конструирование подобной нормы могло бы, на наш взгляд, стать одним из шагов на пути преодоления в названной главе диспропорции между охраной правосудия от негативного влияния на него извне и разрушением системы изнутри.

Список литературы:

1. Благодарь И.С. Фальсификация доказательств: ответственность и вопросы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
2. Карташов А.Ю. Уголовная ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.
3. Лопатин К.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному праву: Автореф. Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАТОРАМ И РУКОВОДИТЕЛЯМ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ, РЕАЛИЗУЕМОГО НА ЭТАПЕ ИХ СОЗДАНИЯ

Суверов Михаил Юрьевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Ванин Виталий Владимирович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Анализ следственной и судебной практики позволяет выявить существенные различия между преступными сообществами, в которых организаторы и руководители имеют определенный («криминальный») статус, и теми, в которых они таковым статусом не обладают, но имеют криминальное прошлое. Существуют также преступные сообщества, в которых лидеры вообще не имеют криминального прошлого. В полной мере от этого зависит выбор направления деятельности, для которой создаются преступные сообщества. Такое основание позволяет разделить все преступные сообщества на три вида: первые, во главе которых стоят лидеры, имеющие криминальный опыт и криминальный статус («вор в законе», «положенец», «смотрящий» и т. п.); вторые, их лидеры могут иметь криминальный опыт, но не имеют криминального статуса; третьи, лидеры которых не имеют криминального опыта. Деятельность каждого из таких преступных сообществ осуществляется в соответствии со статусом ее лидера и имеет значительные отличия от других по разным параметрам.

Предложенная классификация не является абсолютной, есть и другие основания деления на виды преступных сообществ. Специально следует отметить, что существуют такие сообщества, которые организованы на этнической основе. При этом классификация, предложенная выше, в полной мере распространяется и на них. Организовать и руководить этническим

сообществом может лидер, который имеет криминальный статус или не имеет такового, а совершаться такими сообществами могут абсолютно различные преступления, на которые не оказывает влияние национальный состав ее членов. На это обстоятельство указывают ученые, в частности В.Г. Рубцов отмечает: «Для преступных формирований, организованных на этнической основе (так же как для других организованных криминальных объединений), невозможно выделить единую криминалистическую характеристику преступлений, полноценно описывающую разнообразные виды преступных деяний, которые они совершают».

Как показывают исследования, лидеры, имеющие криминальный опыт и статус, в своей деятельности придерживаются криминального направления, то есть совершают общеуголовные преступления (разбойные нападения, кражи, вымогательства, а также криминальное прикрытие своего легального бизнеса), и поддерживают воровские традиции.

Лидеры, которые имеют только криминальный опыт, как правило, ориентируют деятельность возглавляемого ими сообщества на преступления, направленные на предоставление незаконных услуг и извлечение незаконной прибыли (торговля наркотическими средствами, проституция, торговля оружием и т. п.), а преступления насильственного характера носят сопутствующий характер. Как правило, такие руководители не поддерживают «воровских» традиций и совершают преступления для извлечения материальной выгоды.

В преступных сообществах, лидеры которых ранее не попадали в поле зрения правоохранительных органов, осуществляют, как правило, незаконную экономическую деятельность, не связанную с общеуголовными преступлениями (присвоение, растрата, хищение государственных средств и т. п.).

Особым видом преступных сообществ являются сообщества, лидерами и участниками которых являются бывшие или действующие сотрудники правоохранительных органов или служащие. Если первые совершают любые преступления в целях извлечения материальной выгоды, в том числе

общеуголовные, то последние — в основном преступления экономической направленности, с использованием той сферы деятельности, в которой они выполняют свои должностные обязанности.

В литературе имеются и другие виды классификации преступных сообществ. Так, например, криминологи организованные преступные формирования разделяют на два основных типа: преступные сообщества — органы, координирующие деятельность организованных преступных формирований, которые фактически руководят организованной преступностью и не участвуют в подготовке и совершении конкретных преступлений (например, «воры в законе»), и преступные организации — формирования, создаваемые для совершения конкретных преступлений, причем не всегда тяжких или особо тяжких [2; с. 67].

Говоря о правовой оценке деятельности преступных сообществ, ученые разделяют их на три основных вида. «Систематическое толкование уголовного закона (ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ) позволяет выделить три разновидности преступных сообществ:

- сплоченная организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений;
- объединение организованных групп, созданное в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений;
- объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп для разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений» [1; с. 23]

Данное положение подтверждается и западными аналитиками, которые, анализируя деятельность организованной преступности в Российской Федерации, определяют: «Европол разделяет структуры российских организованных преступных формирований, распространяющих свое влияние на государства — члены Европейского союза, на два главных типа. Наряду с традиционными иерархическими организациями существуют и так называемые свободные подвижные сети (свободные объединения), которые

не имеют лидеров в строгом смысле, но состоят из относительно независимых членов, сгруппированных вокруг одной или более ключевых фигур. Примером такой структуры является «Солнцевская» группировка, которая больше похожа на сеть многочисленных ячеек, действующих относительно автономно, чем традиционную иерархическую структуру. Она объединена вокруг ключевых лиц, являющихся не лидерами как таковыми, а «авторитетными» людьми внутри группировки. Группировка ориентируется на бизнес и избегает использования насилия. Традиционный инструмент российской «мафии» (применение насилия) заменен широким использованием структур легального бизнеса. Компании или даже целые экономические сектора могут косвенно находиться под контролем ее членов. Свободные объединения представляют самую большую проблему для правоохранительных органов по той причине, что их почти невозможно идентифицировать, собрать о них информацию и противостоять им. То, что кажется единственной организованной преступной группой, часто является только маленькой ячейкой преступных структур, в которые может входить большое число свободно объединенных участников и группировок. Даже если такая ячейка ликвидируется, это ни в коем случае не затрагивает всю структуру, которая существует благодаря совместным действиям ее многочисленных легко заменяемых частей. Эти структуры могут стать чрезвычайно сложными и комплексными преступными системами, которым можно противостоять только совместными усилиями различных правоохранительных органов» [4; с. 56].

Таким образом, деление преступных сообществ по положению ее лидера имеет практическое значение. Наличие у организаторов и руководителей преступных сообществ криминального опыта обуславливает структуру и систему деятельности преступного сообщества, в том числе направленную на противодействие выявлению и пресечению его правоохранительными органами, и реализуется уже на этапе его создания.

С учетом того, что существует как минимум три вида преступных сообществ, которые мы выделили, деятельность ее организаторов

и руководителей, направленная на противодействие правоохранительным органам, существенно различается. В связи с этим мы рассмотрим наиболее сложную систему противодействия преступных сообществ расследованию преступлений на этапе его создания, организованную лидерами, имеющими криминальный опыт.

Такое положение обусловлено тем, что преступные сообщества, во главе которых стоят лидеры, не имеющие криминального статуса или криминального прошлого, вопросам противодействия уделяют мало внимания или не уделяют вообще.

Изучение следственной и судебной практики, опрос практических работников правоохранительных органов позволяет сделать вывод, что в ходе расследования преступлений, совершенных организованными преступными сообществами, а затем и расследования самой деятельности по организации преступного сообщества уже на начальном этапе следователь сталкивается с существенным противодействием со стороны преступников. При этом следует констатировать, что на первоначальном этапе своей деятельности, сотрудники следственных подразделений и органов дознания еще могут не быть абсолютно уверенными, что расследуемые ими преступления совершены членами организованных преступных сообществ. Отдельные фрагменты такой информации могут иметься у сотрудников органов дознания (оперативных подразделений), обслуживающих, например, территорию, на которой были совершены расследуемые преступления. Следователь же такой информацией, как правило, не располагает. Им, в ходе производства отдельных следственных действий, могут быть получены некоторые данные, свидетельствующие о совершении преступлений не одним, а несколькими лицами. Такая ситуация, с одной стороны, в полной мере заслуга организаторов и руководителей преступных сообществ, членами которых были совершены данные преступления.

Этому предшествует огромный объем работы. Создавая преступное сообщество, организатор, имеющий практику общения с правоохранительными

органами, уже на начальном этапе его создания осуществляет мероприятия, направленные на противодействие выявлению и расследованию такой деятельности.

Одним из основных таких мероприятий является подбор руководящего звена и первых участников преступного сообщества. Обычно первоначальный подбор осуществляется в местах отбывания наказания организаторов и руководителей преступного сообщества. В основу такого подбора ложатся личные качества кандидатов, а также их отношение к «воровским традициям». Это в полной мере обеспечивает поддержание лидерами преступного сообщества поведения членов внутри его (невозможность добровольного выхода из него, неразглашение сведений о лидерах и участниках преступного сообщества и т. п.). Огромную роль в этом играет наличие «криминального» статуса у организаторов и руководителей преступных сообществ. Восприятие лидера как лица, обладающего большими возможностями, как в криминальной среде, так и вне ее, оказывает на участников преступного сообщества огромное психологическое воздействие, что в конечном итоге влияет на решение об участии в деятельности преступного сообщества и дальнейшем беспрекословном подчинении его лидеру.

Наряду с личностными качествами в свою очередь лидеры преступного сообщества подбирают лиц, имеющих квалифицированные навыки совершения той или иной преступной деятельности (обращение с оружием, экономические знания, производство наркотиков и т. п.). Кроме этого, лидерами уделяется особое внимание психологическому состоянию кандидатов, особенно в части возможного противодействия правоохранным органам.

Еще одним значительным этапом подготовки деятельности преступного сообщества является создание общей кассы (так называемый общак) и выделение из нее средств на обеспечение противодействия правоохранным органам. Значительные суммы общих денежных средств лидерами преступных сообществ тратятся на приобретение дорогостоящих технических средств, используемых как для подготовки и скрытного совершения

преступлений, так и для противодействия правоохранительным органам. Одним из примеров может служить использование преступными сообществами при совершении преступлений дорогостоящих раций, для невозможности пеленгации местонахождения участников преступления в момент его осуществления.

В процессе существования преступного сообщества его деятельность «сопровождают» адвокаты и юристы, которые также оплачиваются из средств общей кассы и нанимаются они задолго до задержания участников преступного сообщества. В некоторых случаях лидеры преступных сообществ направляют отдельных членов преступных сообществ или их детей для обучения юридическим и экономическим специальностям в вузы. Соответственно, обучение оплачивается из средств общей кассы сообщества.

Немалые средства из общей кассы выделяются на поддержку осужденных участников преступных сообществ и членов их семей. Это обстоятельство также оказывает психологическое воздействие на участников сообщества, создает у них уверенность в поддержке их лидерами, соответственно, формирует у них сознание о преданности им и принадлежности преступному сообществу.

Влияние на способы противодействия на этапе создания сообщества оказывает регион, в котором будет осуществляться преступная деятельность. Этот фактор является одним из основных, от него зависит целый комплекс подготовительных действий, осуществляемых организаторами и руководителями преступных сообществ, таких как: выбор направления преступной деятельности (зависит от характера хозяйственной деятельности в данном регионе); подбор участников (местные жители или лица, имеющие поддержку в регионе); подготовка средств и методов преступной деятельности; разработка структуры построения преступного сообщества, способов общения и связи ее участников между собой и лидерами; способы легализации преступных доходов и осуществление легальной деятельности прикрытия преступного сообщества и т. п.

Достаточно часто лидерами преступных сообществ широко используется оказание помощи (финансовой и т. п.) коррумпированным сотрудникам правоохранительных органов и чиновникам различного уровня. Данная помощь не является безвозмездной, в обмен от них требуется покровительство в случаях привлечения к уголовной ответственности как самих организаторов и руководителей преступных сообществ, так и ее участников, а также информирование лидеров преступных сообществ о деятельности правоохранительных органов в отношении преступного сообщества. Чиновники, как правило, высокого уровня оказывают поддержку в легальной финансовой деятельности преступного сообщества. Приходится признать, что коррумпированные сотрудники правоохранительных органов используются лидерами преступных сообществ для устранения конкурентов. Снабжая таких сотрудников информацией о противоправной деятельности других преступных формирований, действующих на территории данного преступного сообщества, они способствуют привлечению их к уголовной ответственности, что значительно расширяет возможности преступной деятельности сообщества. Такое направление деятельности преступного сообщества планируется и осуществляется уже на этапе его создания.

Кроме этого, организаторы и руководители преступных сообществ внедряют своих участников в различные государственные структуры, которые лоббируют их экономические интересы.

На этапе создания преступных сообществ их лидерами планируется и в последующем реализуется деятельность, направленная на установление транснациональных связей с преступными сообществами, осуществляющими свою деятельность за пределами РФ. Такая связь позволяет значительно расширить сферу деятельности преступного сообщества (торговля наркотическими средствами, преступления в сфере высоких технологий, проституция, торговля оружием и т. п.), повышает возможности членов преступного сообщества, направленные на противодействие правоохранительным органам в части привлечения их к уголовной ответственности (выезд в

конкретно подготовленное место за пределы РФ, вывод финансовых активов преступного сообщества за пределы РФ и т. п.). В некоторых случаях установление транснациональных связей является фактором, обуславливающим создание преступного сообщества.

В правоприменительной деятельности имеются случаи, когда для подготовки будущих членов преступных сообществ организовывались летние лагеря, по типу пионерских. В этих лагерях подростки обучались воровскому ремеслу, изучению воровских традиций, обращению с различными видами оружия и т. п..

Разработка правил поведения внутри преступного сообщества, а также в случае попадания в поле зрения правоохранительных органов, является фактором, обеспечивающим безопасность как его лидеров, так и его участников. Этому лидерами уделяется особое внимание уже на этапе создания, правила поведения оговариваются с руководителями и участниками преступного сообщества. Как правило, лидерами делаются выводы из их предыдущей неудачной преступной деятельности, что и ложится в основу поведения участников преступного сообщества. В частности, разрабатываются они таким образом, что рядовые участники структурных подразделений и сообщества в целом не обладают информацией о деятельности иных подразделений в составе преступного сообщества, а также об их лидерах, но знают, что во главе всего сообщества стоит «авторитетный» человек, хотя могут и не знать, кто конкретно. Такая конспирация в случае воздействия на преступное сообщество со стороны правоохранительных органов позволяет ее лидерам уклоняться от ответственности, к сожалению, очень эффективно.

Деятельность лидеров преступных сообществ по их организации с учетом особенностей планирования противодействий, перечисленных выше, уже на этапе создания ставит их в разряд неуязвимых для правоохранительных органов.

В связи с этим знание следователями и сотрудниками органов дознания принципов организации и построения организованных преступных сообществ,

мероприятий, направленных на осуществление противодействия выявлению и пресечению их деятельности, в значительной степени повысит эффективность борьбы с участниками организованных преступных сообществ, а самое главное, их организаторами и руководителями.

Результаты деятельности следователя, направленной на нейтрализацию организаторов и руководителей как ключевого звена преступных сообществ, могут быть достигнуты только при тесном взаимодействии следователя со всеми подразделениями правоохранительных органов и иных организаций и граждан, которые должны быть заинтересованы в пресечении деятельности преступных сообществ и привлечения их лидеров к уголовной ответственности.

Список литературы:

1. Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2.
2. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
3. Рубцов В.Г. Противодействие расследованию деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, и криминалистические методы его преодоления: Монография. М.: Юрлитинформ, 2011.
4. Стрельников К.А. К вопросу о противодействии современной организованной преступности // Российский следователь. 2009. № 6.

СТАТЪЯ УДАЛЕНА ПО ЗАПРОСУ ПРАВООБЛАДАТЕЛЯ

**НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ,
НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ**

Фёдоров Сергей Викторович

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Ванин Виталий Владимирович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012—2017 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761, предусматривает необходимость совершенствования законодательства РФ в области защиты их имущественных прав, в том числе своевременное обеспечение лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, благоустроенными жилыми помещениями. Как результат, ожидается увеличение числа выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обеспеченных жильем.

Обобщив судебную практику по делам, связанным с обеспечением жилыми помещениями указанных лиц, Верховный Суд РФ отметил, что в качестве главной задачи для судов было не только своевременное и правильное рассмотрение дел этой категории, но и их рассмотрение с учетом всех конкретных обстоятельств, чтобы споры были разрешены в интересах граждан.

Несмотря на обозначенную направленность государственной деятельности, проблема обеспечения жильем детей-сирот в Хабаровском крае до настоящего времени не решена и является одной из наиболее острых.

Кроме того, проводимая в целях защиты жилищных прав детей-сирот работа свидетельствует о том, что сделанный в указанном Обзоре вывод о разрешении споров в их интересах не всегда подтверждается практикой,

а предусмотренная п. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (далее — Федеральный закон № 159-ФЗ) гарантия на жилое помещение не имеет действенного механизма реализации [1].

Так, к началу 2014 года в списке детей-сирот, нуждающихся в благоустроенных жилых помещениях государственного жилищного фонда Хабаровского края, состояло 2857 человек. При этом с 2009 г. им предоставлено не более 300 квартир. Длительное время реализация прав лиц, не обеспеченных жильем в прошлых годах, откладывается правительством края на будущий год, вследствие чего принятые государством в соответствии со ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ обязательства по предоставлению жилых помещений детям-сиротам должным образом не реализуются.

Следуя Приказу Генерального прокурора РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», органы прокуратуры края проводят масштабную работу по защите прав детей-сирот. В целях понуждения краевых органов исполнительной власти к обеспечению последних жилыми помещениями в интересах всех разысканных, а также самостоятельно обратившихся к прокурору граждан, имеющих право на получение жилья, направлены иски в суд. Эта мера реагирования в большинстве случаев - наиболее эффективный и действенный способ оказания помощи, в том числе потому, что судебный акт обеспечен силой принудительного исполнения. Однако, несмотря на требования ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 13 ГПК РФ об обязательности судебных постановлений, а также предусмотренные Федеральным законом от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Федеральный закон № 229-ФЗ) 2-месячный срок для совершения исполнительных действий и ответственность за неисполнение судебных актов и законных требований

судебных приставов-исполнителей, наличие вступившего в законную силу решения суда о предоставлении жилья не обеспечивает своевременного восстановления нарушенных прав. Так, по состоянию на начало текущего года остаются неисполненными принятые с июля 2011 года судебные акты.

Эта ситуация вызывает многочисленные обращения граждан о неправомерном бездействии государственных органов и обусловлена следующим.

Исходя из ст. ст. 5, 8 Федерального закона № 159-ФЗ обязанность по предоставлению жилья детям-сиротам возложена на субъекты РФ и отнесена к их расходным обязательствам.

В Хабаровском крае ответчиком по обозначенной категории исков выступает Министерство жилищно-коммунального хозяйства края (далее — Министерство ЖКХ края), которое соответствующим Положением о Министерстве (утверждено Постановлением правительства края от 6 мая 2006 г., а также Постановлением губернатора края от 25 апреля 2006 г. «О мерах по совершенствованию управления государственным жилищным фондом Хабаровского края», далее — Постановление № 96) наделено полномочиями по управлению и распоряжению жилищным фондом края, принятию решений о предоставлении жилых помещений, находящихся в казне края. Кроме того, в отличие от ситуации в других регионах, несмотря на возможность, предоставленную п. 6 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 184-ФЗ), в Хабаровском крае органы местного самоуправления не наделены полномочиями субъекта РФ по обеспечению жильем детей-сирот.

Проверкой причин длительного неисполнения состоявшихся судебных решений установлено, что свободных жилых помещений краевого жилищного фонда в городах и районах края нет. Наряду с тем, что Министерство ЖКХ края при наличии свободных жилых помещений в собственности края предоставляет

жилье детям-сиротам, полномочий на выделение денежных средств и приобретение либо строительство таких жилых помещений у него нет.

Так, приобретение имущества в краевую государственную собственность исходя из соответствующего Положения, утвержденного Постановлением правительства края от 10 апреля 2008 г., является одной из основных функций Министерства имущественных отношений края (далее — Минимущество края). Министерству строительства края (далее — Минстрой края) Постановлением № 96 переданы полномочия главного распорядителя бюджетных средств, поступающих из федерального и краевого бюджетов в целях строительства жилых помещений для детей-сирот.

Взаимоотношения между названными ведомствами урегулированы Регламентом взаимодействия и обмена информацией между исполнительными органами государственной власти Хабаровского края по вопросам управления и распоряжения государственным жилищным фондом края (утвержденным Постановлением правительства края от 1 сентября 2006 г.), которым до августа 2013 года предусматривалась возможность направления Министерством ЖКХ края в Минимущество края заявок на приобретение жилых помещений для нуждающихся лиц.

При этом факт направления такой заявки был неэффективной мерой, поскольку предложения на строительство и приобретение квартир для детей-сирот Министерством ЖКХ края в Минстрой края и Минимущество края с 2011 г. направлены на 2165 квартир, в том числе по вступившим в законную силу решениям суда — на 1293 квартиры; тогда как предоставлено рассматриваемой категории граждан только 210 жилых помещений, а в истекшем периоде 2013 года обеспечено жильем лишь 46 человек, что обусловлено в основном ограниченным финансированием, а также затянутыми сроками приобретения жилья.

Так, направленные Министерством ЖКХ в Минимущество края в конце 2012 года заявки на приобретение в собственность края жилых помещений по имевшим место и вступившим в законную силу в третьем квартале 2012 года

решениям суда в январе 2013 года возвращены Минимуществом без исполнения по причине недостаточного количества средств, предусмотренных бюджетом края на эти цели на очередной финансовый год.

Таким образом, принятие службой судебных приставов реальных мер к исполнению решения суда о возложении на Министерство ЖКХ края обязанности по предоставлению жилого помещения сироте существенно осложняется фактическим отсутствием у должника реальной возможности его исполнить, а также отсутствием рычагов воздействия на иные структуры правительства края, от которых зависит обеспечение сирот жильем.

В целях решения указанной проблемы и в связи с непринятием адекватных мер по представлениям, внесенным губернатору края для устранения нарушений ст. 8 Федерального закона № 159-ФЗ и увеличения финансирования, прокуратурой края в 2012 г. в суд направлены иски в интересах детей-сирот о возложении обязанности обеспечения их жильем непосредственно на правительство края. При этом прокурор исходил из того, что согласно Уставу края и Закону края от 27 ноября 2001 г. «О правительстве Хабаровского края» правительство края является высшим исполнительным органом государственной власти края, обеспечивающим реализацию полномочий исполнительной власти края, решающим вопросы, отнесенные к его компетенции федеральными законами, включает в свою структуру министров и имеет полномочия по формированию краевого бюджета (губернатор края ежегодно представляет на утверждение Законодательной Думы краевой бюджет и отчет о его исполнении).

Однако судом по всем таким искам в качестве соответчика привлечено Министерство ЖКХ края, после чего на него возложена обязанность по предоставлению жилья, а в требованиях к правительству отказано.

На два решения суда прокуратурой края принесены апелляционные и кассационные представления, где, кроме прочего, отмечено наличие у Министерства ЖКХ края лишь полномочий по предоставлению жилых помещений, тогда как заявленные требования по обеспечению жильем

включают не только его фактическое предоставление, но и выделение финансовых средств и приобретение.

Доводы прокурора оставлены Хабаровским краевым судом без внимания. По результатам рассмотрения кассационного представления судья Верховного Суда РФ не нашел оснований для его передачи для рассмотрения Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ, отметив правильный вывод об отказе в удовлетворении требований к правительству края и возложении обязанности на указанное Министерство, поскольку оно нормативными правовыми актами края определено как специально уполномоченный орган по управлению и распоряжению жилищным фондом края и наделено полномочиями по организации ведения учета нуждающихся граждан и принятию решений о предоставлении им жилых помещений.

Прокуратура края в суде первой инстанции также заявляла требования о возложении на правительство края обязанности по финансированию исполнения обязательства по обеспечению сироты жилым помещением, на Минимущество края — по приобретению такого жилого помещения в собственность края, на Министерство ЖКХ края — по его последующему предоставлению.

Судом в удовлетворении требований к правительству и Минимуществу края отказано, принято аналогичное имеющимся решение о возложении обязанности по предоставлению жилья на Министерство ЖКХ края. Меры по обжалованию судебного акта не принесли результатов.

Как известно, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется.

С учетом изложенного представляется, что при разрешении указанных споров судами фактически не учитывались интересы детей-сирот, поскольку они, имея право на внеочередное получение жилья, которое в том числе подкреплено решением суда о возложении обязанности на Министерство ЖКХ края его предоставить, не могут реализовать его на протяжении нескольких лет.

Кроме того, в дальнейшем из упомянутого Регламента Постановлением правительства края от 21 августа 2013 г. № 237-пр в целом исключена возможность направления Министерством ЖКХ в Минимущество края заявок на приобретение жилых помещений. Исходя из разд. 4 Регламента в новой редакции Министерство ЖКХ края направляет в Минстрой края заявки на строительство (приобретение) в очередном финансовом году жилых помещений для нуждающихся граждан, а также дополнительные заявки во исполнение вступивших в законную силу решений судов; Минстрой направляет в Минимущество края ходатайство о приобретении на вторичном рынке недвижимости жилых помещений в населенных пунктах края, в которых не осуществляется строительство жилых домов.

Таким образом, исполнение вступивших в законную силу решений судов, в том числе вынесенных в 2012 г., будет организовано в основном посредством строительства жилых помещений, которое является длительным и имеет неопределенные сроки. Направление заявок на приобретение квартир в Минимущество края будет возможно только раз в год и только в отношении тех населенных пунктов края, где строительство не предусмотрено.

О том, что указанные обстоятельства могут повлечь ухудшение ситуации с неправомерной задержкой исполнения судебных решений и, как следствие, усугубят допущенные нарушения, проинформирован губернатор края.

В целях защиты жилищных прав детей-сирот неоднократно принимались и иные меры. С учетом сложившейся судебной практики и в связи с существенным затягиванием сроков применения ст. 105 Федерального закона № 229-ФЗ, предусматривающей взыскание исполнительского сбора и составление административных протоколов в случае неисполнения требований исполнительного документа, вносились представления главному судебному приставу края. Складывающаяся ситуация постоянно контролировалась прокуратурой края.

В результате правительством края приняты меры по ее улучшению: внесены изменения в ст. 5 Закона края от 25 апреля 2007 г. № 119 «О мерах

социальной поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей», предусматривающие предоставление детям-сиротам до обеспечения их жилыми помещениями ежемесячной компенсации расходов за наем жилья (не более 10000 руб.), порядок ее назначения и предоставления; ведется строительство жилья в нескольких городах и районах края; утвержден порядок приобретения в собственность края жилых помещений, не требующий проведения торгов (в соответствии с позицией, высказанной Президиумом ВАС РФ); в целях предоставления взыскателям денежной компенсации вместо квартир разработан проект заключаемого в рамках исполнительного производства мирового соглашения и т. д.

Тем не менее до полного решения жилищной проблемы детей-сирот еще далеко, деятельность функционирующих в крае государственных органов не позволяет своевременно обеспечить нуждающихся жилыми помещениями, что требует значительных усилий по реальному восстановлению законности в рассматриваемой сфере. Сложившаяся ситуация усугубляется неуклонным увеличением численности состоящих в списке лиц, нуждающихся в жилье.

Практика регионов, где полномочия по предоставлению жилья сиротам переданы органам местного самоуправления, также свидетельствует о фактах их недостаточного финансового обеспечения, что ставит под угрозу решение проблемы и зачастую влечет нарушение прав нуждающихся.

Так, Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) (далее сокращенно — РС (Я)) в декабре 2013 года утвержден Закон РС (Я) «О государственном бюджете РС (Я) на 2014 год», которым на предоставление жилья детям-сиротам предусмотрено 162,3 млн. руб., или 20 % от необходимого объема финансирования (в 2014 г. в РС (Я) право на жилье возникает у 618 лиц указанной категории, на реализацию чего необходимо 826,3 млн. руб.). В результате на муниципалитеты и дотационные местные бюджеты возложено исполнение финансово не обеспеченных полномочий в отношении 495 детей-сирот, что противоречит п. 6 ст. 26.3 Федерального

закона № 184-ФЗ, ч. 5 ст. 19, ч. 3 ст. 20 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», п. 3 ст. 86 БК РФ, исходя из которых при осуществлении органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий эти обязательства исполняются за счет и в пределах субвенций из бюджета субъекта РФ [2].

Вместе с тем судебная практика в регионе сложилась таким образом, что обязанность по предоставлению жилого помещения по искам прокуроров возлагается лишь на органы местного самоуправления. Горрайпрокурорами республики на основании положений п. 1 и подп. 24 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ, ст.ст. 125, 126 ГК РФ, а также позиции Конституционного Суда РФ, высказанной в Постановлении от 23 апреля 2004 г. № 9-П и Определении от 8 февраля 2007 г. № 322-О-П, предъявлялись требования к казне РС (Я) в лице Министерства финансов РС (Я) о взыскании суммы субвенции на приобретение жилого помещения, а также последующем понуждении муниципального образования по получении субвенции предоставить жилое помещение сироте. Первоначально судами первой инстанции эти требования признавались обоснованными и были удовлетворены в связи с установленной в судебном заседании неполнотой финансирования, повлекшей нарушение прав материальных истцов, а также постольку, поскольку предоставление жилья сиротам должно осуществляться за счет средств, выделяемых из бюджета РС (Я), составляющего казну республики, интересы которой представляет Министерство финансов РС (Я). Однако Верховным судом РС (Я) такие решения отменены со ссылкой на передачу законом субъекта обязанности по обеспечению жильем именно органам местного самоуправления, а также невозможность изменения размеров межбюджетных трансфертов по требованию физического лица (в этом случае — сироты), не являющегося участником бюджетного процесса, поскольку действующее законодательство РФ не наделяет физических лиц какими-либо бюджетными полномочиями. Последствия такой позиции

аналогичны ранее упомянутым и представляют собой существенное затягивание сроков исполнения судебных актов о предоставлении жилья.

Подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что Федеральный закон № 159-ФЗ фактически не гарантирует предоставления жилья детям-сиротам, поскольку на практике осуществление их жилищных прав зависит от того, как расставит приоритеты высший орган исполнительной власти субъекта, и от финансовых возможностей региона. Вследствие этого финансирование указанной меры социальной поддержки значительно отстает от растущей потребности. Обозначенная проблема требует урегулирования на федеральном уровне путем усовершенствования механизма реализации и финансового обеспечения прав детей-сирот на жилое помещение.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».
2. Федеральный закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Чубенко Евгений Сергеевич

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Шишкин Алексей Александрович

*научный руководитель, канд. юрид. наук, и.о. зав. кафедрой «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Конституционные нормы позволяют определить подходы к правовому регулированию супружеских и родительско-детских отношений. Предпосылки собственно семейного законодательства обнаруживаются в целом ряде положений Конституции РФ: ст. 7 гл. 1 «Основы конституционного строя»; ст. 17, 19, 21, 23, 27, 35, 38, 43, 45, 46, 60 гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина». В этом же ряду должна быть указана ст. 55. Конституционный текст наполняется еще более широким смыслом с помощью его толкования с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации.

Надлежащая, полная реализация конституционных положений, имеющих семейно-правовое значение, невозможна исключительно в границах семейного законодательства, она обеспечивается системой норм разноотраслевой природы. В целях реализации указанных конституционных положений полезно выявлять отклоняющиеся от следования им законодательные решения и пробелы в правовом регулировании, из-за которых в судебной практике встает вопрос о непосредственном применении Конституции РФ. Мониторинг российского законодательства под этим углом зрения дает немалый по объему «улов» дефектов правового регулирования. Обратим внимание на некоторые из них [2; с. 12].

Равное право и обязанность родителей заботиться о детях и их воспитывать (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ). Сфера воспитания детей традиционно

женская, но благодаря идее равноправия женщинам удалось выйти за ее рамки. В этой сфере принцип равноправия нарушается в настоящее время в отношении мужчин.

По мере постепенного изменения общественного сознания и стирания тендерных стереотипов дискриминация мужчин при осуществлении родительских прав, проявлявшаяся в судебной практике по спорам об определении места жительства ребенка, преодолевается. Хотя в большинстве судебных решений место жительства ребенка по-прежнему связывается с местом жительства матери, в последние годы возрастает число случаев, когда оно определяется судом с учетом места жительства отца. При недавнем обобщении судебной практики на такую тенденцию указали Верховный суд Республики Коми, Пермский краевой суд, Волгоградский и Ярославский областные суды. Вместе с тем российское законодательство по-прежнему не обеспечивает в полной мере условий для воспитания малолетнего ребенка отцом, аналогичных созданным для осуществления материнского ухода. Дискриминация отцов (усыновителей) по признаку пола при осуществлении ими родительских прав напрямую затрагивает права и интересы как родителей, так и детей [3; с. 21].

Гарантией надлежащего материнского ухода за малолетним ребенком в первые годы его жизни является обязанность мужа (бывшего мужа) предоставлять жене (бывшей жене) алименты в течение трех лет со дня рождения их общего ребенка (п. 2 ст. 89, п. 1 ст. 90 СК РФ). В то же время муж (бывший муж), воспитывающий ребенка, не достигшего возраста трех лет и не относящегося к категории «ребенок-инвалид», подобной гарантией необоснованно не наделен. Такое законодательное регулирование нарушает права отцов, а точнее — их право на воспитание своих детей, и противоречит конституционному принципу равноправия. В указанном случае у мужа (бывшего мужа) должно иметься право на алименты от жены (бывшей жены).

Основным доводом властей Российской Федерации по этому делу, как следует из названного Постановления (п. 113), служило их опасение,

что массовый уход военнослужащих-мужчин в отпуск по уходу за ребенком имел бы отрицательное влияние на боеспособность и эксплуатационную эффективность вооруженных сил. Указывалось и на особую связь, биологическую и психологическую, между новорожденным ребенком и матерью (п. 116). Однако, отмечается в названном Постановлении, оценка количества мужчин-военнослужащих, готовых взять отпуск по уходу за ребенком, властями Российской Федерации не производилась (п. 144). В отличие от декретного отпуска, предназначенного для восстановления женщины после родов и грудного вскармливания ребенка (по ее усмотрению), «в течение периода, соответствующего отпуску по уходу за ребенком, мужчины и женщины «поставлены в сходное положение» (п. 132).

Условия предоставления сотруднику органов внутренних дел такого отпуска тоже различаются в зависимости от пола. Отпуск сотруднику органов внутренних дел, являющемуся отцом (усыновителем, попечителем), предоставляется до достижения ребенком трех лет, но только при условии, что отец воспитывает ребенка без матери (в случае ее смерти, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам). Это положение также нуждается в изменении с учетом равенства прав и обязанностей родителей по воспитанию детей [1; с. 32].

Дифференцированные правила получения и использования материнского (семейного) капитала родителями (усыновителями) в зависимости от их пола установлены Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». Дифференциация обосновывается Конституционным Судом РФ различиями в видах социального риска, которым подвержены мужчины и женщины. Однако отсутствие по названному Федеральному закону возможности у отца (усыновителя), приобретшего право на указанный капитал и соответственно воспитывающего детей без участия матери, направить средства на финансирование накопительной части своей трудовой пенсии,

тогда как у матерей такая возможность имеется, не может быть объяснено различиями в видах социального риска. На необходимость распространить эту возможность на отцов (усыновителей) указывается в научной литературе.

Заслоны на пути реализации принципов, провозглашенных в ст. 38 Конституции РФ, создаются не только материально-правовыми, но и процессуальными нормами. Нарастив арсенал мер, понуждающих должников к исполнению их конституционной родительской обязанности по уплате алиментов, российское законодательство одновременно надежно защищает проживающего на ее территории должника, блокируя принудительное взыскание с него алиментов по решению суда иностранного государства, с которым Российская Федерация не связана международным договором, предусматривающим признание и исполнение судебных решений по делам об алиментах.

На основании ч. 1 ст. 409 ГПК РФ решения иностранных судов признаются и исполняются на территории Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. Соответствующие международные договоры, предусматривающие исполнение решений иностранных судов по делам о взыскании алиментов, имеются, однако число государств, в отношении с которыми такие договоры применяются, ограничено. В отсутствие соответствующего международного договора Российской Федерации алименты, взысканные иностранным судом, уплачиваются должником, проживающим в России, лишь на добровольных началах, вследствие чего в материально ущемленном положении оказываются дети, на которых взысканы алименты, в том числе дети, состоящие в российском гражданстве и проживающие за рубежом.

Показательно Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ, которая со ссылкой на отсутствие международного договора о правовой помощи по семейным делам между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Германия признала законным и обоснованным определение Московского областного суда об отказе в удовлетворении ходатайства Ф.

о принудительном исполнении на российской территории решения районного суда ФРГ о взыскании алиментов на двух несовершеннолетних детей.

Таким образом, родитель-должник, проживающий в России, фактически освобождается от конституционной обязанности по содержанию своих несовершеннолетних детей только в связи с тем, что они проживают за границей и решение о взыскании алиментов вынесено в иностранном государстве, с которым у Российской Федерации нет необходимого договора. Между тем Конвенция ООН о правах ребенка провозглашает право ребенка на уровень жизни, необходимый для его всестороннего развития, и предусматривает ответственность родителей за обеспечение условий, необходимых для развития ребенка, принятие государствами-участниками мер для обеспечения взыскания алиментов в случае, когда ответственные лица проживают в государстве, отличном от государства, в котором проживает ребенок (ст. 27).

Несмотря на отсутствие международного договора между Российской Федерацией и Финляндией, предусматривающего исполнение судебных решений по гражданским делам (в Договоре о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 11 августа 1978 г., связывающем Россию и Финляндскую Республику, условие о принудительном исполнении судебных решений отсутствует), и взаимности со стороны Российской Федерации, Финляндия исполняет решения российских судов о взыскании алиментов. Причем взыскателю нет необходимости приглашать адвоката, так как его представителем при получении экзекватуры в этом случае выступает Министерство юстиции Финляндии.

Пропорциональность законодательных ограничений семейных прав целям защиты конституционно значимых ценностей (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В семейном законодательстве содержатся нормы-запреты. Наряду с тенденцией к их разрастанию под влиянием судебной практики отдельным положениям СК РФ об усыновлении в последнее время была придана некоторая гибкость в целях расширения пределов усмотрения суда. Так, первоначально жестко

ограничивался возраст ребенка, при усыновлении которого в целях сохранения тайны усыновления допускалось изменение даты его рождения: такая возможность имела лишь при усыновлении ребенка, не достигшего возраста одного года (п. 1 ст. 135 СК РФ в начальной редакции), что нарушало конституционное право граждан на семейную тайну.

Одновременно с внесением указанного изменения были смягчены отдельные положения, устанавливающие требования к доходу и жилым помещениям кандидатов в усыновители: суд стал вправе отступать от этих требований с учетом интересов усыновляемого ребенка и заслуживающих внимания обстоятельств (п. 1.1 ст. 127 СК РФ). Аналогичный подход был проявлен в 2011 г., когда была предусмотрена обязательная предварительная подготовка к усыновлению кандидатов в усыновители.

Обоснованные изъятия из общих правил сделаны в законодательстве в отношении усыновления ребенка его отчимом или мачехой (п. 1.2 ст. 127, п. 2 ст. 128, п. 2 ст. 132, п. 2 ст. 136, абз. третий п. 1 ст. 165 СК РФ; ч. 1.1 ст. 271 ГПК РФ). Ведь усыновляемый ребенок к моменту рассмотрения заявления о его усыновлении уже проживает одной семьей со своим будущим усыновителем и нередко считает его своим родителем, а кандидат в усыновители фактически исполняет роль родителя ребенка.

Однако и в случае с усыновлением ребенка его отчимом или мачехой законодатель не последователен. Ряд требований к усыновителю, являющемуся отчимом или мачехой ребенка, несмотря на сложившиеся семейные отношения с пасынком (падчерицей), сформулированы категорическим образом, исключающим вопреки интересам ребенка возможность судебного усмотрения и принятия во внимание конкретных жизненных обстоятельств. В частности, абсолютно жестким является условие об отсутствии криминального прошлого (абз. десятый п. 1 ст. 127 СК РФ).

В результате механического применения судом запрета без возможности судебного усмотрения фактические отношения, сложившиеся в семье, не могут быть вопреки прежде всего интересам ребенка оформлены юридически.

Юридически не оформленные семейные отношения не порождают для заявителя ни родительских прав, ни родительских обязанностей в отношении воспитываемого им ребенка и не влекут возникновения корреспондирующих семейных прав этого ребенка. Непреодолимый разрыв между фактическими семейными и юридическими отношениями в данном случае нарушает права всех членов семьи заявителя на уважение семейной жизни.

Обозначенный в СК РФ круг деяний, предусмотренных УК РФ, чрезвычайно широк, а судебное усмотрение при применении рассматриваемой нормы не допускается. Такое регулирование приводит к несоразмерным ограничениям прав членов семьи, закрепленных в Конституции РФ (ч. 1 ст. 23, ст. 38). Нет возможности учесть конкретную жизненную ситуацию и при назначении ребенку органом опеки и попечительства опекуна, попечителя, являющегося родственником ребенка и (или) проживающего с ним одной семьей (абз. третий п. 1 ст. 146 СК РФ).

Охрана законом собственности супругов (ст. 35 Конституции РФ). При законном режиме имущества супругов нажитое в браке имущество, приобретенное за счет общих доходов супругов, является их совместной собственностью независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено (п. 2 ст. 34 СК РФ). Государственная регистрация права общей совместной собственности на недвижимое имущество по общему правилу осуществляется на основании заявления одного из правообладателей, если законодательством Российской Федерации либо соглашением между правообладателями не предусмотрено иное (п. 3 ст. 24 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»).

Такое положение влечет многочисленные имущественные споры, когда супруг, не указанный в качестве правообладателя, вынужден доказывать свое право на общее имущество в судебном порядке, возможность не согласованного с сособственником-супругом отчуждения имущества, незаконного перехода имущества по наследству, принудительного выселения сособст-

венника после расторжения брака из общего жилого помещения. Осложняется реализация налоговых льгот супругом, который в силу законного режима имущества является собственником, но чье право собственности на недвижимое имущество не нашло отражение в ЕГРП.

Надлежащая защита права собственности супругов требует государственной регистрации права общей совместной собственности при возмездном приобретении супругами в период брака недвижимого имущества независимо от того, кто из супругов значится приобретателем имущества в договоре, если в отношении указанного имущества брачным договором не предусмотрено возникновение права собственности одного из супругов или их долевой собственности. Для этого необходима законодательная формулировка, исключающая возможность скрыть совместную собственность на недвижимое имущество под видом индивидуальной, но ее недостаточно без механизма установления регистрирующим органом факта состояния заявителя в браке или отсутствия брака на момент приобретения имущества [3; с. 56].

Заявитель мог бы быть обязан сообщать регистрирующему органу необходимые сведения о своем семейном положении и представлять подтверждающие документы, в том числе в необходимых случаях свидетельство о браке, свидетельство о разводе, свидетельство о смерти, копию вступившего в законную силу решения суда о признании брака недействительным, справку органа записи актов гражданского состояния об отсутствии факта государственной регистрации заключения брака (с созданием единой компьютерной базы данных органов записи актов гражданского состояния справки об отсутствии факта государственной регистрации заключения брака на территории Российской Федерации станут вполне достоверными).

Изъятия из режима совместной собственности должны производиться в соответствии с брачным договором, а также в случаях, когда отношения супругов регулируются иностранным законодательством и оно предусматривает иной режим имущества, приобретаемого в браке.

Список литературы:

1. Коротеев К.Н. Конфликт, которого нет. Комментарий к решению Большой палаты Европейского суда по правам человека по делу «Константин Маркин против России» // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
2. Макеева О.А. Актуальные направления реформирования алиментного законодательства России // Семейное и жилищное право. 2012. № 2.
3. Чефранова Е.А., Чашкова С.Ю. Применение семейного законодательства в нотариальной практике: Учеб. пособие. М., 2012.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРОВ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ
В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Щеглова Екатерина Андреевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Працко Геннадий Святославович

*научный руководитель, д-р юрид. наук, профессор кафедры «УПД»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Деятельность органов государственной власти в юридическом измерении выражается посредством издания правовых актов. Органы прокуратуры при организации надзора за законностью правовых актов должны исходить из того, что прокуратура обязана безотлагательно реагировать на все факты принятия в регионах конституций, уставов, законов, указов, постановлений, распоряжений и иных нормативных актов, противоречащих Конституции и федеральному законодательству. Персональная ответственность за это ложится именно на прокуроров субъектов РФ [2; с. 13].

Отмечая тесную связь деятельности органов прокуратуры и органов государственной власти субъектов РФ, можно определить ряд ключевых аспектов взаимодействия указанных органов: частичное закрепление статуса региональных прокуратур в законодательстве субъектов РФ; наличие процедуры согласования с органами государственной власти субъектов РФ кандидатур прокуроров субъектов Федерации; предоставление прокурорам ряда субъектов Федерации права законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе субъекта РФ.

Таким образом, осуществление функций прокуратуры по надзору за законностью нормативных правовых актов субъектов РФ реализуется в процессе взаимодействия органов государственной власти субъекта

Федерации и органов прокуратуры, функционирующих на территории данного субъекта. Деятельность прокуроров по обеспечению законности правовых актов законодательных органов субъектов РФ носит предупреждающий характер и может осуществляться еще в процессе нормотворчества: подготовки проектов нормативных правовых актов, проведения их правовой экспертизы и всестороннего обсуждения, внесения предложений в органы законодательной (представительной) власти субъектов РФ, а также в органы, обладающие правом законодательной инициативы, о принятии новых либо об отмене или изменении действующих нормативных правовых актов. Поэтому зачастую прокурор еще на этапе подготовки проектов нормативных актов может способствовать устранению нарушения закона [4; с. 20].

В соответствии с Приказами Генерального прокурора РФ № 30 — 1996 г. и № 42 — 1997 г. (соответственно п.п. 4.1 и 3), обязывающими прокуроров участвовать в заседаниях законодательных органов субъектов РФ с целью предотвращения принятия незаконных правовых актов, прокуроры субъектов РФ регулярно представляют в Генеральную прокуратуру РФ отчеты, в которых отражается общее количество проведенных заседаний представительного (законодательного) органа государственной власти соответствующего субъекта РФ с участием прокуроров, их заместителей, работников аппарата прокуратуры, а также количество подготовленных ими заключений по законопроектам. При этом на первое место ставятся обеспечение законности в сфере социально-экономических отношений, бюджетного, налогового, земельного, трудового законодательства, решение других актуальных проблем, непосредственно затрагивающих конституционные права и законные интересы граждан.

Предоставление органам прокуратуры права законодательной инициативы неоднократно являлось предметом научных дискуссий. Вместе с тем в настоящее время данный вопрос не нашел однозначного решения ни в юридической литературе, ни посредством нормативного правового регулирования.

Однако указанная тема приобретает все большую актуальность в связи с возникшими случаями отказа представительными (законодательными)

органами субъектов РФ в предоставлении права законодательной инициативы прокурорам ряда субъектов РФ. Очевидно, что отказ в предоставлении им права законодательной инициативы существенно затрудняет исполнение Приказа Генерального прокурора РФ от 24 ноября 2008 г. № 243 «Об участии органов прокуратуры в законопроектной работе законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и нормотворческой деятельности органов местного самоуправления». Согласно п. 1.1 Приказа прокуроры субъектов РФ обязываются активнее использовать принадлежащее им право законодательной инициативы, а в субъектах РФ, в которых прокуратура не обладает указанным правом, необходимо ставить вопрос о его предоставлении прокурорам конституциями (уставами) субъектов РФ, уставами муниципальных образований.

Неопределенность в вопросе о наличии у органов прокуратуры права законодательной инициативы обусловлена отсутствием четкой позиции законодателя. В настоящее время законодательное регулирование способов участия в правотворческом процессе органов прокуратуры отличается непоследовательностью.

Конституция РФ 1993 г. в ч. 1 ст. 104 содержит исчерпывающий перечень субъектов права законодательной инициативы, в который органы прокуратуры не включены. Вместе с тем действующее российское законодательство предусматривает возможность участия прокуроров в правотворческой деятельности. Так, в соответствии с Федеральным законом № 2202-1 прокуратура принимает участие в правотворческой деятельности (ч. 4 ст. 1). Закон также закрепляет за прокурором возможность вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов (ст. 9). Формы участия прокурора в правотворческой деятельности различны, к ним, в частности, относятся: внесение соответствующих

предложений; выступление на заседаниях; участие в рабочих группах для разработки проектов законодательных и иных нормативных правовых актов.

Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к субъектам права законодательной инициативы относит: депутатов, высшее должностное лицо субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ), представительные органы местного самоуправления. Закон также устанавливает, что конституцией (уставом) субъекта РФ право законодательной инициативы может быть предоставлено иным органам, членам Совета Федерации Федерального Собрания РФ — представителям от законодательного (представительного) и исполнительных органов государственной власти данного субъекта РФ, общественным объединениям, а также гражданам, проживающим на территории данного субъекта РФ (ч. 1 ст. 6).

Таким образом, действующее законодательство не содержит препятствий для возможности наделения органов прокуратуры субъектов РФ правом законодательной инициативы в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Федерации. Субъекты Федерации вправе самостоятельно в конституциях (уставах) субъектов Федерации решить вопрос о предоставлении права законодательной инициативы в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Федерации органам прокуратуры.

Руководствуясь положениями ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 184-ФЗ, предусматривающими возможность наделения правом законодательной инициативы иных органов, помимо перечисленных в статье, субъекты предоставили указанное право органам прокуратуры, либо прокурорам субъектов РФ. Так, на сегодняшний день большинство субъектов Федерации (69 из 83) в своих конституциях, уставах относят к числу субъектов, обладающих правом законодательной инициативы прокуроров субъектов Федерации. При этом обратим внимание на тот факт, что в субъектах РФ

по-разному регламентируется предоставление этого права. В отдельных субъектах Федерации данное право предоставлено органам прокуратуры субъектов Федерации; в других - непосредственно прокурорам субъектов Федерации.

Рассматривая указанную проблематику, следует различать право законодательной инициативы, предоставляемое органам прокуратуры и непосредственно прокурору. В этом отношении Закон № 184-ФЗ, предусматривающий возможность наделения прокуратуры правом законодательной инициативы, предоставляет указанное право только органам, а не конкретным должностным лицам. В связи с этим следует согласиться с мнением ряда исследователей, что прокуроры субъектов РФ могли бы лишь осуществлять полномочия по реализации права законодательной инициативы от имени органов прокуратуры субъектов РФ, но не самостоятельно обладать этим правом.

Отметим, что законодательно полномочия прокуратуры сформулированы как надзорные. Сущность надзорной функции, в отличие от функции контроля, заключается в постоянном, систематическом наблюдении специальных государственных органов за деятельностью не подчиненных им органов или лиц с целью выявления нарушений законности. В связи с этим недопустимо непосредственное вмешательство в исполнительно-распорядительную деятельность поднадзорных органов с целью устранения нарушения закона. Но это не препятствует наделению органа, осуществляющего надзор, полномочиями властного характера, например, правом требовать принятия необходимых и своевременных мер к устранению правонарушения. В частности, органы прокуратуры не имеют возможности непосредственно влиять на работу органов власти и устранять нарушение закона, но обладают правом вынесения акта прокурорского реагирования (например, принесение протеста на противоречащий закону акт, внесение представления об устранении нарушений закона и т. д.).

При данных обстоятельствах наделение указанным правом органов прокуратуры представляет собой предоставление им функции по предвари-

тельному контролю законности, что, в свою очередь, не исключает возможности злоупотреблений. Так, законопроект, внесенный надзорным органом, в случае его принятия законодательным (представительным) органом субъекта РФ, может оказаться в привилегированном положении, с точки зрения надзора за его соответствием законодательству, по сравнению с законо-проектами, внесенными другими субъектами законодательной инициативы [1; с. 46].

Исходя из вышеизложенного, предоставление органам прокуратуры субъектов РФ рассматриваемого права не соответствует функциональному назначению прокуратуры как органа, осуществляющего общий надзор за соблюдением законности. В этой связи полагаем целесообразным изъятие данного права прокурора из нормативных правовых актов субъектов РФ.

Отметим, что отсутствие у прокуратуры права законодательной инициативы не умаляет значимости вносимых ею законодательных предложений, а также не исключает возможностей ее сотрудничества со всеми ветвями власти. Материалы прокурорского надзора могут эффективно использоваться в процессе восполнения пробелов правового регулирования тех или иных общественных отношений. Это позволило бы повысить качество принимаемых законов и иных нормативно-правовых актов, а также свести к минимуму сроки приведения законодательной базы субъекта Федерации в соответствие с изменениями федерального законодательства.

Отдельно следует остановиться на таком полномочии прокурора как опротестование нормативных правовых актов субъектов РФ.

Чрезвычайно важен вопрос о возможности утраты юридической силы положений конституций (уставов) субъектов Федерации по причине их противоречия положениям федерального закона (в частности, если Федеральный закон принят по предметам ведения РФ). В Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П выражена правовая позиция о невозможности такой постановки вопроса: выявление соответствия конституций (уставов) субъектов Федерации федеральным законам без установления их соответствия Конституции РФ не является достаточным

основанием для признания нормы конституции (устава) субъекта Федерации утратившей юридическую силу и потому не подлежащей применению. Разрешение такого рода вопросов влечет за собой необходимость применения процедур конституционного судопроизводства.

Таким образом, рассмотрение положений конституций (уставов) субъектов Федерации на предмет их соответствия федеральным законам перестало быть предметом правоприменительной практики, что, очевидно, не соответствует интересам обеспечения соблюдения Конституции РФ. Удачным решением данного вопроса послужило Указание Генерального прокурора РФ от 10 сентября 2003 г. № 36/7 «Об организации прокурорского надзора за соответствием федеральному законодательству конституций и уставов субъектов Российской Федерации в связи с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П» прокурорам субъектов Российской Федерации было предложено при необходимости оспаривания в порядке конституционного судопроизводства незаконных положений региональных конституций и уставов направлять в Генеральную прокуратуру РФ проект запроса в Конституционный Суд РФ.

Причины несоответствия правовых актов закону могут заключаться в незнании, игнорировании требований закона, отсутствии должной юридической подготовки и культуры у разработчиков правовых актов и должностных лиц, от которых зависит их издание, стремление данных лиц к получению незаконных льгот и преимуществ, к достижению иных корыстных целей.

Норма ч. 1 ст. 23 Федерального закона № 2202-1 допускает возможность опротестования незаконных правовых актов в судебном порядке. При этом отметим, что прокурор вправе самостоятельно избирать способ опротестования не соответствующих законности правовых актов (либо должностному лицу, его принявшему, либо в вышестоящий орган, либо в суд). На наш взгляд, рассмотрение протеста прокурора судом и последующее его удовлетворение имеет повышенный общественный резонанс, способствует единообразному толкованию и применению правовых норм, повышает престиж органов

прокуратуры и создает благоприятные и устойчивые условия для реализации прокурорского надзора во всех сферах общественной жизни. При этом представляется, что преимущественно судебное обжалование органами прокуратуры незаконных нормативных актов, нарушающих права и законные интересы широкого круга лиц, будет активно способствовать их восстановлению [3; с. 28].

Таким образом, в деятельности прокуратуры заложена специфика, в том числе и такой правовой формы деятельности государства, как инициирование применения мер федерального вмешательства в дела субъектов Федерации.

При этом нельзя забывать, что прокурорский надзор за законностью проецируется и на деятельность контрольно-надзорных органов. Полномочия прокуратуры должна оставаться исключительно в рамках надзора за законностью деятельности указанных органов, можно требовать от них проведения проверок в подконтрольных (поднадзорных) структурах, а также выделения специалистов для выяснения возникших вопросов. Но выполнение прокуратурой координационных функций контрольно-надзорных органов не может быть признано целесообразным. Исполнение и соблюдение законов — это не только предмет прокурорского надзора, но и обязанность органов государственной власти, в том числе самих органов контроля (надзора). Поэтому если прокуратура станет координировать выполнение этой обязанности, то, как уже отмечалось, начнет подменять полномочия органов исполнительной власти, что недопустимо.

Список литературы:

1. Кетов Ю.М. Реализация прокуратурой мер федерального вмешательства в дела субъектов Федерации // Современное право. 2005. № 1.
2. Кошлевский В.Д. Прокуратура в системе органов государственной власти Российской Федерации: теоретический аспект. Пенза, 2007.
3. Мещерякова М.А., Нанба С.Б. К вопросу о праве законодательной инициативы органов прокуратуры субъектов Российской Федерации // Государственный аудит. Право и экономика. 2009. № 4.
4. Стрельников В.В. Проблемы и перспективы прокурорского надзора за законностью правовых актов // Бизнес в законе. 2011. № 5.

НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Энговатова Яна Андреевна

*магистрант факультета электронного образования
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты
E-mail: Diva_2727@mail.ru*

Кириленко Виктория Сергеевна

*научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент кафедры «ТПиПСО»
ИСОиП (филиал) ДГТУ в г. Шахты,
РФ, г. Шахты*

Нами уже неоднократно писалось о том, что современная законотворческая деятельность в сфере уголовной политики характеризуется крайней непоследовательностью и противоречивостью [1; с. 15]. Только в 2013 г. было принято четырнадцать федеральных законов, вносящих изменения и дополнения в действующий Уголовный кодекс [2; с. 32]. Многие из них, мягко говоря, вызывают недоумение. Чего только стоит включение в ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» пункта 1.1, гласящего, что «судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ» [3; с. 56]. Совершенно очевидно, что предоставление суду такого права еще больше расширит пределы так называемого судебного усмотрения при решении вопроса — считать алкогольное или наркотическое опьянение в каждом конкретном случае отягчающим обстоятельством или нет.

Похвально желание законодателя включить в систему мер борьбы с незаконной миграцией, с так называемыми «резиновыми» квартирами и в конечном счете с совершаемыми мигрантами преступлениями, в т. ч. террористического характера, такие уголовно-правовые нормы,

как «фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» (ст. 322.2 УК РФ), а также «фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации» (ст. 322.3 УК РФ) [4; с. 12]. На наш взгляд, вызывает большое сомнение необходимость криминализации подобного рода деяний, за совершение которых, при должной организации работы правоохранительных и жилищно-коммунальных служб, было бы вполне достаточно административной ответственности. Помимо этого, внимательное знакомство с этими нормами так и не дает ответа на возникающий вопрос, чем же фиктивная регистрация отличается от фиктивной постановки на учет, тем более что второе понятие в законе раскрыто, а первое нет. И еще одно. Учитывая повсеместную распространенность сдачи внаем жилья в Москве и других крупных городах, вызванную в первую очередь социально-экономическими причинами, нетрудно представить, сколько людей попадет под действие данных уголовно-правовых норм (кстати, предусматривающих реальное лишение свободы на срок до трех лет). Я уже не говорю о том объеме работы, которой будут заниматься органы дознания и мировые суды, в подследственность и подсудность которых входят данные составы.

А теперь, собственно, об антитеррористических законах. Базовая антитеррористическая уголовно-правовая норма — ст. 205 УК РФ «Террористический акт», в редакции Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, — за время своего существования претерпела немало изменений, иногда вполне оправданных, иногда достаточно сомнительных с точки зрения практической целесообразности и базовых уголовно-правовых принципов. В условиях непрекращающегося роста преступлений террористической направленности вполне оправданным, на наш взгляд, было повышение ответственности за указанные деяния вплоть до пожизненного лишения

свободы. Однако непонятна логика законодателя, включившего в квалифицированный состав террористического акта умышленное причинение в результате его совершения смерти человека, что вполне укладывается в институт совокупности преступлений. Вместе с тем законодатель почему-то до сих пор не обратил внимание на такие достаточно очевидные несовершенства указанной нормы, как объединение в одном составе (ч. 1 ст. 205 УК РФ) и реального совершения взрывов, поджогов или иных действий с определенными в законе целями, и угрозы совершения указанных действий (так называемое информационное терроризирование), степень опасности которых совершенно различна (на это уже указывали другие исследователи); указание в ч. 2 ст. 205 УК на такие последствия, как причинение в результате теракта значительного имущественного ущерба и отсутствие ответственности за причинение крупного и особо крупного ущерба (в понятие иных тяжких последствий они не входят).

Еще больше вопросов вызывает ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», в объективную сторону которой входит совершение таких деяний, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса. Фактически часть из перечисленных деяний охватывается понятиями подстрекательства и пособничества (ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ). Нельзя также не обратить внимание на грамматическое несовершенство данной нормы: «склонение» и «вербовка» кого и куда? В данной норме по-прежнему присутствует исключенное из уголовно-правового лексикона понятие «терроризм». Но больше всего вопросов вызывает включение в ст. 205.1 УК РФ части 3 «Пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 настоящего Кодекса». Это совершенно избыточная норма, поскольку понятие пособничества раскрыто в ч. 5 ст. 33 УК РФ. Излишним также является включение в примечание к ст. 205.1 УК РФ примечания 1.1, в котором один в один повторяется понятие пособничества, данное в ч. 4 ст. 33 УК РФ. И самое

главное, за пособничество законодатель предусмотрел максимальное наказание — лишение свободы на срок до двадцати лет, которое (внимание!) на пять лет превышает максимальное наказание за оконченный состав террористического акта (ч. 1 ст. 205 УК РФ) и равен максимальному наказанию за террористический акт с отягчающими обстоятельствами (ч. 2 ст. 205 УК РФ). Это противоречит принципу справедливости, который гласит, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Не отрицая общественной опасности пособничества в совершении преступлений террористического характера, нельзя ставить на один уровень реальных исполнителей и организаторов терактов и пособников, которые в любом случае играли в совершении преступления вспомогательную роль.

Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302 в Уголовный кодекс был включен ряд новых антитеррористических составов — ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ст. 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и ст. 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». Криминализацию подобных деяний в целом можно только приветствовать, но, к сожалению, редакция указанных норм оставляет желать лучшего. Это прежде всего касается последних двух составов — ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, сконструированных по аналогии со ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)», ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» и ст. 282.2 «Организация деятельности экстремистской организации».

В ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем» законодатель, к сожалению, не учел положения ст. 35 УК РФ, часть 3 которой дает понятие организованной преступной группы (устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких

преступлений) и преступного сообщества (преступной организации) — структурированной организованной группы или объединения организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Приведенные определения, по нашему мнению, также несовершенны, в частности, на наш взгляд, излишним является указание на цель преступного сообщества — получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, поскольку те же экстремистские и террористические сообщества не обязательно и не всегда преследуют материальную или финансовую выгоду. Тем не менее в нынешней редакции ст. 205.4, равно как и ст. 282.1 УК РФ, произошло смешение разных форм соучастия — организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), а именно понятие террористического (экстремистского) сообщества наделено таким признаком организованной группы, как устойчивость, между тем главным признаком преступного сообщества (преступной организации) является ее структурированность. Нет единства и в терминах: в ст. 205.4 УК РФ говорится о преступном сообществе, а в ст. 205.5 УК РФ — о преступной организации.

В развитие действующего законодательства группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации в январе 2014 г. был разработан новый пакет антитеррористических законов: законопроект № 428889-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий изменения Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Уголовного кодекса Российской Федерации и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; законопроект № 428884-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», предусматривающий внесение изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; законопроект № 428896-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий внесение изменений в Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Указанный пакет законопроектов стал предметом состоявшихся 27 января 2014 г. в Общественной палате Российской Федерации слушаний на тему «Новые правовые механизмы предотвращения терроризма», в которых приняли участие авторы законопроекта, представители законодательных и правоохранительных органов, общественности, известные ученые. В целом данные законопроекты были одобрены и направлены на экспертизу в Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

В свете ранее сказанного хотелось бы высказать свои соображения по данным законопроектам, в основном касающимся внесения изменений в уголовное и административное законодательство.

Законопроектом № 428889-6 предлагается повысить максимальное наказание за организацию незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ) до пожизненного лишения свободы, между тем данной статьи нет в перечне составов, которые предлагается включить в ст. 64 УК РФ как не подлежащие назначению наказания ниже низшего предела, предусмотренного указанными статьями, или назначению более мягкого вида наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей, либо применения дополнительного наказания, предусмотренного в качестве обязательного. Данной статьи также нет в перечне преступлений, к которым не может быть применено

условное осуждение (ст. 73 УК РФ), а также в перечне преступлений, на которые не распространяются сроки давности совершения преступления (ст. 78 УК РФ), отсрочка исполнения приговора (ст. 82 УК РФ) и сроки давности исполнения приговора (ст. 83 УК РФ). Это не очень логично, поскольку авторы законопроекта предлагают за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 208 УК РФ, назначать максимальное наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Из предложения о дополнении части первой ст. 82 словами «к лишению свободы за преступления, предусмотренные статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса», не понятно, после каких слов необходимо добавить указанные слова.

По вышеуказанным причинам считаем нецелесообразным наличие в ст. 205.1 УК РФ части третьей и соответственно внесения в нее изменений.

Считаем излишним включение в ст. 205.1 УК РФ части 4 «Организация совершения преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.3, 206 и 211 настоящего Кодекса, а равно организация финансирования терроризма», поскольку ответственность организатора за любое преступление уже предусмотрена частью 3 ст. 33 УК РФ.

Представляется избыточным и не соответствующим степени общественной опасности преступления повышение максимальной санкции ст. 205.3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» с десяти лет лишения свободы до пожизненного лишения свободы.

Вызывает сомнение предложение о дополнении Кодекса об административной ответственности Российской Федерации ст. 15.27.1 «Финансирование терроризма», предусматривающей наказание в виде наложения административного штрафа на юридических лиц от одного миллиона до шестидесяти миллионов рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, если они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений,

предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 211, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений. Объективная сторона данного правонарушения содержит в себе все признаки преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», а именно финансирования терроризма. В случае выявления подобного деяния уголовному, а не административному наказанию подлежат конкретные лица, ответственные за деятельность данного юридического лица, поскольку уголовная ответственность юридических лиц российским уголовным законодательством не предусмотрена.

Уголовный закон — это наиболее острая и строгая форма реагирования государства на общественно опасные деяния, и не хотелось бы, чтобы нормы уголовного законодательства менялись в зависимости от конъюнктурных соображений и сиюминутной политической целесообразности. Нельзя менять закон походя, после каждого резонансного случая, каким в данном случае явились печально памятные взрывы в Волгограде. Поспешность и непродуманность принятия пакета антитеррористических законов в ноябре 2013 г. привела к тому, что уже через два месяца мы начали их менять, причем не всегда в лучшую сторону, с большим нарушением общеизвестных правил и принципов теории уголовного права. Об этом говорилось 18 ноября 2013 г. на парламентских слушаниях в Комитете Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» под председательством В.И. Матвиенко. По результатам парламентских слушаний были приняты Рекомендации «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики». В данных Рекомендациях было отмечено, что в настоящее время в законодательстве отсутствует понятие

«уголовно-правовая политика». До сих пор не выработано единообразного подхода к решению теоретических вопросов и содержанию уголовно-правовой политики. Одной из задач уголовно-правовой политики должна быть разработка таких норм, которые были бы максимально стабильными и не требовали частых изменений, что способствовало бы повышению эффективности общепреventивной функции уголовного закона. Палатам Федерального Собрания Российской Федерации рекомендовано проанализировать уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, с целью исключения противоречий. Правительству Российской Федерации — принять меры к разработке научно обоснованной концепции, подтвержденной криминологическими исследованиями Концепции уголовно-правовой политики.

Участниками слушаний, в частности председателем Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству Владимиром Плигиным, высказано мнение — вносить изменения в уголовное законодательство не чаще одного раза в год и только после обстоятельной комплексной экспертизы вносимых законопроектов, с обязательным участием в их обсуждении ведущих научных и учебных заведений, известных ученых, общественных деятелей.

Хотелось бы, чтобы к этому предложению прислушались те, от кого зависит состояние нашего законотворчества.

Список литературы:

1. Гладких В.И. О некоторых проблемах уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности / В.И. Гладких // Российская юстиция. 2012. № 3.
2. Гладких В.И. Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса / В.И. Гладких // Российский следователь. 2012. № 11.
3. Гладких В.И. Еще раз о кризисе уголовной политики / В.И. Гладких // Вопросы правоведения. 2013. № 4.
4. Коновалова А.Б. Угроза совершения террористического акта и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как формы информационного терроризирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Коновалова. М., 2006.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ XXI СТОЛЕТИЯ.
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

*Электронный сборник статей по материалам XXIV студенческой
международной заочной научно-практической конференции*

№ 9 (24)
Сентябрь 2014 г.

В авторской редакции

Издательство «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 15
E-mail: mail@sibac.info

СибАК
www.sibac.info